This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

4482

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ex
IL

Ж-17
6 Ж47(п)
Zhadovskaia, Iu

СОЧИНЕНІЯ

Ю. В. ЖАДОВСКОЙ

Д 17 г.

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНІЕ

081
Жадо 17.
4482

СТИХОТВОРЕНІЯ И ПЕРЕПИСКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣева, Троицкій пер., д. № 32.
1886.

Собственность Вѣры Николаевны фонъ-Дервизъ.

PG 3447
Z3A6
1886

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Выпуская въ свѣтъ переписку и нѣкоторыя стихотворенія моей покойной сестры **Ю. В. Жадовской**, *не вошедшіе въ полное посмертное изданіе собранія ея сочиненій, я поставляю себѣ священнымъ долгомъ засвидѣтельствовать мою глубокую душевную признательность вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Вѣрѣ Николаевнѣ фонъ-Дэрвизъ, щедрымъ иждевеніемъ ея и могло появиться въ печати все вошедшее въ эту книгу.*

Въ будущихъ поколѣніяхъ всѣ чуткія души, одаренныя тонкимъ критическимъ анализомъ, съ благодарностію оцѣнятъ эту великодушную жертву, давшую возможность заглянуть въ самую глубь души даровитой русской писательницы и поэтессы.

Павелъ Жадовскій.

ПЛАЧЬ БОГОРОДИЦЫ.

(Полагается на музыку графомъ А. Д. Шереметевымъ).

На крестъ позора вознесенъ,
Я вижу сынъ мой и Спаситель;
Какъ тяжко страждетъ дивный, Онъ
Людей и міра Искупитель?
На муки Господа взирая,
Сама въ страданьяхъ изнываю?

Ужели сладостныхъ рѣчей
Изъ устъ Его я не услышу
О дивный свѣтъ моихъ очей,
Ужель тебя я не увижу?
Зачѣмъ въ ужасный страшный часъ
Ты мой Божественный угасъ.

Хоръ Ангеловъ.

Все сотворенное
Съ Дѣвой священною
Въ благоговѣніи
Предъ сокровенною
Тайной спасенія
Въ страхѣ склонись.

Надежда свѣтлая моя,
Обѣтъ Всевышняго священный
Я вижу Боже мой тебя:
Висишь страданьемъ изможденный!
Душа моя тоской пылаетъ
Съ Тобой и въ адъ мой сынъ желаетъ,

Какъ, Тотъ, Кто мертвыхъ оживлялъ,
Въ минуту избавлялъ отъ тлѣнья
Кто всѣ недуги исцѣлялъ,
Въ комъ міръ узрѣлъ свое спасенье
Мертвецъ. О сладкій Боже мой,
Возьми, возьми меня съ собой!

Хоръ Ангеловъ.

Тайна чудесная!
Благость небесная
Міру спасеніе
Смертію крестною,
Бога мученьемъ
Хочетъ купить!

О плачьте вмѣстѣ вы со мной,
Вы жены кроткія, святыя,
Рыдайте съ горемъ и тоской,
Увы, во гробѣ Вашъ Мессія!
И отъ Него не отойду я
Въ могилу вмѣстѣ съ Нимъ сойду я...

Ахъ, въ сердце скорбное мое
Ужъ не заглянетъ больше радость
Я вижу мертвецомъ Того,
Въ комъ свѣтъ, покой и жизни сладость!
Нѣтъ, съ плачемъ горестнымъ моимъ
Здѣсь погребуся вмѣстѣ съ нимъ?

Хоръ Ангеловъ.

Мать искупленія,
Дѣва спасенія,
Сынъ Твой Божественный
Преданъ нетлѣнію;
Въ силѣ торжественной
Богъ твой воскреснетъ!

Но исцѣли мнѣ скорбь мою,
Владыко, вѣчный и всесильный!
Ты можешь все Тебя молю:
Излей щедротъ потокъ обильный
На душу скорбную мою,
Да съ упованьемъ слезы лью!

Не рыдай обо мнѣ, Ты о Матерь моя
Видя въ гробѣ лежаща, безъ жизни Меня;
Ты не плачь, Пресвятая, такъ горько о томъ,
Кто безсѣмянно зачать во чревѣ твоемъ;
Я воскресну со славой, какъ Богъ и спасу
Всемогущею властью своей вознесу

Всѣхъ, кто здѣсь, на землѣ Пресвятая Тебя
Величаетъ, съ горячею вѣрой любя.
Такъ изъ гроба, въ тиши Приснодѣвѣ изрекъ
Въ утѣшенье души дивный Богъ-Человѣкъ.
И глаголамъ Владыки Святая внимала,
И ему поклонясь, съ упованьемъ сказала:

Милосердье Твое прославляю, Создатель;
Поклоняюсь тебѣ, я о жизни податель,
Грѣшный міръ, развращенный, желая спасти
Богъ мой въ жертву изволилъ себя принести.
Воскресеньемъ Твоимъ и Божественной силой
Всѣхъ насъ, Боже, спаси, сохрани и помилуй.

Ярославль 1845 года.
Мая 5-го.

ТАЙНЫЯ ДУМЫ.

Was ist unserem Vergen die Welt ohne Liebe? eine Zauberlaterne ohne Licht.
Göthe.

Мина и Лиза (*ея пріятельница*).

I.

(Утро. Чистенькая и свѣтленькая комнатка, на окнахъ много цвѣтовъ).

Мина.

Здѣсь все, что нужно мнѣ, что я люблю:
Цвѣты, работа, книги, и въ окошко
Привѣтно на меня глядитъ п[illegible]ода;
Зачѣмъ-же думы душу мнѣ гнетутъ?
Зачѣмъ она такъ глухо, непонятно,
Волнуется? Куда она стремится?
И кажется мнѣ все, что я въ темницѣ...
И, будто цѣпи на душѣ моей;
Я, сбросивъ ихъ, умчалась-бы высоко...
Все полонъ умъ вопросовъ—безотвѣтныхъ
И смутныхъ думъ, все жажду я познаній!
Меня объемлетъ странная тоска,
Меня тревожитъ странное смущенье!
Я чувствую, къ несчастью, слишкомъ ясно,
Что на землѣ я счастья не найду:
Какое-бы высокое блаженство
Фантазія моя не представляла, —
Блаженство, разумѣется земное, —

Сей часъ насмѣшливый и тайный голосъ
Ужь внятно шепчетъ, леденя мнѣ сердце,
Что радость будетъ для меня — мгновеньемъ,
Что пустота ее сей часъ замѣнитъ,
Что эта пустота мнѣ будетъ мукой...
При голосѣ, холодномъ и печальномъ,
Желанія мои, мгновенно, изчезаютъ
И сладкія надежды увядаютъ...

(*Вздыхаетъ*).

Ахъ, все это, къ несчастью, отъ того,
Что я особенно, отъ прочихъ, создана...
И чувствую, и мыслю я не такъ,
Какъ всѣ знакомые мнѣ люди; но
Я, межъ тѣмъ, боюсь сознаться въ этомъ
Предъ ними: думаю, что всѣ они
Меня-бы стали страшно ненавидѣть,
А я любви желаю всей душой.
Вся жизнь моя — печальное притворство!
Единственная страсть моя — природа...
Ей, матери земной, я скорбь мою ввѣряю,
Ея цвѣты слезами поливаю.

(*Задумывается*).

Я и влюбиться не могу, какъ всѣ,
Знакомыя, въ мои лѣта, дѣвицы!
И каждому изъ нихъ я, не краснѣя
Могу смотрѣть въ глаза свободно, смѣло...
И всѣ они мнѣ кажутся такъ пошлы,
Такъ далеки отъ свѣтлаго понятья
Любви, высокаго, святаго чувства,
Что, какъ на куколъ я на нихъ гляжу...
Мнѣ это очень грустно и обидно.
Зачѣмъ такія мысли мнѣ приходятъ?
Зачѣмъ я не мечтаю ни о комъ?
Зачѣмъ, какъ у другихъ мое не бьется сердце,
При пошлой нѣжности, иль комплиментѣ?
И отъ того-то мнѣ съ людьми бываетъ скучно,
Что я къ нимъ слишкомъ, слишкомъ равнодушна!

(*Подходитъ къ окну*).

Какъ благотворно, какъ великолѣпно
Сіяетъ утромъ золотое солнце!

Его лучи весну на землю сводятъ
И разцвѣтаютъ новые цвѣты,
И одѣваютъ новые листы
Деревья. Это голубое небо
Какимъ блаженствомъ вѣетъ на меня!
Съ какой любовью землю обнимаетъ!
Съ какою страстью на него земля,
Высокою и полною, взираетъ!
Быть можетъ, духи чистыя, незримо,
Въ прозрачной синевѣ теперь летаютъ
И хвалятъ сладостно Творца всего.
Счастливцы могутъ вѣдь безъ затрудненья
Высказывать свои святыя чувства
И нѣтъ для нихъ мечты необъяснимой,
И мысли нѣтъ, для нихъ невыразимой!
(*Растворяетъ окно*).
Какой чудесный благотворный воздухъ!
Привѣтъ мой вамъ, весенніе цвѣты!
Я весь-бы міръ, когда-бъ то можно было
Въ мою-бы душу заключила...
Зачѣмъ я не могу мечтать, какъ прежде,
Зачѣмъ, какъ прежде вѣрить не могу!
А, между тѣмъ, почти я горя не имѣла...
Зачѣмъ-же, въ юныя такія лѣта,
Разсудокъ мнѣ желѣзною рукой
Невольно жизнь и свѣтъ разоблачаетъ?
И нѣтъ ни одного во мнѣ желанья
Котораго-бы онъ не осмѣялъ
Но здѣсь, подъ этимъ небомъ голубымъ,
При солнечныхъ лучахъ животворящихъ,
Вблизи цвѣтовъ еще полуразцвѣтшихъ
Здѣсь согрѣвается душа моя,
И мысль мою восторгъ любви объемлетъ,
И хочется молиться Богу мнѣ.
(*Тихо склоняется на колѣни*).
Владыка неба и земли
Повѣй дыханіемъ любви
На душу бѣдную мою.
Источникъ истины святой!
Ты просвѣти мнѣ разумъ мой;

Ума стремленья укроти,
Волненья сердца усмири.
О, Боже вѣчной красоты,
Духъ святости и чистоты,
Возвысь меня, очисти, просвѣти!

(*Встаетъ поспѣшно при шумѣ растворяющейся двери и идетъ на встрѣчу Лизѣ*).

II.

Лиза (*входя*).

Не помѣшала-ли я вамъ, ma chere? Вы что-то читали?.. Стихи какіе-нибудь? Я очень люблю стихи, особливо, печальные...

Мина (*протягивая ей руку*).

Здравствуйте, милая Лиза, я всей душой вамъ рада.
(*Садятся*).

Лиза.

Какія вы розовенькія сегодня! Преинтересныя!

Мина.

Я долго стояла передъ открытымъ окномъ...

Лиза.

Любовались природой? О, мечтательная головка!

Мина.

Да, я люблю природу.

Лиза.

Полноте, ma chere, полюбите лучше кого-нибудь изъ людей, т. е. влюбитесь. А ужь какъ-бы я желала, чтобъ вы влюбились.

Мина.

Въ кого-же? . (*Смѣется*) странное желаніе!

Лиза.

Ахъ, правда, не въ кого! Что-же дѣлать?..

Мина.

Да вы и сами не влюблены, Лиза.

Лиза.

Это отъ того, что случая не имѣю... да, если сказать правду, любовь, т. е. настоящая любовь,—была-бы не подъ силу моему легкому и веселому характеру... Она-бы слишкомъ тяготила меня. Я люблю безпечность. Вѣдь въ любви страдаютъ. Я видѣла влюбленныхъ: бывало у меня сестры бѣдненькія,—когда влюбятся, то какъ плачутъ и тоскуютъ; ну, да у нихъ это скоро проходило.—Нѣтъ, что это за любовь, ужь влюбиться такъ хорошенько на вѣкъ... Чему вы смѣетесь?

Мина.

Вашей вѣчной любви... какъ будто она отъ насъ зависитъ! мнѣ кажется, что она, какъ вдохновеніе, приходитъ и уходитъ, не спросясь; иначе, кто-бы изъ насъ добровольно лишилъ себя прекраснаго чувства, составляющаго такое высокое блаженство? чѣмъ выше любовь, тѣмъ грустнѣе пережить ее...

Лиза.

Ну ужь я увѣрена, что если-бы вы полюбили, то не разлюбили-бы скоро.

Мина.

За то я и влюбиться не могу, вдругъ, съ перваго свиданія, какъ другія: понравятся наружность, манеры,—и вотъ ужь онѣ воображаютъ, что любятъ, начинаютъ вздыхать и ахать, а что всего хуже, придавать своему герою всемożныя совершенства, не вѣря въ существованіе его недостатковъ,—не хотятъ даже, чтобъ онъ былъ человѣ-

комъ, а видятъ въ немъ какое-то напыщенное созданіе *своей мечты*. Мудрено-ли, что такимъ образомъ, онѣ скоро дѣлаются смѣшными самимъ себѣ и другимъ, и счастливѣйшую способность нашего сердца начинаютъ называть глупостью, оскорбляя этимъ Творца и свою душу.

Лиза.

Ахъ, вы говорите правду; но, этакъ, пожалуй, вы и никогда не влюбитесь.

Мина.

Что дѣлать! это немного грустно; но, почти справедливо. Любовь,—говорятъ,—безумство, волненье, огонь,—а въ сердцѣ у меня такъ холодно и тихо... никто не возбуждаетъ въ немъ, покуда, ни радости, ни грусти; ничье отсутствіе не огорчаетъ меня сильно; ни о комъ я не думаю съ тоской и восторгомъ; какой-то демонъ иронiи овладѣваетъ всѣми моими привязанностями и шепчетъ мнѣ любимое свое слово: „заблужденье...“ Я всѣми силами отбиваюсь отъ его страшнаго вліянія,—и страдаю! Въ душѣ моей только одно чувство, къ которому онъ еще не смѣетъ прикоснуться, – это чувство—любовь къ природѣ: я плачу, объятая ея красотою,—и мнѣ не смѣшно! Я вѣрю въ лучшую жизнь за звѣздами,—и мнѣ это не кажется заблужденіемъ! Иногда же, милая Лиза, какой-то ужасный, внутренній холодъ прохватываетъ такъ глубоко мою бѣдную душу, что я, по цѣлымъ часамъ остаюсь неподвижно, безъ мысли и чувства. Тогда,—повѣрите-ли?—я рада-бы была всякому потрясенію, даже печальному, лишь-бы оно дало мнѣ почувствовать, что во мнѣ еще не совсѣмъ окаменѣло сердце!

Лиза.

Ахъ, что это, ma chere, какія вы странныя! Вы меня удивляете... И что за демонъ у васъ! Богъ съ вами,—это ужасно... нѣтъ, что за удовольствіе вести такіе разговоры; на меня даже тоска нашла. Скажите лучше, переписали-ли вы для меня обѣщанные стишки?

Мина *(подавая ей со стола исписанный листъ бумаги)*.

Вотъ они.

Лиза.

Вотъ, за это вамъ очень благодарна! — Однако, мнѣ пора. Прощайте, ma chere; можетъ быть, вечеромъ увидимся; не будете-ли вы у N? Я буду тамъ сегодня.

Мина.

Можетъ, и я буду.

Лиза.

Прощайте, ma chere (*цѣлуетъ ее*).

Мина.

До свиданія!

III.

Мина (*одна*).

Видно, есть души, которымъ въ этомъ мірѣ, какъ можно предъ израильтянами, нельзя являться людьми безъ покрывала...

IV.

Везеръ и Мина (*у растворенная окна, смотритъ на небо, усѣянное звѣздами*).

Куда сложить тяжолый грузъ души?
Кому повѣдать скорбь, гнетущую меня?
Вокругъ меня людей знакомыхъ много,
И многіе меня-бы стали слушать...
Но гдѣ найду я теплое участье?
Гдѣ душу обрѣту съ сочувствіемъ отраднымъ,
Которая-бъ всѣ радости и горести мои
И поняла и раздѣлила непритворно?

Кому я укажу на это небо,
Покрытое блестящими звѣздами?
Мнѣ скажутъ, равнодушно: хорошо...
И не поймутъ души моей волненья!
Да, не поймутъ, что всю меня проникла
Непостижимая и тайная отрада...
Что каждая блестящая звѣзда,
Потокомъ огненнымъ, мнѣ въ душу льются чувства...
Что мой языкъ, съ невольнымъ увлеченьемъ,
Тревожныя лепечетъ рѣчи...
Что слезы, медленно, изъ глазъ моихъ катятся.
И, если кто, изъ *нихъ*, увидѣлъ эти слезы,—
Съ какой улыбкою взглянулъ-бы тотъ на нихъ,
Съ какой холодностью-бъ спросилъ, о чомъ я плачу...
Потомъ, съ иронiей, невыносимо-глупой,
Меня-бъ мечтательницей назвалъ...
Кто-жъ объяснитъ души моей волненье?

НЕУГОМОННАЯ ДУША.

Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ грустно этотъ міръ оставить;
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я-бы, кажется, желалъ
Печальный жребій мой прославить.
Чтобъ обо мнѣ, какъ лучшій другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

Пушкинъ.

Зинаида Марская къ своей подругѣ.

30-го апрѣля.

Твое письмо я получила;
Меня утѣшило оно,
Такъ ты еще не позабыла
Подруги прежней? Какъ давно
Мы не видались. Боже! Боже!
Какъ много перемѣнъ съ тѣхъ поръ...
Я стала старѣй, ты моложе!..
И, вотъ, судьбѣ на перекоръ,
Я замужемъ, за Марскимъ, Сашей:
Живу въ деревнѣ третій годъ;
Прекрасенъ видъ усадьбы нашей,
Свѣтла лазурь прозрачныхъ водъ
Рѣки, густыя рощи близко;
У дому старый темный садъ,
Склонились вѣтви ивы низко
Къ пруду и цѣлый день шумятъ.
И, часто, по густымъ аллеямъ
Мы съ мужемъ объ руку идемъ,

И думы разныя лелѣемъ,
И все чего-то, будто, ждемъ.
Онъ тотъ-же сладенькій мечтатель,
Любитель сливокъ и луны,
Жены смиренный обожатель;
Его понятія полны,
Почти ребяческаго чувства...
Онъ любитъ съ жаромъ говорить
О блескѣ славы и искусства,
И чрезъ минуту все забыть.
И, вѣчно, пышными рѣчами
Встрѣчаетъ онъ зари восходъ,
И полонъ сладкими мечтами,
Живетъ счастливо, безъ заботъ.
Не такова я, къ сожалѣнью,
Съ моею странною душой,
Печали, горькому сомнѣнью,
Подверженъ часто духъ больной.
Моими мыслями, досугомъ,
Какой-то демонъ овладѣлъ,
Необъяснимымъ мнѣ недугомъ
Мое онъ сердце одолѣлъ.
Зародышъ чуднаго страданья
Въ груди разстроенной лежитъ,
И непонятное желанье
Меня и давитъ, и томитъ.
Мнѣ лишь тогда легко бываетъ,
Когда, въ полдневный лѣтній жаръ,
Глухая туча набѣгаетъ,
И блещетъ молніи пожаръ,
Съ какимъ безумнымъ упоеньемъ,
Я жду грозы, едва дыша...
Невыразимымъ наслажденьемъ
Трепещетъ вся моя душа.
Мнѣ легче лишь тогда бываетъ,
Когда, мной сорванный, цвѣтокъ
Сердито, быстро увлекаетъ
Въ невѣдомую даль потокъ...
Я часто плачу, одиноко,
О томъ, въ вечерней тишинѣ,

Въ безуміи моемъ глубокомъ,
Что не о чемъ поплакать мнѣ...
И это все, мой другъ, кому-же
Я разскажу?— И для чего?—
Ужель мечтательному мужу,
Иль старой матери его?

Письмо второе.

2-го мая.

Пишу къ тебѣ, подъ сѣнью сада,
Тепло и пышно все вокругъ;
Поговорить съ тобой я рада,
Мой добрый, но далекій другъ.
Душа полна, а чѣмъ? Все вздоромъ...
Я надоѣсть боюсь тебѣ
Моимъ несвязнымъ разговоромъ
И болтовнею о себѣ.
О чемъ писать? Одно и то-же
Сегодня, завтра и вчера;
И дни бѣгутъ, бѣгутъ, мой Боже!
Безъ горя, счастья и добра...
Настанетъ утро, — вставши рано,
Брожу я долго по полямъ,
Любуюсь дымкою тумана
По отсырѣвшимъ берегамъ.
Потомъ домой спѣшу я, къ чаю,
Тамъ мужъ съ свекровью ждутъ меня;
Потомъ работаю, читаю,
И такъ пройдетъ остатокъ дня.
Живу я лѣтомъ жизнью новой,—
Природу пышную люблю;—
За то ужъ осенью суровой
Лѣнюсь, зѣваю и хандрю.
Мой Саша, просто мужъ примѣрный,
Какъ добръ, какъ постояненъ онъ,
Какой любовью нѣжной, вѣрной
До сей поры въ меня влюбленъ!
Скажи мнѣ, что со мною стало?

Совсѣмъ не та я, что была...
И сердце-ли во мнѣ увяло,
Иль счастье я пережила? —
Но только тяжело и грустно
Мнѣ принимать его любовь,
Хоть притворяюсь я искустно,
Чтобъ обмануть его, свекровь,
Чтобъ холодомъ души упорной
Мнѣ ихъ покоя не смутить,
И не надвинуть тучи черной,
И жизни имъ не отравить.
Но маска этого обмана,
Повѣрь мнѣ, очень не легка...
И раскрываетъ въ сердцѣ рану,
А душу давитъ мнѣ тоска.
Да, тяжело мнѣ, въ эти годы.
Кипучимъ сердцемъ умирать!
Лишенной сладостной свободы,
Отъ жизни ничего не ждать.
За этимъ лѣсомъ и полями
Не существуетъ ничего
Ужъ для меня!.. Порой, слезами
Мрачится блѣдное чело
Мое. А въ дѣтствѣ я слыхала,
Что есть чудесная страна...
Въ нее я мыслію летала.
Я здѣсь почти всегда одна.
Уединеніе рождаетъ
Порой нелѣпыя мечты,
И міръ далекій представляетъ
Намъ полный чудной красоты.
Одна я! Не съ кѣмъ подѣлиться
Моей безумною тоскою.
Одна... и не съ кѣмъ мнѣ сродниться
Неугомонною душой.
Одна! Ни друга, ни подруги,
Кому-бъ могла въ тяжолый часъ,
Я сердца тайные недуги
Открыть, насмѣшки не боясь.

Всѣ наши здѣшніе сосѣди
Такою пошлостью полны;
Мужчины—сущіе медвѣди,
А жоны—чопорны, смѣшны.
. . . . . .
. . . . . .

Даровъ къ Марскому.

5-го мая.

Такъ на меня ты, не шутя,
Сердитъ за глупое молчанье?
Но бѣситъ больше то меня,
Что не могу я оправданья
Найдти. Случается пора,
Что, какъ огня, я избѣгаю
Чернилъ, бумаги и пера,
А то, пожалуй, какъ-нибудь,
Придется ближняго кольнуть,
И брызнуть жолчью на людей.
Къ чему? Смѣшно и безполезно.
Но вѣрь, что я своихъ друзей
Не позабылъ, мой другъ любезный.
До сей поры вообразить
Я не могу тебя женатымъ!
Какъ? Саша вѣчно будетъ жить
Въ глуши помѣщикомъ богатымъ,
Забывъ нашъ странный, модный свѣтъ!
За что-жъ я холостъ въ тридцать лѣтъ?
Вѣдь ты ребенокъ предо мной.
Нѣтъ, это тяжко и обидно!
Но дѣлать нечего, судьбой
Назначено мнѣ такъ ужъ видно.
Скажи мнѣ, что твоя жена?
Томна, тиха и граціозна?
Безпечна, весела она?
Иль величава и серьезна?
Но, впрочемъ, что я? И забылъ,
Что дядя мой близь васъ купилъ

Имѣнье. — „Даровъ! — онъ сказалъ, —
Я вижу, ты душою боленъ —
И за руку меня поймалъ —
Я знаю, будешь ты доволенъ
Въ деревню съѣздить, подышать
Тамъ чистымъ воздухомъ полей,
А, можетъ, и хандру прогнать,
Такъ съѣзди въ Званово, ей, ей, —
Я съѣздилъ-бы и самъ, когда-бъ, такъ не былъ
я здоровьемъ слабъ.
Мою деревню осмотри,
Оно полезно и пріятно.
Да только, слушай, не хандри
Въ томъ краѣ тихомъ, благодатномъ.
Что-жъ? Я не прочь въ тиши пожить,
Души порывы заглушить.
Вседневность на меня глядитъ
Здѣсь, какъ-то вяло, глупо, пошло;
И рѣдко молньей пробѣжитъ
По сердцу мысль о грустномъ прошломъ.
И что-жъ напомнитъ мнѣ она?
Обманы, страсти, заблужденья,
Которыми вся жизнь полна,
Да нерѣшенныя сомнѣнья.
Нѣтъ, ѣду, ѣду, скоро къ вамъ!
Твое житье увидѣть самъ.

Зенаида Марская къ той-же.

29-го мая.

Къ намъ вдругъ нежданный гость явился,
Какъ будто съ неба онъ свалился!
Пріятель мужа, молодой
Мужчина, очень недурной;
Высокій, стройный, худощавый.
Подчасъ съ улыбкою лукавой.
Со мной онъ холоденъ и сухъ,
За то ужъ съ мужемъ страшный другъ.

Мой Саша передъ нимъ ребенокъ,
И юный станъ его такъ тонокъ,
Такъ мягокъ шелкъ его кудрей,
Такъ кротокъ взоръ его очей,
Что онъ мнѣ кажется, порою,
Моею старшею сестрою,—
Ты помнишь Машу? Какъ она,
Веселья дѣтскаго полна,
Когда, зимой, пріѣдутъ братья,
Нарядится въ мужское платье...
И комплименты говоритъ,
И насъ, бывало, всѣхъ смѣшитъ.

13-го іюня.

Вчера, подъ вечеръ, на балконѣ,
Я стала, прислонясь къ колоннѣ,—
Подходитъ мужъ: въ его чертахъ
Виднѣлся, будто, тайный страхъ
И грусть... и скрытая тревога.
„Меня ты любишь? Ради Бога,
Увѣрь меня“... онъ мнѣ сказалъ,
И, мнѣ казалось, онъ страдалъ...
— Мой милый другъ! Къ чему сомнѣнье
Твое и странное волненье?
Ужель я поводъ подала?
Ужель я, какъ-нибудь, могла...
„О, нѣтъ, прости меня!.. не знаю...
Я, будто, горя ожидаю...
Но это такъ... Не правда-ль? Вздоръ?“
И вопросительно онъ взоръ
Мнѣ устремилъ въ лицо... и чуднò, —
Неловко было мнѣ и трудно
Въ минуту эту... Говорятъ,
Тоска прилипчива. И врядъ
Не правда-ль то.—Я улыбнулась
Ему однако... Оглянулась
Потомъ, невольно, вдругъ, назадъ; —
За нами Даровъ; острый взглядъ

Горѣлъ насмѣшкой; и, какъ жало,
Улыбка на устахъ мелькала.
О, если-бъ видѣть ты могла,
Какъ много горя, муки, зла
Улыбка эта выражала!
И, мнилось мнѣ, что я стояла
Надъ страшной бездной; и она,
Безсвѣтная, была полна
Такой неотразимой силы.
Таинственной, какъ мракъ могилы...
Что насъ и манитъ, и страшитъ,
И много сердцу говоритъ...

Черезъ мѣсяцъ.

Зачѣмъ слѣдитъ, неутомимо,
Меня, волшебный этотъ взглядъ?
И сердце жжетъ, неотразимо,
Его рѣчей, движеній ядъ?
Какой невѣдомою властью
Мою онъ душу оковалъ,
И чудной, непонятной страстью
Мое онъ сердце взволновалъ?
Зачѣмъ ты, другъ мой, такъ далеко,
Не въ нашей тихой сторонѣ?
Я гибну, гибну одиноко...
О, помолися обо мнѣ!
Но, впрочемъ, что твое участье?
Какъ можетъ мнѣ помочь оно?
Вѣдь я люблю его, къ несчастью...
И жизнь, иль смерть — мнѣ все равно!..“

Ужъ осень, и сентябрь въ исходѣ;
Цвѣты повяли; все въ природѣ
Сверкаетъ странною красой.
Вечерней, яркою зарей,
Облитъ садъ Марскихъ! и рѣдѣетъ
Его густая тѣнь, пестрѣетъ

Поблекшими листами прудъ;
И рѣчь унылую ведутъ
Подчасъ березы межъ собою,
Да перекликнутся порою
Кузнечики; и облака,
Пришедшіе издалека,
Сквозь сѣть большихъ деревъ мелькаютъ,
Плывутъ, толпятся, исчезаютъ...
И, вотъ, въ одной глухой аллеѣ,
И замирая, и нѣмѣя
Подъ тѣнію вѣтвистыхъ ивъ,
Печально голову склонивъ,
Сидѣла Марская; съ ней Даровъ...
„О, другъ, мой другъ! Судьбы ударовъ
Нельзя намъ отвратить, повѣрь...
Терпѣнье—вотъ къ блаженству дверь.
Къ чему, скажи, твое волненье,
И сердца горькое томленье?
Мнѣ не ожить душою вновь!
Что дастъ тебѣ моя любовь?
Другъ! счастья дать она не можетъ,
Твоей печали не поможетъ.
Зачѣмъ мнѣ лгать передъ тобой?
Не стою я любви святой.
Вѣрь, тяжко, тяжко я страдаю!
Твою я душу постигаю:
Она, какъ море, глубока,
Какъ это небо, высока.
Отбрось скорѣй мечту о счастьи;
Не требуй у людей участья...
Своей дорогою иди,
Храни въ восторженной груди
Твое высокое страданье
Не ожидая воздаянья
Тебя любить я не могу;
Но, какъ святыню, сберегу
Воспоминанье нашей встрѣчи;
Твой голосъ, сладостныя рѣчи;—
Я не забуду ничего!
Повѣрь мнѣ, больше никого

Не полюблю я; — ужъ такая
Моя судьба!—И умирая,
Тебя въ душѣ благословлю.
Забудь меня, забудь! Молю.
Пускай мой образъ не тревожитъ
Твоей души. Еще быть можетъ
Тебѣ и счастіе дано.
А я?.. Осталось мнѣ одно:
Бѣжать... и завтра-же, къ обѣду, —
Меня не будетъ здѣсь—уѣду!"
И, ярко, взоръ его блеститъ,
И голосъ у него дрожитъ...
Съ невыразимою тоскою,
Онъ по лицу провелъ рукою,
И замолчалъ. Встаетъ она,
Раздумья горькаго полна,
Полна тяжелой, тайной муки,
И, передъ нимъ, скрестивши руки,
Остановилась.—„Твой урокъ
Немного горекъ и жестокъ.
Онъ могъ-бы быть еще и хуже...
Меня не любишь ты. Къ чему-же,
Ты, такъ упорно, раскрывалъ,
И, такъ усердно, растравлялъ
Мнѣ раны сердца? И повсюду —
Я тоже откровенной буду,—
Зачѣмъ твой взоръ меня слѣдилъ?
Зачѣмъ, такъ жадно, ты ловилъ
Мои слова, мои движенья?
Какого чувства выраженье
То было?.. Нѣтъ, не вѣрю я,
Чтобъ ты обманывалъ меня!
Ты, стало, женщины не знаешь.
Я вижу, Даровъ, ты играешь
Комедію... Твоя игра
И благородна, и добра,
Она не низкое коварство...
Но, другъ мой, позднее лѣкарство
Ты мнѣ даешь... Къ чему оно,
Какъ сердце ужъ отравлено?

Уѣдешь, или здѣсь ты будешь,
Забудешь, или не забудешь
Меня—мнѣ все равно теперь!
И вѣчно образъ твой, повѣрь, —
Печальный, страстный и серьезный —
Передо мной, какъ призракъ грозный,
Останется". Ея рука
Его коснулася слегка...
И вздрогнулъ Даровъ... охватила
Его любовь чудесной силой.
Онъ, вдругъ, въ объятьяхъ Зину сжалъ,
И, задыхаясь, ей сказалъ:
„Да, ангелъ мой, тебя люблю я!.."
И звукъ раздался поцѣлуя.
Но, въ этотъ чудный, страшный мигъ,
Когда и нѣмъ, и глупъ языкъ,—
Ихъ шумъ шаговъ вдругъ поражаетъ...
Вотъ, кто-то межь деревъ мелькаетъ,
Идя назадъ... О, Боже!.. то,
То мужа сѣрое пальто...
Блѣднѣетъ Зина. „Онъ все знаетъ,
Все слышалъ!" Сердце замираетъ.
Что дѣлать ей? „Нѣтъ, не пойду я
Туда,—о нѣтъ, скорѣй умру я,
Убей меня! Возьми съ собой,
Но не пускай меня домой!"
Она въ испугѣ говорила...
„А гдѣ характеръ, гдѣ-же сила
Души?" Онъ локонъ ей отвелъ
Отъ глазъ,—и медленно повелъ
Ее къ балкону... на разлуку
Тамъ, трепетно, пожалъ ей руку,
Взглянулъ въ лицо... потомъ исчезъ
За темной сѣткою древесъ.
О, какъ дрожатъ ея колѣни!
Въ изнеможеньи, на ступени
Она склонилась. Но потомъ,
Собравшись съ духомъ, тихо въ домъ
Вошла. И, Боже милосердный!
Какъ беззаботно, какъ усердно,

Вязала тамъ свекровь чулокъ!
Какъ отъ старушки былъ далекъ
Въ ея лѣтахъ, уже преклонныхъ,
Весь бунтъ страстей неугомонныхъ.
„Что, милый другъ, ты такъ блѣдна?
Погода нынче холодна,
Смотри, какъ ты легко одѣта,
Не простудись, теперь не лѣто.
Такъ поздно, Зина, не гуляй,
Да грудь и шею закрывай“.
— Мой мужъ съ охоты воротился?
— Ужъ онъ со мной давно простился.
Усталъ, бѣдняжка. И тебѣ
Пора, прощай и спи себѣ
Спокойно, другъ, Христосъ съ тобою!..
И, дряхлою ее рукою,
Старушка добрая креститъ,
И нѣжно ей во слѣдъ глядитъ.
И, вотъ, одна она. Что Зина
Спокойно спишь ты?.. У камина
Стояли кресла, въ нихъ она,
Одной луной освѣщена,
Въ нѣмомъ отчаяньи упала,
И судорожно руки сжала...
Ей все казалось страшнымъ сномъ!
Безмолвье мертвое кругомъ. изъ Лермонтова цѣликомъ заимствована
Ей тяжко, грудь ея тѣснилась...
И голова у ней кружилась.
Предъ ней, какъ призракъ, какъ укоръ,
Сверкнетъ то мужа грустный взоръ,
То, вдругъ, съ непостижимой властью,
Проникнутый безумной страстью,
Ей образъ Дарова горитъ...
Она не бодрствуетъ, не спитъ...
Что ждетъ ее въ туманной жизни.
Упреки мужа, укоризны,
Или безмолвная печаль...
Его становится ей жаль.
Она съ нимъ хочетъ увидаться,
Скорѣй, сама во всемъ признаться.

И только показался свѣтъ,
Она скользнула въ кабинетъ
Къ нему, тамъ нѣтъ его; но шторы
Ужь подняты... Обой узоры
Пестрѣютъ. Видно по всему,
Что не спалося и ему...
Что ночь проведена тревожно...
Она подходитъ осторожно
Къ столу. Тамъ пара пистолетъ
И запечатанный пакетъ,
На имя Дарова, лежали;
И почеркъ Марскаго узнали
Ея глаза... Сомнѣнья нѣтъ,
То былъ не дружескій привѣтъ—
Дуэль... Она печать сломила;
За ней четыре строчки было:
„Надѣюсь, не совсѣмъ погасъ
Еще духъ благородства въ васъ...
Я въ рощѣ, въ полдень, ожидаю
Васъ. Вы не трусъ, я полагаю“.
Тутъ ей понятно стало все.
Какъ бьется сердце у нее!
Что ей начать? Она не знаетъ...
Въ тоскѣ нѣмой изнемогаетъ.
Но, вотъ, какъ-бы поражена
Внезапной мыслію, она
Садится, что-то скоро пишетъ,—
А грудь неровно, тяжко дышетъ.
Потомъ торжественно встаетъ
И пистолетъ одинъ беретъ...
И дуломъ къ сердцу обращаетъ...
Ея рука курокъ спускаетъ...
Раздался выстрѣлъ. И она,
Какъ первый снѣгъ полей блѣдна,
Головкой нѣжною склонилась
И тихо на полъ опустилась...
На выстрѣлъ Марскій прибѣжалъ
Изъ саду; онъ одинъ не спалъ.
Глядитъ, зоветъ ее напрасно...
Глазамъ не вѣритъ... Къ ней онъ страстно

Потомъ и горестно припалъ
И безутѣшно зарыдалъ...

А что-же Даровъ? Удалился.
Онъ въ томъ глухомъ краю явился,
Какъ неизбѣжный гнѣвъ небесъ...
Пришелъ, сразилъ, потомъ исчезъ...

ПЕРЕПИСКА Ю. ЖАДОВСКОЙ

СЪ ПРОФЕССОРОМЪ

ШИЛЛЕМЪ.

Простите, что до сихъ поръ не отвѣчала Вамъ, добрый другъ мой, на милое и доброе письмецо ваше: въ настоящее время я не могу даже оправдаться ни занятіями, ни хлопотами; я просто хворала и хандрила. Обстановка, окружающая меня здѣсь такъ печальна, что я не могу даже высказать этого на письмѣ. Вы пишите, чтобъ я не унывала,—могу-ли унывать, собственно за себя? Я вижу, что я еще счастлива относительно, что жизнь не оскорбила ни одного святаго чувства души моей: что все, чему я молилась и молюсь остается неприкосновеннымъ. А что не продались мои экземпляры—Богъ съ ними, это не принудитъ меня ни брать, ни просить. Я-бы сейчасъ-же выслала 90 р., чтобъ развязаться съ Кожанчиковымъ, но Сеньковскаго здѣсь многіе не хвалятъ,—это-бы еще ничего, потому что вашего мнѣнія довольно, чтобъ я довѣрила ему; но вѣдь это будетъ та-же исторія, что съ Кожанчиковымъ. Завтра я поговорю съ прикащикомъ Базунова, который обѣщался мнѣ уладить дѣло и напишу Вамъ, чѣмъ съ нимъ порѣшу. 90 р. серебромъ у меня будутъ, одинъ мой знакомый ѣдетъ въ Петербургъ и обѣщаетъ взять у Смирдина должныя мнѣ имъ 85 р. за повѣсти: деньги эти Смирдинъ не отдаетъ мнѣ уже три года, все выпрашиваетъ отсрочки; обѣщалъ письменно, честнымъ словомъ выслать въ апрѣлѣ а вотъ уже и май на исходѣ, деньги-же не высылаются.

Теперь я къ вамъ съ большой просьбой. Братъ мой

отдалъ статью въ „Свѣточъ“. Статья эта подъ заглавіемъ „Эпизодъ изъ послѣдней войны Черногоріи“ принята; но вотъ уже четыре мѣсяца лежитъ въ редакціи, а „Свѣточъ“, говорятъ, гаснетъ. То вотъ, я и прошу васъ, ради Бога, если вы имѣете, какія нибудь сношенія съ редакціей „Свѣточа“, или кого изъ знакомыхъ кто-бы могъ для васъ сдѣлать по моей просьбѣ, — нельзя ли справиться — будетъ статья напечатана или нѣтъ? и скоро ли? Другъ мой простите, что я надоѣдаю вамъ! Если вы знали, чего мнѣ это стоитъ... Эти просьбы отравляютъ для меня даже удовольствіе побесѣдовать съ вами.

Какъ вы счастливы, что можете трудиться! Я еще не смѣю покуда. Хотя здоровье мое и поправляется. Вотъ, четвертый день перевожу маленькую пьеску изъ Гейне: „Die Wallfahr nach Keslaur“. Въ Ярославлѣ передъ отъѣздомъ сюда, я познакомилась съ страстнымъ любителемъ Гейне Христіановичемъ, авторомъ статьи: о Шопенѣ, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Онъ упросилъ меня перевести вышепомянутую пьеску. Голова ли моя слаба еще, или пьеска въ самомъ дѣлѣ представляетъ большія трудности, только я до сихъ поръ не могу съ ней сладить.

На дняхъ, разбираясь съ бумагами, я прочитала одно изъ вашихъ писемъ, гдѣ вы говорите о братѣ Гейне! Какъ мнѣ стало совѣстно и досадно на себя— кажется, что я не отвѣтила вамъ на это. Это потому, что я уже, начала тогда проклятый курсъ тряпичнаго леченія. Прощайте — пока до завтра; завтра поболтаю еще что нибудь. Ужъ вы теперь стали такой страшный, серьезный политико-экономистъ, что встрѣться съ вами фея весны, она убѣжала-бы, или улетѣла-бы за тридевять земель.

---

2 іюня.

Письмо это начато, какъ видите, почти двѣ недѣли назадъ. Я все или прихварывала сама, или ухаживала за больной m-me Саксъ. Мы обѣ никуда не годимся:

Такъ видно я и не успѣю переговорить съ Базуновымъ! Нечего дѣлать, напишу вамъ въ другой разъ.

Варвара Ивановна Прибыткова здѣсь, и вотъ уже нѣсколько дней посѣщаетъ меня съ своими тетрадями. Она много трудилась, какъ видно изъ написаннаго. Она поручила мнѣ передать вамъ ея поклонъ и желаніе для васъ поменьше теоріи и побольше практики въ любви. Это ея практика.

А здѣсь скучно порядкомъ. И душно, и пусто для меня въ Москвѣ. Дѣлать знакомствъ не хочется, а по милости родныхъ рѣдко бываешь свободна. Я окружена такой идилической молодежью, что можно забыть, что живешь въ такомъ положительномъ вѣкѣ. Любуюсь чужимъ счастьемъ и горюю чужимъ горемъ. Въ моемъ же собственномъ сердце „пустота и очарованіе“. Я все-таки здѣсь поправилась противъ Ярославля, гдѣ я уже собиралась перейти въ иной, лучшій міръ, куда мнѣ впрочемъ, не очень хотѣлось отправиться. Странное созданіе человѣкъ! Чего бы кажется не хотѣть. Вы такъ серьезно пишите о нашемъ свиданіи: „подождемъ еще!“ Не знаю, какъ, а мнѣ такъ скучно ждать. Впрочемъ, можетъ быть это оттого, что мнѣ больше хочется васъ видѣть, нежели вамъ меня.

Прибыткова удивила меня, увѣряя, что не нашла во мнѣ никакой перемѣны видимой. Это почти досадно, пожалуй, можно подумать, что я притворяюсь, а не вправду хвораю.

Москва хоть тѣмъ хороша, что зелень видишь; не то, что въ Питерѣ, гдѣ однѣ стѣны домовъ и мостовая передъ глазами. А все-же я вспоминаю съ удовольствіемъ о времени проведенномъ въ Петербургѣ. А еслибъ вы знали вмѣстѣ съ тѣмъ, какое это было страшное и тяжкое время для меня. Но вы этого не знали и никто не зналъ. Странно, что всѣ лучшія минуты моей душевной жизни сопряжены съ воспоминаніями самыхъ начальныхъ и трудныхъ обстоятельствъ житейскихъ. Вотъ, отъ чего я невольно улыбнулась при словахъ вашихъ: „не унывайте!“ Я похожа на тѣхъ стрѣльцовъ во времена Петра Великаго, которые выносили всевозможныя пытки вслѣдствіе привычки къ нимъ. Однако я

заболталась—и все о себѣ. Видно, я старѣюсь, становлюсь эгоистична.

Прощайте; да хранитъ васъ Провидѣніе „отъ всякаго вреда и напасти“. Не забывайте вашихъ друзей; да не потонутъ они въ безбрежномъ морѣ общности, для вашего сердца. Прощайте, еще разъ, мой милый политико-экономистъ! Знайте, что не смотря ни на какую извѣстность, ни на какую славу, вы останетесь для меня тѣмъ милымъ, добрымъ человѣкомъ, какимъ я привыкла любить васъ. M-me Саксъ вамъ кланяется. Она теперь еще упорнѣе отыскиваетъ Сакса и заглядываетъ въ мужскія души, да только все отвертывается съ гримаской. Лучше не заглядывать, видно.

Будьте здоровы и счастливы.

---

30 сентября 1860.
Ярославль.

Наконецъ ужь вы привидѣлись мнѣ сегодня во снѣ. А такъ, какъ это по моему вѣрный знакъ того, что человѣкъ вспомнилъ обо мнѣ, то я сочла сегодня самымъ удобнымъ временемъ писать вамъ. Что съ вами и вправду, Іосифъ Николаевичъ? Вѣдь это, право, изъ рукъ вонъ, т. е. въ такомъ случаѣ изъ рукъ вонъ, если вы еще помните меня, въ противномъ-же очень понятно и натурально. Правда, на безалаберное письмо мое изъ Москвы нечего было отвѣчать: я была такъ отуманена, огорчена, больна, что и сама не ожидала отъ себя никакого толку. А знаете-ли, что m-me Саксъ была въ іюлѣ въ Петербургѣ, гдѣ пробыла двое сутокъ; отыскивала васъ, но вы были гдѣ-то на дачѣ, верстъ за 10 или болѣе. Нечего было дѣлать. А какъ я ждала ее разсказа о свиданіи, съ вами. Я была такимъ больнымъ, забытымъ, существомъ впродолженіе цѣлаго года, что теперешнее состояніе кажется мнѣ прекраснымъ. Я могу снова трудиться — это главное. Изъ Москвы я уѣхала въ концѣ іюля; остатокъ лѣта и начало осени я провела въ деревнѣ. M-me Саксъ ходила

пѣшкомъ молиться вновь открывшемуся святому—Селивестру. Стеченіе народа замѣчательное. Пришла домой и захворала. Ужъ мы же и надоѣли ей съ Селивестромъ! Чего-чего не придумали.—На дняхъ я получила письмо отъ Варвары Ивановны — вотъ доброта, такъ доброта! какъ я передъ ней была виновата! и что же? не сердится и не стала равнодушнѣй. — Нынѣшнюю зиму надѣюсь провести здѣсь полегче, попріятнѣе. Жозефъ Готовцевъ здѣсь библіотекаремъ при вновь открывшейся библіотекѣ. Здѣсь съ новымъ губернаторомъ какъ будто все стало отдыхать, но тѣнь Бутурлина, хотя и разбитаго параличемъ, все еще грозитъ обратиться вновь въ печальную дѣйствительность. Не дай Богъ: Князь Оболенскій производитъ очень пріятное покуда впечатлѣніе своей простотой и привѣтливостью и хорошимъ вліяніемъ на общество. Есть говорятъ здѣсь человѣкъ, рыцарь безъ пятна и упрека, это г. Якушкинъ, но я еще съ нимъ не познакомилась. Признаться вамъ, здѣсь неудобно мнѣ даже собрать пріятный задушевный кружокъ. Тысячу обстоятельствъ этому мѣшаютъ. Господи! что вы подѣлываете? Здоровы-ли, по крайней мѣрѣ? Я никакъ не ожидала отъ васъ такого злого молчанія. Подозрѣваю я многія причины, но остановиться не могу ни на одной. Пуще всѣхъ пугаетъ меня мысль, что вы больны. Не смѣю загадывать, а хотѣлось-бы побывать въ Питерѣ нынѣшнюю зиму. Это будетъ зависѣть отъ окончанія начатыхъ трудовъ. Если я кончу, то позвольте рукопись прислать вамъ—что и рѣшитъ мой пріѣздъ, при свиданіи вы увидите, что я не такъ еще заглохла и отстала, какъ можно судить по письмамъ. Вотъ Варвара Ивановна какъ-то умѣетъ писать очень ловко о всѣхъ современныхъ вопросахъ, а мнѣ кажется, что восхищаться на письмо Гарибальди и др. похоже на газетныя новости и панегирики. Письмо для меня вещь задушевная. Хотѣлось-бы поговорить о многомъ, да пока не получу отъ васъ отвѣта—чувствую какую-то неловкость, опасеніе, что излишняя болтливость будетъ не кстати. Напишите мнѣ, ради Бога. Будьте прежнимъ добрымъ, милымъ человѣкомъ, котораго я не перестаю считать себѣ истиннымъ другомъ.

На-дняхъ я пересматривала „Искру“ за нынѣшній

годъ. Отъ чего это она нападаетъ на Ицко и не трогаетъ Кокорева? Я слышала, будто первый не заплатилъ за себя, а второй заплатилъ... Грустный фактъ, если онъ справедливъ. Не смотря на движеніе впередъ; на быстрые шаги просвѣщенія, — все еще можно откупаться... даже отъ гласности! Что дѣлаетъ, что пишетъ новаго г. Розенгеймъ? Отъ чего такъ тянется крестьянскій вопросъ и будетъ-ли ему конецъ? Будетъ-ли конецъ этой истомѣ, этому лихорадочному ожиданію бѣдныхъ людей? А что вы скажете о страшной дороговизнѣ всего, которая идетъ crestendo съ каждымъ днемъ, и душитъ бѣдныхъ. Счастливы тѣ, повѣрьте, которыя минуя частности и грустныя явленія общественной жизни, утопаютъ въ широкомъ и свѣтломъ морѣ любви къ человѣчеству, а не любви къ людямъ, т. е. преслѣдуютъ идею, а не дѣйствительность. Цѣлый міръ вмѣщается въ одной каплѣ, а какъ часто бѣдной каплѣ нѣтъ мѣста въ широкомъ и пространномъ мірѣ. Прощайте, будьте здоровы и Богомъ хранимы. M-me Саксъ вамъ усердно кланяется. Папа тоже.

Жозефъ поручилъ мнѣ напомнить вамъ о немъ и передать вамъ его усердный поклонъ.

Ю. Жадовская.

6 окт. 60.

Ободренная послѣднимъ письмомъ вашимъ, мой добрый Іосифъ Николаевичъ, я посылаю вамъ рукопись моего романа. Если, послѣ вашего просмотра онъ окажется идущимъ къ дѣлу, т. е. къ напечатанію, то умоляю васъ, потрудитесь похлопотать о немъ. Выборъ журнала предоставляю вамъ, кромѣ „Свѣточа“ разумѣется, гдѣ имѣютъ обыкновеніе не платить денегъ. Я увѣрена, что вы все сдѣлаете, что отъ васъ зависитъ, чтобъ трудъ мой не пропалъ даромъ. Я работала больная, и по мѣрѣ силъ добросовѣстно. Здоровье мое никуда не годится опять, съ наступленіемъ морозовъ, я опять начала страдать біеніемъ сердца. Мнѣ необходимо ѣхать въ Москву, откуда я, разумѣется, пріѣхала-бы въ Петербургъ. Когда я получу вѣрное извѣстіе, что рукопись принята съ условіями, удовлетворительными для меня, тогда я могу разсчитывать на поѣздку, безъ которой мнѣ придется плохо.

Я желала-бы взять никакъ не менѣе 50 рублей сер. за листъ.—Катковъ за первый романъ самъ предложилъ мнѣ эту цѣну, съ прибавленіемъ 600 экземпляровъ въ мою пользу, что и составило почти 75 р. с. за листъ. Но съ экземплярами вышли хлопоты, а потому мнѣ въ настоящемъ случаѣ оттисковъ не нужно. Но, впрочемъ, что я толкую? Вы сами лучше все знаете и устроите. Только, ради Бога, мой другъ, увѣдомьте меня поскорѣй; мнѣ необходимо ѣхать;—иначе мнѣ кажется, я не переживу этой зимы, меня задушитъ ярославскій воздухъ. При отдачѣ рукописи вы, конечно, потрудитесь взять письменное условіе во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, со стороны г-дъ редакторовъ, которые какъ-то умѣютъ отпираться и забывать. Объ одномъ только прошу васъ убѣдительно—поскорѣй, по возможности обдѣлать дѣло и увѣдомить меня. Еще одно необходимое условіе:—это не допускать никакихъ значительныхъ передѣлокъ и выпусковъ безъ моего вѣдома, кромѣ легкихъ поправокъ противъ языка. Ради Бога, постарайтесь пристроить мою рукопись, вы сдѣлаете для меня невыразимое одолженіе. Я увѣрена, что вы мнѣ напишите ваше мнѣніе безъ всякой церемоніи, съ полнымъ убѣжденіемъ, что каково-бы оно ни было—оно примется дружески и съ благодарностью.

Не знаю, получили-ли вы письмо мое, посланное съ Философовымъ? На этотъ разъ, я рѣшительно не въ состояніи писать съ толкомъ. Въ головѣ туманъ и во всемъ существѣ моемъ непріятное, болѣзненное ощущеніе. Мнѣ кажется, я не въ силахъ буду пережить еще нѣсколько зимъ. Смертъ-бы не испугала меня, да пугаетъ горе близкихъ. А, впрочемъ, мысль о смерти всегда приходитъ вслѣдствіе разстроенности организма. Кончаю письмо, потому что чувствую — продолженіе его наведетъ на все скуку. Прощайте, добрый другъ мой; будьте здоровы и счастливы. Отецъ и m-me Саксъ усердно вамъ кланяются, а также и Жозефъ Готовцевъ; не помню, писала-ли я вамъ, что онъ занимаетъ здѣсь должность библіотекаря при публичной библіотекѣ, которая идетъ порядочно. Устроились здѣсь также не безъ успѣха и воскресныя школы. Еще разъ, будьте здоровы и счастливы!

Ярославль.
4 декабря, 1860.

Юлія Жадовская.

Вотъ, вѣдь я называю-же Васъ „святая душа,“ и никто надъ этимъ не смѣется. А вы труните, что убитый горемъ человѣкъ считаетъ ангелами двухъ простыхъ женщинъ, оказавшихъ ему истинное и теплое участіе. Ну, да Богъ съ Вами, смѣйтесь! мы Васъ отъ этого не меньше будемъ любить. А на счетъ университетскаго образованія скажу одно: *„утаилъ еси отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ“*... это славянскій текстъ изъ евангелія. Благодарю Васъ, другъ мой, за все; жаль только, что не умѣю благодарить такъ, какъ чувствую... Жду вторника. До свиданья! Господь да хранитъ Васъ“.

„Добрѣйшій и многоуважаемый Іосифъ Николаевичъ! За романъ мой я желала-бы получить не менѣе 60 р. с. съ печатнаго листа и, по крайней мѣрѣ, 200 оттисковъ. За первый романъ „Встор. отъ больш. свѣта“ я получила по назначенію самаго редактора „Русск. Вѣстн.“ по 50 р. с. съ листа и 600 оттисковъ. Послѣднее-же мое произведеніе я не считаю ниже перваго ни по мысли, ни по содержанію, ни по труду. Что-же касается до журнала который избрали вы для помѣщенія моего романа, то имя г. Достоевскаго звучитъ такъ симпатично для меня, что мнѣ не можетъ не быть пріятно участвовсть въ издаваемомъ имъ журналѣ.

Поздравляю васъ съ новымъ годомъ. Надѣюсь, что вы не усумнитесь въ искреннемъ желаніи моемъ всего для васъ лучшаго“.

Ю. Жадовская.

„Не знаю, какъ благодарить васъ, мой добрый другъ за ваши хлопоты о моемъ романѣ! Прилагаю отдѣльное письмецо для показанія редактору „Время“. Условія высказанныя въ немъ вы можете считать только такъ, на всякій случай. Я согласна и на предлагаемую цѣну и на перемѣну заглавія. Только названіе „женщины“ мнѣ кажется слишкомъ обще, а впрочемъ, какъ хотите. Если вы уже увидите, что Достоевскій никакъ болѣе дать не соглашается, то сдѣлайте такъ, что будто вы берете уступку на себя и уступаете ему безъ моего вѣдѣнія.

Какъ мнѣ совѣстно, что я мучу васъ хлопотами о себѣ! Да наградитъ васъ Богъ, добрый, милый человѣкъ. Всѣ эти дни я была очень огорчена смертію дяди Николая Никандровича Жадовскаго, бывшаго здѣсь почтмейстеромъ. На третій день Рождества онъ прислалъ къ намъ въ 5 часовъ послѣ обѣда спросить, дома-ли мы будемъ вечеръ, что онъ пріѣдетъ къ намъ провести вечеръ, а въ 6 часовъ, т. е. черезъ часъ явился посланый сказать, что онъ умеръ. Это было поразительно! Умеръ онъ въ гостяхъ у знакомаго. Мы его очень любили, и весь городъ любилъ его. Это былъ такой пріятный, такой добрый, веселый и любезный старичекъ! Похороны пришлись въ самый новый годъ. Наканунѣ могила не поспѣла.

Вы простите меня, добрый другъ, что я такъ несвязно и мало пишу. Я очень разстроена. Богъ дастъ скоро васъ увижу. Эта мысль улыбается мнѣ. Господь да хранитъ васъ".

Ю. Жадовская.

„И я не могу не написать Вамъ и не поблагодарить Васъ, мой добрый Іосифъ Николаевичъ, за ваши хлопоты объ устройствѣ романа Iulie. Если-бы Вы знали, какъ важно для насъ это. Намъ надо непремѣнно ѣхать. Iulie очень слаба, доктора нашли у ней сильное мозговое раздраженіе отъ излишней умственной дѣятельности и подъ страхомъ смерти на полгода и даже болѣе запретили ей брать перо въ руки. Отъ совершеннаго изнеможенія спасаетъ ее только перемѣна мѣста, когда внѣшніе предметы отвлекаютъ ее отъ дѣятельности ума. Прошлаго года она была безнадежна, докторъ не ручался за ея жизнь; упадокъ силъ увеличивался замѣтно съ каждымъ днемъ и только переѣздъ въ Москву спасъ ее. Съ половины зимы начинается таже исторія, потому-то мы и спѣшимъ отъѣздомъ только ждали Вашего отвѣта. Вскорѣ послѣ Крещенья думаемъ выѣхать изъ противнаго Ярославля, гдѣ кромѣ горя, ничего не видали во всю нашу жизнь. Поздравляю Васъ съ новымъ годомъ, желаю вамъ всего, что Вы себѣ сами желаете; благодарю за желаніе найдти новаго Сакса,—но и старый мнѣ нисколько не надоѣлъ

и надѣюсь не скоро надоѣстъ. Честь имѣю Васъ увѣдомить, что я очень постоянна, даже болѣе, нежели думаютъ. До свиданія, будьте здоровы!

Преданная Вамъ *Н. Г.*

2-е января 1861 года.

Наконецъ я выбралась изъ Ярославля добрѣйшій и несравненный Іосифъ Николаевичъ; дорога такая скверная, какой еще не запомнитъ, утомила меня, а морозы довершили дѣло тѣмъ, что я захворала и засѣла здѣсь на нѣсколько дней. Я выѣду въ Питеръ, вѣроятно, не ранѣе 2-го или 3-го февраля. А вы вѣрно будете такъ добры, что увѣдомите меня, чѣмъ вы порѣшили съ моимъ романомъ, для меня это въ настоящее время вопросъ жизни и смерти. Если случилась какая неудача, то, ради Бога, увѣдомьте не медля, я въ такомъ случаѣ, посовѣтовавшись здѣсь съ докторомъ, ворочусь въ Ярославль, а въ Питеръ безъ средствъ не поѣду.

Адресъ мой: на Мясницкой, въ гостинницѣ Берлинъ, № 2-й, близь почтамта.

Прощайте, мой добрый другъ; неужели и теперь не могу сказать вамъ—до свиданья, Мой Саксъ усердно вамъ кланяется.

Юлія Жадовская.

Москва.
22 Января. 1861.

Если Вы сегодня вечеромъ свободны, то я была-бы очень Вамъ благодарна и рада, еслибъ Вы пришли навѣстить меня. Я остаюсь съ 4-хъ часовъ одна, одинехонька, наши всѣ отправляются въ Ботаническій садъ. Только Вы не стѣсняйтесь, ради Бога, и если есть у Васъ дѣло или визитъ болѣе пріятный — я не буду на Васъ нападать за то, что не придете.

Ю. Жадовская.

Гапсаль, 14 іюня 1861 г.

Не смотря на все желаніе писать Вамъ, добрѣйшій Іосифъ Николаевичъ, я до сихъ поръ не могла собраться. Первые дни по пріѣздѣ въ Гапсаль, я хворала и злилась на дурную погоду. Теперь начинаю отдыхать и приглядываться и къ жителямъ и къ патріархальному образу жизни тихаго маленькаго городка. Я просто влюбилась въ море, такъ хорошо оно! Первое впечатлѣніе безбрежности, для человѣка незнакомаго съ ней, полно небесной, захватывающей душу прелести. Но, къ сожалѣнію всѣ эти ощущенія плохо выражаются. Привычка жить воспоминаніями дѣлаетъ меня тупой и старой въ выраженіяхъ, не только въ присутствіи людей, пріятныхъ для меня, но и передъ красотами природы. Только въ послѣдствіи, когда изъ всѣхъ этихъ впечатлѣній создатся другой міръ, является потребность высказаться. Какъ Вы поживаете, и что подѣлываете въ Питерѣ, гдѣ теперь такъ душно и жарко. Мы наняли просторную и прохладную квартиру за 65 р. с. въ лѣто, втроемъ. Хозяйка русская, какая-то капитанша Гусева, очень добрая какъ кажется женщина. Но что съ прислугой здѣсь просто бѣда: трудно найти порядочную служанку, да и простая работница беретъ съ пріѣзжихъ 7 и 8 р. с. въ мѣсяцъ. Здѣсь я нашла нѣсколько знакомыхъ изъ Ярославля; но еще не успѣла повидаться съ ними, какъ должно. Отъ отца получила письмо въ которомъ онъ поручаетъ передать Вамъ его задушевный поклонъ. Онъ уже теперь въ деревнѣ, озабоченъ и занятъ до нельзя.

Какъ Ваши дѣла? Что покупка дома? не встрѣтилось ли какихъ неудачъ? напишите, пожалуйста, хотя разъ въ лѣто, чаще требовать отъ васъ писемъ не имѣю права, зная, какъ Вы заняты и озабочены; такъ заняты, что я думаю некогда и о насъ грѣшныхъ вспомнить. А тамъ, если Вы не отдохнете душой и тѣломъ нынѣшнее лѣто... Больше я ничего не скажу объ этомъ. Заступничество мое за васъ самихъ обошлось мнѣ дорого: Вы разстолковали не такъ, какъ я думала, и хотя конечно, во всѣмъ виновато мое неумѣнье ясно выражаться, но все-таки я поплатилась за то, что боялась, чтобъ наука и занятія

не овладѣли Іосифомъ Николаевичемъ до того, чтобъ не убили въ немъ Іосифа Николаевича. Съ какимъ интересомъ читаю я теперь Les Giondins Ламартина. Какъ много отрадныхъ симпатичныхъ образовъ проходитъ передо мной въ этомъ чтеніи! Впечатлѣніи такой страшной драмы, какъ революція, всегда ново и сильно. Скажите, вправду-ли есть что—за преднамѣренное, роковое въ судьбахъ народовъ, или все это — только рядъ безсмысленныхъ ошибокъ человѣческой слѣпоты. Какъ послѣднее ни грустно, но все-же оно не такъ безотрадно, какъ нелѣпая сила крутящая цѣлыя націи и дѣлающая всѣ усилія человѣческой мудрости хрупкими и гнилыми подставками. Что-жъ? Пусть судьба дѣлаетъ свое дѣло, а человѣкъ свое, отъ этого ни жизнь, ни геній его не утратятъ своего вліянія. — Настя Вамъ усердно кланяется. Она хотѣла приписать, да недосугъ торопимся отправить письмо.

Адресуйте ваши письма такъ: Въ Гапсаль, въ домъ Гусевой. Ю. В. Ж. Прощайте, мой добрый другъ. Будьте Богомъ хранимы.

Посылаю Вамъ довѣренность на счетъ моихъ стихотвореній. Ради Бога, не на дѣлайте себѣ убытка.

Ю. Ж.

Вы или не получили моего *страховаго* письма, добрѣйшій Іосифъ Николаевичъ, или полѣнились отвѣтить или,—чего Боже сохрани,—нездоровы, или,—чего тоже Боже сохрани — внезапно влюбились, — но чтобы тамъ ни было, а только я нахожусь въ большомъ безпокойствѣ на счетъ вашего упорнаго молчанія. Не смѣю укорять васъ, потому что часто сама бываю виновата передъ Вами. Мы вообще здѣсь, какъ-то забыты на чужой сторонѣ. Письма идутъ сюда долго и неправильно. Отъ отца я получила только одно письмо, а отъ брата — ни одного съ самаго дня его отъѣзда въ Кузнецкъ. Ради Бога, мой добрый Іосифъ Николаевичъ, откликнитесь хоть одной задушевной строчкой. Еслибъ вы знали, какъ необходимо это души моей!

Что сказать вамъ о жизни нашей здѣсь? Она можетъ,

въ крайности замѣнить деревню; но только въ крайности. Поле и лѣсъ довольно далеко для меня и я еще не слыхала лѣснаго шума, а какъ много говоритъ онъ мнѣ, какъ многое напоминаетъ мнѣ, проведшей дѣтство въ глухой, лѣсистой сторонѣ. Море, по вечерамъ доставляетъ тоже большую отраду, но это недавній знакомецъ и его волны говорятъ о невѣдомомъ и недоступномъ, хотя понятномъ и привлекающемъ далекомъ мірѣ. Морской воздухъ, какъ будто укрѣпляетъ меня. На-дняхъ начну купаться. Теперь пошли жары и Гапсаль по возможности укрывается отъ нихъ подъ тѣнью своихъ садиковъ.

Гдѣ Вы теперь находитесь? Неужели въ Петербургѣ? Если такъ, то я отъ души сожалѣю. Когда Вы перестанете быть мученикомъ? Эта мысль отравляетъ мнѣ каждую чистую струю воздуха, каждую прогулку. Мы вспоминаемъ васъ, и нерѣдко, а, вотъ, вы такъ забыли о насъ... Не сердитесь, мой другъ, это я такъ, чтобы вы хоть на зло этихъ предположеній написали нѣсколько строчекъ.

Будьте здоровы и хранимы провидѣніемъ. Да исполнятся всѣ ваши желанія. Прощайте до свиданія, черезъ мѣсяцъ. Настя усердно вамъ кланяется.

Ю. Жадовская.

Гапсаль, 2 іюля.

Гапсаль, 17 іюля.

Странное дѣло! съ полнымъ сознаніемъ что мнѣ тоже *нечего* писать на меня нашло желаніе писать Вамъ. Передо мной Ваше письмо, въ которомъ такъ рѣзко значится нижеслѣдующее: „Нечего было писать, я ждалъ, чтобы о чемъ нибудь дѣльномъ написать...“ Обыкновенно, если тамъ говорятъ: я о пустякахъ не люблю говорить, то этимъ обязываютъ или совсѣмъ не говорить, или говорить только о дѣлѣ. Но во мнѣ является иногда духъ противорѣчія, и именно въ то время, когда другіе не хотятъ говорить о пустякахъ мнѣ хочется говорить о

нихъ. О, женщина! подумаете Вы! Пожалуй, и такъ если хотите! не дорости мнѣ видно никогда до мужскаго равнодушія, величавой холодности и ни до чего *дѣльнаго!* Теплыя лучи пробиваются невольно, и часто, помимо воли, начинаешь прислушиваться къ какимъ-то тихимъ, далекимъ, знакомымъ голосамъ, грустно зовущимъ и печально жалующимся. Не правда-ли, я какъ Обломовъ ннчинаю *жалостныя слова* говорить? Приготовтесь; я сегодня въ самомъ сантиментальномъ настроеніи духа, — мнѣ все кажется сносным: и Гапсаль съ узкими песчаными улицами, и телѣжка, въ которую насѣли дѣти хозяйки и даже національный колпакъ старой чухонки нахожу я живописнымъ. Такой ужъ стихъ пошелъ. Нѣтъ, довольно, я шучу. Станемъ говорить о дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ, о томъ, что въ отношеніи меня Вы называете дѣломъ. Но прежде порадуюсь за Васъ, что Богъ посылаетъ Вамъ силы трудиться и писать, чего я не могу пока дѣлать по чувству самосохраненія. Потому что жары и купанья разбиваютъ меня и дѣлаютъ слабой, но вовсе не капризной, какъ Вамъ угодно подозрѣвать; что женскихъ капризовъ у меня мало, это могутъ засвидѣтельствовать всѣ кто меня знаетъ. А если то, что въ иной день свѣтлѣе смотришь на Божій свѣтъ назвать капризомъ, то такіе капризы бывали и мужскаго рода.

Письмо мое пропитано хандрой, — говорите Вы,— другой мой! вся жизнь моя пропитана хандрой... И въ этомъ виновата не я, а обстоятельства. Еслибъ въ 17 лѣтъ у меня было побольше силы воли, да теперешнее равнодушіе къ суетнымъ кумирамъ общества, которымъ и меня заставили принести жертву, запугавъ молодой умъ мой,—не было-бы такой густой тѣни на моемъ внутреннемъ жарѣ и на всемъ существованіи. Жизнь, какъ будто для того только и дала мнѣ запасъ душевныхъ силъ и той живучей внутренней ясности характера, чтобы полюбоваться, какъ трудно и какъ много нужно собрать всѣхъ житейскихъ мерзостей и сердечнаго горя, чтобы придавить ихъ. Разбивъ мое собственное существованіе и видя, что я забыла о себѣ и перенесла все лучшее души моей на другихъ, она разбила и тѣхъ, въ

комъ стала я оживать. Чтожъ мудренаго, что хандра пробивается иногда въ словахъ и письмахъ?

Кожанчиковъ уѣхалъ въ Москву—ну и Богъ съ нимъ. На статьи Насти нѣтъ еще отвѣта—нечего дѣлать. Что касается крестьянскаго вопроса, то о немъ здѣсь какъ-то избѣгаютъ говорить. Поговорила я только объ этомъ на дняхъ съ здѣшнимъ священникомъ, который пришелъ ко мнѣ, чтобы поблагодарить меня за участіе въ литературномъ вечерѣ, гдѣ я читала три пьески свои, а именно: одна — переводъ изъ Гейне· „Поклоненіе Новгородской Божьей Матери“, двѣ другія—„Нива“ и „Туча“. Противъ всякаго чаянія всѣ остались довольны моимъ чтеніемъ. О пребываніи моемъ здѣсь какъ-то узналось нечаянно, это мнѣ немножко суетливо, потому что невольно дѣлаются новыя знакомства. Къ счастью, что визиты здѣсь большею частію ограничиваются разговоромъ подъ окнами. Что касается до труда, то онъ идетъ плохо. Жары, нездоровье, чужіе люди, частенько мѣшаютъ. Это мучитъ меня.

Уважаю причины, по которымъ Вы не можете влюбиться, и отказываюсь отъ указанія предмета, который бы имѣлъ возможность тронуть Ваше сердце. По заказу или приказу *въ мое время* не умѣли любить. Впрочемъ, въ нашъ вѣкъ—любовь вещь лишняя и ненужная, и безъ нее хлопотъ много. Диковина и то, если встрѣтишь человѣка, который погорюетъ объ этомъ пробѣлѣ въ его существованіи. Такъ встрѣтила я здѣсь одного молодаго человѣка, который, какъ и вся современная молодежь отравленъ разочарованіемъ, но не хвастаетъ этой отравой, а горько сожалѣетъ. Это очень умный и, кажется, дѣльный малый. Мнѣ подчасъ говорится съ нимъ легко. Но за то истинное наказанье послала мнѣ судьба въ 15-ти лѣтнемъ юношѣ-поэтѣ, у котораго „внутри много, а вонъ нейдетъ“. Я чуть было не оставила безъ объясненія эту фразу, которая относится къ одному анекдоту, объ одномъ священникѣ; онъ долженъ былъ писать проповѣдь; но въ голову ему ничего не шло, притомъ-же и умомъ его Богъ обидѣлъ. Вотъ и жалуется онъ товарищу, что ему въ голову ничего нейдетъ; удивляюсь, говоритъ, откуда что берется у такого-то...—Еще-бы, отвѣчаетъ товарищъ

онъ книги просто ѣстъ; такъ ему легко, даже не думавши, прямо, выйдетъ на каѳедру и говоритъ: попъ, прійдя домой, вырвалъ листы изъ книгъ, имѣвшихся у него подъ рукой, изжевалъ и съѣлъ. Ну, подумалъ, теперь мнѣ нечего заботиться о проповѣди, само скажется. На другой день, выходитъ говорить, чувствуетъ, что ничего не можетъ сказать, думалъ думалъ и обратился къ слушателямъ съ такой рѣчью: слушатели благочестивые? внутри много, а вонъ нейдетъ!" тѣмъ и окончилась проповѣдь. Такъ и мой юноша страдаетъ поэтической констипаціей; да въ довершеніе удовольствія считаетъ какой-то обязанностью, обращаясь ко мнѣ, постоянно принимать мрачный, страдающій видъ и придавать своему голосу жалобный, стонящій тонъ умирающаго. На видъ онъ, слава Богу, румянъ, свѣжъ, полонъ и развитъ не по годамъ. Не знаю, что съ нимъ дѣлать? боюсь спугнуть и талантъ, боюсь и потворствовать, чтобы не развить бездарность. Во всякомъ случаѣ буду строже. Неужели вы такъ и не повидались съ княземъ Гинглятъ (а не Гинглядъ)? Впрочемъ, въ судьбѣ его произошла выгодная перемѣна: онъ будетъ назначенъ въ Москву, начальникомъ городскихъ телеграфовъ, съ жалованьемъ втрое больше теперяшняго. Къ сестрѣ своей онъ пишетъ очень часто, и поэтому мы все-таки имѣемъ кой-какія вѣсти изъ Питера.

Что вы это въ насмѣшку питаете мнѣ больше любви, т. е. влюбленности, какъ я поняла. Вы знаете, что время любви для меня миновало, что я ужъ стара, что я долго и много любила; вы всѣ принимаете мое уваженіе къ этому чувству за влюбчивость. Нѣтъ, мой другъ! Это только одно поклоненіе идеѣ, это свѣтлый и ясный отблескъ закатывающагося солнца, солнца, которое, хотя и часто заслонялось тучами, но и за ними оставалось тѣмъ-же грѣющимъ, живительнымъ свѣтиломъ, подъ вліяніемъ котораго много добраго и свѣжаго родилось и въ душѣ моей. Вотъ, отъ чего мнѣ жаль тѣхъ, кто не любилъ; вотъ, отъ чего мнѣ часто, глядя на молодость, страдающую душевной зимой приходятъ на память слова Спасителя: „за множество грѣховъ, отнимется у многихъ способность, или благодать любви". Любить! Что была-бы

для меня теперь любовь? Огнистая, мимолетная струя падучей звѣзды, которая смѣнившись мракомъ приближающейся старости... Нѣтъ, смѣшно рядиться въ цвѣты въ извѣстныя годы;—но не грѣшно любоваться ими на другихъ. Если душа моложе лѣтъ, то надо, чтобъ встрѣтилась ей ровня, а безъ этого плохо. Я была еще больна сердцемъ въ то время, какъ встрѣтилась съ Вами въ первый разъ; еще вдали носилась передо мной гроза моей юности, еще волшебство не совсѣмъ потеряло силу;—но случился одинъ, послѣдній кризисъ,—я выздоровѣла, и чувствую себя сильной и свободной; и какъ ни хорошо мнѣ такъ, но все-же я не могу бросить проклятія, или презрѣнія на спавшую тѣнь прошедшаго очарованія, потому что и подъ ней мнѣ видѣлись золотые сны, и приходили порывы возвышенной энергіи и любви добра и правды; потому что молодость обвивала ее порой роскошными цвѣтами... Видите-ли, какъ я неисправима: какъ ни обливали меня холодной водой, я все не гасну, все брежу и въ письмахъ, и въ тиши. Впрочемъ, я нынче мало и рѣдко пишу, не знаю, почему это я къ вамъ привязываюсь съ такими *недѣльными* посланіями. Вотъ, ужъ это такъ чистый женскій капризъ... Нѣтъ, неправда, это не капризъ, а инстинктивная увѣренность, что въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, не смотря на смѣшеніе и уничтоженіе личностей найдется много отзывнаго и симпатичнаго, на мою искреннюю болтовню, разумѣется, точно такихъ, не иначе, какъ найдется всего этого и на искреннюю болтовню кухарки или прачки (помнила, послѣдній споръ?) ради Бога, не заподозрите меня въ претензіи быть замѣтной точкой на свѣтломъ фонѣ вашей общечеловѣческой любви. Богъ любитъ всѣхъ людей,—слѣдовательно возрадуемся, что мы человѣки.

Простите, что такое длинное и пустое письмо написано вамъ. Простите, и вѣрьте, что дружба моя и уваженіе мое къ вамъ искренное и не измѣнное.

Іосифъ Николаевичъ! Я встрѣтила настоящаго Сакса!!! Желая Вамъ встрѣтить Ольгу. Н. Г.

Юл. Жадовская.

Если-бы вы прибранили меня въ вашемъ письмѣ,— я и тутъ обрадовалась-бы ему, мой добрый Іосифъ Нилаевичъ! Но получить ваше милое, по прежнему дружеское, посланьице — вы не можете себѣ представить, какъ это пріятно. Въ премудромъ моемъ предположеніи о томъ, что вы сердитесь на меня, все то была причина, а не съ *бухты-барахты*, какъ говоривала моя бабушка, напали я на васъ. О причинѣ этой, касающейся не лично васъ, а меня, можно-бы было написать много, нѣсколько страницъ, а пожалуй, и цѣлый романъ. Но покуда я не напишу ничего. Авось, когда-нибудь, мы увидимся съ вами и поговоримъ обо многомъ и многомъ. Боже мой! какъ вы много трудитесь и работаете... А я ничего покуда не дѣлаю. Все это послѣднее время было наполнено суетой. У насъ въ домѣ пріѣзжіе родные смѣнялись одни другими безпрестанно. Сегодня только проводила брата съ женой и ребенкомъ въ Чухлому, уѣздный городъ Костромской губерніи, гдѣ братъ получилъ мѣсто начальника уѣзда. Съ нимъ приключились обстоятельства во время пребыванія его городничимъ въ Кузнецкѣ и Петровскѣ, выходящія изъ ряду обыкновенныхъ: его судили, отдали подъ судъ и торжественно оправдали по дѣлу съ откупомъ. Братъ пошелъ противъ откупа, открылъ злоупотребленія, не хотѣлъ замарать взяткой рукъ, и за это пережилъ мучительныхъ 6 мѣсяцевъ горе, нужды и томительныхъ ожиданій. Покуда онъ ѣздилъ въ Петербургъ на самыя скудныя средства, жена его жила у папа въ Ярославлѣ. Любу вы знаете, это самая странная, эксцентричная личность, и самое самоотверженное, безъ границъ любящее сердце. Попали они въ Чухлому неожиданно: во время пребыванія Поля въ Питерѣ она съ отцомъ гостила у меня: въ это время открылась ваканція на мѣсто начальника уѣзда. Губернаторъ потребовалъ рекомендаціи министра, надѣясь, вѣроятно, на трудность подобнаго требованія. Къ удивленію всѣхъ, братъ привезъ рекомендацію. Губернаторъ сжалѣлъ, и счелъ приличнымъ протянуть опредѣленіе на три недѣли, не давая ни приказа, ни отказа. Наконецъ, надняхъ все это окончилось благополучно.

Что сказать вамъ о себѣ, о мужѣ, о m-me Саксъ?

Кажется, ничего нѣтъ легче, какъ говорить о себѣ и близкихъ, а я почти затрудняюсь; а затрудняюсь потому, что привыкла передавать вамъ болѣе психическую сторону моей жизни... Я устроилась и уладила съ домашнимъ бытомъ порядочно. Мужа моего зовуть Карлъ Богдановичъ; m-ше Саксъ, все еще не нашла Сакса. Живемъ мы ладно и мирно. Мужъ мой—рѣдко добрый и честный человѣкъ, но идеалистъ первой руки и въ 53 года сохранилъ теплоту и свѣжесть юношескихъ мечтаній; это, однако, душа наболѣвшая настрадавшаяся до того, что въ самомъ счастіи находитъ какое-то томленіе и безпокойство. Напримѣръ, вдругъ ему представится, что какое-нибудь чудовище похититъ меня, или я умру, тли нѣчто въ этомъ родѣ... и находитъ на него болѣзненный страхъ и ужасъ, который умѣетъ прогнать нолько моя нѣжность и ласка. Онъ слишкомъ сосредоточился на любви ко мнѣ; отъ практики у него остается много времени; я уговарила его заняться переводами медицинскихъ сочиненій, и потому обращаюсь къ вамъ съ покорной и задушевной просьбой—указать его сыну, который и доставитъ вамъ это письмо, у какихъ книгопродавцевъ можетъ онъ справиться о начатомъ сочиненіи, и если оно еще не переведено, то какъ лучше, продатьли его рукописью или напечатать отъ себя? Сдѣлайте мнѣ это одолженіе.

Будьте такъ добры, голубчикъ мой Іосифъ Николаевичъ,—приголубьте нашего юношу; онъ честный и добрый мальчикъ. Теперь, пишу вамъ вовсе не такъ, какъ-бы хотѣли и какъ начала. Коля заторопился ѣхать и я перемѣнила предметъ моего письма и вмѣсто задушевной бесѣды—обратила въ просительное. Но это не помѣшаетъ мнѣ скоро опять писать вамъ. Требуемую сумму за книги и переплеты—вышлю вамъ тогда, какъ сдѣлаюсь царицей Гномовъ, а это будущей весной... Прощайте, добрый, незамѣнимый другъ. Будьте хранимы провидѣніемъ и собственными своими силами.

Ю. Жадовская.

Получено 5 ноября 63.

6-го іюля, 62.

Не столько передъ Вами, добрый другъ мой, совѣстно мнѣ, какъ совѣстно передъ собой самой, что я до сихъ поръ не писала Вамъ. Пріѣхавши въ Гапсаль я расхворалась, потомъ расхандрилась. Постоянные дожди и ненастье сводятъ насъ съ ума. Вѣчно сѣрый, угрюмый видъ моря, наводитъ тоску. Бури и вѣтры не только не позволяютъ пользоваться воздухомъ, но даже лишаютъ возможности сидѣть дома съ открытыми окнами. Наша квартира близко къ морю и оно приходитъ къ намъ въ гости и плещетъ волнами чуть не на крыльцо. Не будь дурной погоды, тишина и мирное, почти деревенское уединеніе могли-бы подѣйствовать благотворно, сгладить многое, что легло тѣнью на душу послѣднее время.— Гдѣ Вы теперь? Что подѣлываете? Были-ли Вы въ Питерѣ смутное время пожаровъ и проч.? Мы часто Васъ вспоминаемъ; намъ пріятенъ даже сосѣдъ нашъ, который имѣетъ съ Вами замѣчательное сходство, будто Вашъ старшій братъ. Онъ часто гуляетъ въ нашемъ садикѣ и мы дружелюбно перекидываемся общими фразами. А знаете-ли что? Вамъ необходимо нужно пріѣхать на будущее лѣто въ Гапсаль. Здѣшнія иловыя ванны дѣлаютъ чудеса на нашихъ глазахъ. Гуніусъ хорошій, внимательный врачъ. Что касается до меня, то я не пользуюсь этими ваннами; лечусь двумя крайностями— моремъ и гомеопатіей. Оказалось, что все мое болѣзненное состояніе происходитъ отъ недостатка и жидкости крови; отъ того наливаютъ меня молокомъ, пока это дѣйствуетъ на меня не дурно.

Что сказать Вамъ. Здѣсь какой-то отдѣльный міръ, нѣчто въ родѣ нѣмецкой Обломовки. Всѣ волненія большаго міра достигаютъ смутно и неясно. Люди здѣсь живутъ, а не развиваются; и еслибъ не бѣдный, до нельзя угнетенный чухонецъ, благодарящій Васъ со слезами за ломоть чернаго хлѣба, который ему въ лакомство, потому что онъ дома ѣстъ муку заваренную на водѣ, или по нашему *болтушку*, — то пожалуй можно-бы и задремать нравственно подъ шумъ моря и крики чаекъ. Мы собираемся прогуляться на островъ Даго.

Жители его имѣютъ много особенностей, начиная съ костюма до образа жизни и нравовъ. Что Ваши занятія? Отдыхаете Вы, или трудитесь! Вѣрно трудитесь... отдыхъ не въ Вашей натурѣ; ваша нравственная дѣятельность слишкомъ раздражена, чтобы допустить отдыхъ.

Вчера, воспользовавшись промежуткомъ ясной погоды я гуляла по морскому берегу, и заглядѣлась на полетъ ласточекъ, которые удивительно граціозно плавали въ воздухѣ; не подалеку, подъ крышей одного домика находилось ихъ гнѣздо. Онѣ шалили, кружились, влетали и вылетали изъ него, повидимому, безъ всякой другой цѣли, кромѣ потребности жить и наслаждаться жизнью и просторомъ. Я вдругъ вспомнила о Васъ, подумала, что можетъ быть, въ эту минуту, Вы сидите за какой-нибудь серьезной статьей, а я безпечно и праздно, не лучше птицъ, за которыми слѣдила, дышу воздухомъ, шатаюсь и мечтаю... Прощайте; будьте хранимы Богомъ. Настя дружески кланяется Вамъ.

Ю. Жадовская.

1-го ноября, 1862 г.

Не подумайте, Іосифъ Николаевичъ, Что бы лѣнь, или что нибудь другое въ этомъ родѣ было причиною того, что я цѣлый мѣсяцъ не писала Вамъ: нѣтъ, дѣло гораздо проще—я тотчасъ по пріѣздѣ захворала и пролежала три недѣли въ постели. И такъ, какъ вы видите, доѣхали мы не совсѣмъ *благополучно*. На половинѣ дороги отъ Москвы захватила насъ мятель и вьюга, а мы сдѣлали очень умно: изъ Москвы отправили наши шубы, чтобы быть свободнѣе въ движеніяхъ въ почтовой каретѣ. При всемъ этомъ мы впродолженіи всей дороги должны были няньчиться съ мачихой Насти, которая была и смѣшна и жалка. Привыкшая къ охлопкамъ и деревенской барской нѣгѣ, она стенала и хныкала всю дорогу. Однако, ее мы довезли *благополучно*, накутавъ на нее все, что было съ нами теплаго изъ одежды. Отецъ такъ обрадовался нашему пріѣзду, что я рада была, что долѣе меня ничто не задержало въ Питерѣ. Разница между

столицей и провинціей чувствуется очень рѣзко, когда довольно долго поживешъ въ первой: Васъ охватываетъ какая-то тишина, что-то сонное и безпечное. Въ городѣ какъ въ собственномъ домѣ все извѣстно; каждый заѣзжій вольтижеръ производитъ движеніе. Маленькій муравейникъ копошится лѣниво, заботясь только о насущномъ. Публичная библіотека чуть не закрылась на дняхъ, потому что для однихъ романовъ Поль-де-Кока и журналовъ держать ее нашли невыгоднымъ. Однако удержалась, не знаю, на долго-ли? А все-таки здѣсь я читаю больше и занимаюсь дѣломъ больше, потому что голова моя не мучится заботами о томъ, что будетъ съ нами, если выйдетъ послѣдній рубль? Здѣсь я могу хворать сколько мнѣ угодно, подъ роднымъ кровомъ, меня даже не тревожитъ желаніе выздоровѣть. Старый, неизмѣнный другъ нашъ Севенъ сидитъ около меня и надсажается выдумывая средства дать силы моему счастливому, но подломленному организму; или пускается въ безконечныя толки о безконечномъ. Кружокъ близкихъ знакомыхъ тѣснится радушно въ нашихъ комнаткахъ. Всѣ они тѣже—нѣтъ ни разочарованій, ни ошибокъ. Меньшой братъ Насти бросилъ всѣ кутежи и обновился душой. Это бѣдное, слабое по характеру, но доброе по сердцу дитя,—зависитъ отъ посторонняго вліянія также, какъ растеніе отъ свѣта и солнца. Если бъ вы были здѣсь, добрый другъ, мой, какъ это было-бы хорошо для насъ!

Что съ вами, и какъ вы поживаете! Отзовитесь мнѣ, ради Бога. Теперь, когда между нами легло разстояніе, мнѣ кажется еще дороже ваше слово, ваша память обо мнѣ. И могилы навѣщаютъ;—отсутствующихъ вспомнить также великодушно. У насъ ужъ зима; все покрыто снѣгомъ, но дороги зимней еще нѣтъ. Тяжелое время—зима,—особенно послѣ нынѣшняго лѣта. На лѣто, если буду жива, уѣду въ деревню, къ себѣ, и никакими пряниками не выманятъ меня за предѣлы ярославской губерніи. Я ужъ не гожусь для иной жизни, я слишкомъ обрусѣла, жизнь моя сложилась для тихаго, домашняго угла. Мнѣ, какъ дикой птицѣ съ младенчества подрѣзали крылья и посадили въ чуланъ съ курами. Птица осталась жива и какъ будто привыкла даже къ своему положенію, и хотя

и сохранила какіе-то инстинкты, которые дѣлаютъ ее своеобразной, бросаются въ глаза другимъ; но эти инстинкты не заставятъ ее летать и жить на волѣ. Но полно мнѣ! есть изъ чего хлопотать, когда пришло время не жить, а доживать жизнь. Надо постараться дожить ее поразумнѣе.

Будьте такъ добры, не забудьте распорядиться моими экземплярами; можете дѣйствовать не спѣша, по вашему усмотрѣнію. Я рѣшительно раздумала принять на себя, какую-либо оффиціальную обязанность;—не изъ лѣни, или гордости, а потому что считаю недобросовѣстнымъ взяться за трудъ, не сознавая въ себѣ достаточно силъ; и притомъ я не вынесу умственной узды; я дорожу свободой своихъ убѣжденій, и признаюсь въ слабости, свободой того, чему еще можетъ быть суждено вылиться изъ-подъ моего пера. Какъ-бы ни былъ слабъ талантъ мой; я его чувствую въ себѣ; я сдѣлала-было попытку пожертвовать имъ; но попытка эта доказала только мнѣ, что поступать противъ убѣжденія—для такихъ натуръ, какъ моя, есть только одно страданіе. Я не была покойна все это время, и какъ-бы теперь ни были плохи средства, мой умъ, моя мысль останутся свободными,— совѣсть покойною. Прощайте, будьте хранимы Богомъ. Вѣрьте, что я, всегда и всюду, сохраню въ душѣ моей, неизмѣнно, чувства самой искренней, глубокой и теплой дружбы къ вамъ, такой дружбы, которая можетъ родиться только изъ чувства уваженія и довѣрія къ человѣку. Настя усердно вамъ кланяется и дружески жметъ вашу руку.

Папа поручилъ мнѣ передать вамъ его усердный поклонъ и выражаю расположеніе искренняго и душевнаго вмѣстѣ съ глубокимъ уваженіемъ къ вашей личности и благодарности за все, что вы для меня сдѣлали.

Юлія Жадовская.

---

9 Декадря.

Что съ Вами, добрый другъ! Вотъ, уже мѣсяцъ какъ я не получаю отвѣта на мое письмо. Развѣ Вы не получили его? но это до сихъ поръ не случалось. Не хочу

думать, чтобъ Вы хворали; нѣтъ ужъ пусть лучше молчаніе Ваше будетъ отъ лѣни или недосуга.

Что сказать? О чемъ писать? Я дѣлаю эти вопросы вовсе не потому, что затрудняюсь недостаткомъ предметовъ, напротивъ—нашъ домашній міръ такъ неожиданно охватила судьба страшными стеченіями обстоятельствъ, болѣе, впрочемъ печальныхъ, чѣмъ радостныхъ. Я многое бы хотѣла передать Вамъ, но такъ смущена вашимъ молчаніемъ, что и сама умолчу противъ воли обо всемъ меня касающимся. Не подумайте, чтобъ это означало сомнѣніе въ вашемъ участіи, я такъ привыкла считать Васъ братомъ по душѣ, вѣрить Вамъ и любить Васъ, что подобное сомнѣніе было-бы слишкомъ тяжело для меня. Ради Бога успокойте меня—отзовитесь поскорѣй. О, какъ-бы я желала, чтобъ вы были съ нами въ настоящее время! Какъ много темнаго и грустнаго сняло-бы съ души Ваше присутствіе, какой-бы теплый лучъ доброты и участія бросило въ наши души?

Какъ я думаю докучливо и странно получать Вамъ мои письма; потому что въ сущности я вѣдь *отсталая*. Судьба приперла меня въ тѣсный уголокъ и засторонила многое живое, кипучее современное домашнимъ міромъ, не современнымъ, но кипучимъ, сердечнымъ, невольно захватывающимъ вамъ душу, но въ этомъ мірѣ не менѣе рождаются и разрѣшаются вопросы внутренней жизни.

Напишите мнѣ,—какъ Вамъ не грѣшно! Еслибъ даже письмо мое, то все-же бы Вы сдѣлали доброе дѣло, сказавши первой вами всегда отрадное слово. Я была больна долго по пріѣздѣ; теперь начинаю поправляться. Но голова еще туманна и слаба. Притомъ-же я отъ многого одурѣла, какъ человѣкъ внезапно захваченный и закрученный на пути порывомъ вихря.

Прощайте, будьте хранимы провидѣніемъ. Настя дружески жметъ вамъ руку, а мысленно призываю на васъ все лучшее и свѣтлое жизни.

Ю. Жадовская.

6-го Февраля, 1864 г.

Еслибъ Вы знали, добрѣйшій Іосифъ Николаевичъ, въ какой суетѣ провела я эти послѣднія мѣсяца; какъ я

хворала при этомъ и какъ часто я вспоминала и думала о Васъ, еслибъ Вы знали это, и многое другое,—то конечно не подумали-бы многого такого, что Вы, можетъ быть подумали обо мнѣ, вслѣдствіи моего, повидимому неблагодарнаго молчанія.—На праздники къ намъ пріѣхали Гингляты (братъ и сестра) и пробыли около мѣсяна, въ это-же время гостилъ у меня и папа; Настя уѣхала въ Чухлому гостить къ моему брату, и вслѣдствіе всего этого,—я испытывала всѣ безпокойства и суеты хозяйственныхъ мелочей.

Теперь зима — тяжелое для меня время, уже на исходѣ, а съ ней вмѣстѣ проходитъ и многое непріятное, накопившееся на душѣ, вслѣдствіе разныхъ столкновеній, недоразумѣній; эгоистическихъ побужденій и проч. Вѣдь я такая ужъ странная, эластичная натура, что какъ судьба, ни жметъ меня,—а стоитъ только упасть на меня солночному лучу—я вновь оживала. Я говорю—оживала и сію-же минуту сама грустно посмѣиваюсь надъ такимъ выраженіемъ. Видно, ужъ я такъ, до гробовой доски буду все, понемножку, оживать и никогда не оживу вполнѣ! Еслибъ мнѣ немножко побольше здоровья—меня-бы свои не узнали. Но судьба придавила меня какимъ-то утомительнымъ безсиліемъ. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе удивляюсь окружающимъ меня дорогимъ мнѣ существомъ; — удивляюсь ихъ непобѣдимой любви и нѣжности ко мнѣ.

Вы такъ радушно спрашиваете меня обо мнѣ и о моей жизни, что мнѣ хотѣлось-бы послать вамъ фотографическій снимокъ съ моей жизни, еслибъ это было только возможно. А снимокъ съ нѣкоторыхъ суетъ и положеній вышелъ-бы преинтересный? Какъ женщина, и какъ женщина замужняя, я счастлива... Вотъ, только еще съ средствами къ жизни не можемъ уладиться на столько чтобъ жить безпечно, не думая о завтрашнемъ днѣ, — все приходится думать. Но и это, съ каждымъ днемъ становится легче. Вы спрашиваете также, пишу-ли я? Нѣтъ, мой другъ, покуда еще не пишу. Нынѣшній годъ далъ мнѣ столько нравственныхъ потрясеній, что мнѣ необходимъ отдыхъ. Есть личности, которымъ будто на роду написано находиться въ исключительныхъ положеніяхъ. Я принадлежу къ нимъ, къ этимъ личностямъ.

Жизнь, на каждомъ шагу подставляетъ предметы для романовъ и повѣстей, и всѣ эти предметы какъ-то исключительны. Въ литературномъ произведеніи это плохо укладывается, тѣмъ болѣе, что все драматическое или романическое въ моей жизни чтожъ около моей собственной личности или личностей мнѣ близкихъ. Вотъ, отчего я не могу еще приняться писать: надо взять или, то что находится подъ руками, или построить свой умъ на созданіе образовъ и характеровъ чуждыхъ мнѣ. Я слишкомъ, покуда, эгоистично поражена настоящимъ и могла-бы писать о предметахъ только изъ дѣйствительнаго, окружающаго меня міра. Но этого сдѣлать вполнѣ, такъ какъ-бы мнѣ хотѣлось, а лицемѣрить въ моихъ произведеніяхъ я не могу. Мнѣ можно было писать „всторонѣ отъ большаго свѣта“ когда прошедшее отодвинулось отъ меня на грань далекого и нѣжнаго воспоминанія. Но я еще не теряю надежды вскорѣ приняться за дѣло.

Ну, вотъ видите какая я эгоистка: все пишу о себѣ, и думаю, что вамъ это не чуждо... да! тайное непобѣдимое предчувствіе говоритъ мнѣ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ не будете Вы мнѣ чуждымъ; уже потому не будете, что въ душѣ моей лежитъ глубокій интересъ ко всему, что Васъ касается, какъ Вамъ самимъ неизгладимая дружба и уваженіе. Язнала очень хорошо, что такихъ людей; какъ Вы, не часто и не легко встрѣтишь на жизненной дорогѣ. Напишите мнѣ ради Бога, о себѣ; удѣлите минутку Вашему неизмѣнному другу и сестрѣ по душѣ.

Юлія Жадовская.

Ярославль, 1858 г., 9 дня.

Мнѣ ужь давно хочется побесѣдовать съ вами, Іосифъ Николаевичъ; но разныя недосуги и суматохи по случаю водворенія нашего въ Ярославлѣ, не давали мнѣ минутки свободной. Мы пріѣхали домой безъ всякихъ непріятныхъ дорожныхъ приключеній. Погода была прекрасная, и мы любовались сколько было душѣ угодно лѣсами, лугами и городами, которыя поперемѣнно смѣнялись передъ нами.

Я до самаго выѣзда изъ Петербурга не видала зелени, и догадывалась о веснѣ только по теплой погодѣ; но мнѣ грустно было разстаться съ Петербургомъ, гдѣ такъ пригрѣло меня радушіе и привѣтъ многихъ.

Мнѣ грустно было разстаться съ вами, добрый Іосифъ Николаевичъ, мы такъ братски, такъ дружески полюбили васъ. Мы теперь скучаемъ по вечерамъ и часто говоримъ о васъ;—тѣмъ болѣе грустно, что мы оставили васъ въ хандрѣ и заботахъ о вашемъ дѣлѣ, которое, вѣрьте мнѣ, и насъ также не мало заботитъ. Ну, что, какъ оно, это дѣло? Пишите мнѣ, пожалуйста, если занятія и недосуги не сдѣлаютъ для васъ изъ этого большаго затрудненія.

Въ концѣ мая, или началѣ іюня, мы переѣзжаемъ въ деревню. Какъ вы думаете провести лѣто и гдѣ? Пріѣзжайте къ намъ. Какъ-бы мы рады были васъ видѣть! Отецъ мой поручилъ мнѣ передать вамъ его задушевную благодарность за всѣ ваши заботы, хлопоты и милую услужливость въ отношеніи меня. Онъ встрѣтится съ вами, какъ добрый, старый знакомый, и ожидаетъ отъ васъ того-же. Настя скучаетъ по васъ: теперь ей некому говорить и пророчить о *Саксѣ*... А какой женщинѣ не пріятно поговорить и подумать о *Саксѣ*! Однако, надо перечитать *Полиньку*: я что-то забыла нѣкоторыя черты *Сакса*, и помню, что было нѣчто и въ этомъ характерѣ, что мнѣ не нравилось.

Прощайте. Будьте здоровы, да не хандрите ради Бога. Что за радость тратить въ печальныхъ заботахъ силы душевныя и здоровье! Жизнь проходитъ скоро и незамѣтно, а намъ кажется, что она неистощима, и это, по моему, главный источникъ многихъ грустныхъ и безполезныхъ утратъ. Впрочемъ, вы лучше знаете, что и какъ! Вы человѣкъ уже съ опредѣлившимися, выработанными идеями... а я такъ себѣ живу, какъ птица небесная въ Божьемъ мірѣ; — набѣжитъ гроза, я не лечу на нее, а прячусь по возможности...

Будьте такъ добры справьтесь, какъ идутъ мои стихотворенія? Идутъ-ли? Простите, что и отсюда надоѣдаю вамъ.

Прощайте, еще разъ. Да хранитъ васъ Богъ!..

Передайте мой задушевный поклонъ г. Розенгеймъ.

Юлія Жадовская.

Ярославль, 28 мая, 1858 г.

Пишу вамъ за нѣсколько дней до отъѣзда въ деревню. Письмо ваше я получила по возвращеніи моемъ изъ Костромы, гдѣ я захворала. Тетки провожали меня до Ярославля, и по случаю ихъ пребыванія я замедлила отвѣчать вамъ. Переѣздъ на пароходѣ мнѣ не понравился: въ каютѣ душно, на палубѣ тѣсно. О пассажирахъ вовсе не заботятся, поятъ ихъ сквернѣйшимъ чаемъ и кормятъ дурнымъ обѣдомъ. (Я въ первый разъ дѣлала путешествіе на пароходѣ). Пароходъ называется: „Самолетъ“ по имени компаніи, которой принадлежитъ. На желѣзной дорогѣ лучше, веселѣе, удобнѣе.

Здѣсь весна въ полномъ разгарѣ. Окна моей комнаты выходятъ въ нашъ крошечный садикъ, усаженный большими деревами, дающими тѣнь и прохладу. Впрочемъ, для такого миніатюрнаго тѣнистаго уголка и слово „садикъ“ слишкомъ громко. Но все-таки видишь зелень. Пора въ деревню! Папа медлитъ, ему жаль разстаться съ клубомъ и газетами.

Какъ-то вы устроились на дачѣ? Что вы подѣлываете? И такъ вы не пріѣдите! Досадно.

Какъ вы церемонно благодарите за вниманіе, участіе и проч.! Право, можно подумать, что вы не вѣрите всему этому! Ну, да вѣрите или нѣтъ, а все-таки потрудитесь написать о себѣ и вашемъ дѣлѣ. Мнѣ казалось, что вы хандрите, а выходитъ еще хуже — вы тоскуете. Борьба утомила васъ. Авось, Богъ милостивъ, вы соберетесь съ новыми силами и сбросите тяжелую цѣпь всѣхъ этихъ непріятныхъ отношеній по вашему дѣлу. Вспомните, что участь человѣка честнаго, добраго и даровитаго рѣдко бываетъ легка...

Спасибо вамъ за доброе слово о нашей встрѣчѣ съ вами! Не скажу вамъ ни слова отъ себя... Вѣдь вы отъ этого не будете сомнѣваться въ искренности моей дружбы къ вамъ? Какъ мнѣ хочется, подчасъ, снова видѣть васъ, поговорить съ вами, мой добрый Іосифъ Николаевичъ! Вамъ кажется, что я весела и довольна... Нѣтъ! въ глубинѣ души моей лежитъ глубокая грусть, вслѣдствіе многаго, многаго въ моей жизни. Но ходить съ

мрачной физіономіей я не могу, во-1-хъ, по привычкѣ владѣть собой, во-2-хъ, по моей, все-таки, въ сущности, веселой натурѣ.

Читала я отзывы и „Сѣверной Пч.“, и „Спб. Вѣдомостей“. Первый полезенъ, какъ безусловная похвала для распродажи моихъ экз., а второй страшно одностороненъ. Толкуютъ о субъективности и объективности—а гдѣ границы между той и другой? Развѣ чувство, отражающее въ себѣ чувства многихъ, и болѣе, или менѣе каждаго человѣка узко и мелко? Неужели любовь такъ субъективна, что это ставятъ ей въ порокъ? Странно, что писателя хотятъ заставить выражать то, что хочется критику;—это все равно, что розѣ велѣть быть незабудкой. Нѣтъ, поэтическая струя найдетъ сама себѣ дорогу; она течетъ и пробивается какъ ей Богъ велитъ, — и счастье если не пересохнетъ она и не обратится въ стоячую лужу; а сольется съ безбрежнымъ и вѣчнымъ океаномъ жизни!

Большаго таланта у меня нѣтъ, вы знаете; но ежели есть то, что понятно и доступно многимъ, то что многіе чувствовали, а я за нихъ высказала,— то уже и это не лишнее на бѣломъ свѣтѣ. Какъ вы думаете?

Богъ знаетъ, какъ я вамъ благодарна за хлопоты ваши обо мнѣ и за разговоръ съ г. Кемечовымъ и за справку у Кожанчикова. Хотѣлось-бы приняться писать въ деревнѣ, да какъ подумаю о страшномъ роѣ комаровъ и мошекъ, ожидающемъ насъ, да о жаркихъ дняхъ, въ которые хочется бѣжать въ лѣсъ и лежать на травѣ, — то сомнѣваюсь, чтобъ вышло что-нибудь изъ этого желанія. Нынче наше деревенское сосѣдство разстроилось: старушка наша умерла и все семейство въ горѣ; дочь ее оставляетъ деревню на все лѣто. Уединеніе будетъ полное. Вы не можете себѣ представить, что это за глухая сторона! Что еще сказать? Сегодня у меня голова туманна; чувствую, что пишу безсвязно; а все-таки пишу. Ну, ужь не взыщите. Настя поручила мнѣ передать вамъ, что она хандритъ и потому лѣнится писать вамъ, а будетъ писать изъ деревни. Она о васъ часто гадаетъ, выходитъ, что вы волочитесь за какой-то *бубновой дамой*. Не знаю, правда-ли, а выходитъ такъ!—

Не видали-ли вы m-lle Прибыткову? Я еще къ ней не писала. Если увидите ее, то кланяйтесь ей отъ меня; я буду ей писать. Кромѣ ее, вѣрно въ Петербургѣ уже никого нѣтъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ; всѣ по дачамъ.

Прощайте. Будьте здоровы. Дай Богъ вамъ всего хорошаго! Папа вамъ усердно кланяется.

Ю. Жадовская.

1858 г., мая 28.

---

29 мая.

Сегодня я проснулась рано. Утро холодное, но ясное. Всѣ еще спятъ... Я сейчасъ дочитала статью въ „Современникѣ“ „О причин. обусловливающихъ правильность дѣйствія чиновниковъ“, и вспомнила о васъ. Вѣрно вы прочтете эту статью съ удовольствіемъ. Тутъ много истиннаго, вѣрнаго. Но одно только возможно но скоро— это быстрое исправленіе зла, посредствомъ прибавки жалованья... Рука, привыкшая тянуться за взяткой, не остановится скоро ни при какихъ условіяхъ; устраненіе такихъ рукъ, есть частное зло, влекущее общественный ущербъ, по мнѣнію сочинителя, — а пожизненно давать волю такимъ рукамъ опасно. Старое мѣшаетъ. Воспитаніе все-таки выходитъ самое надежное лекарство, а о немъ сказано мало; женщины задѣты слегка, а ихъ-то и надо имѣть въ виду, да меньше церемониться, высказывая правду. Тогда, т. е. при нравственномъ образованіи матерей, всякая мѣра будетъ хороша и спасительна. Вотъ, хоть-бы наши попы, напр.: имъ дали жалованье, а воспитаніе оставили то же, и они все также обираютъ, подчасъ мужика, прижимаютъ его при свадьбахъ и крестинахъ. Ну, да не мое дѣло толковать объ этомъ, всю эту несвязную страницу пишу вамъ ради того, чтобъ вызвать отъ васъ нѣсколько лишнихъ строкъ. Ради Бога только не заключите по этому, что я равнодушна къ общественному благу. Если я сказала „не мое дѣло толковать объ этомъ“. Это значитъ, что я не умѣю толковать...

Прощайте.

Ярославск. губ., Любимск. уѣзда, сельцо Субботино.

14 іюля 1858 г.

Какъ всѣ нервныя натуры, я имѣю способность угадывать по письму расположеніе духа писавшаго, какъ бы написанноен и противорѣчило тому, что чувствовалось во время писанья. До сихъ поръ, эта способность не обманывала меня, и потому я увѣрена, что было что-то странное и особенное въ душѣ вашей, когда вы писали мнѣ послѣднее письмо ваше отъ 11 іюня: это не хандра, не грусть, а что-то такое, что мнѣ не хотѣлось-бы въ васъ видѣть... Простите за откровенность. Не сердитесь, я хвораю, и потому придираюсь и капризничаю. Но все-таки я останусь, пока вы не разувѣрите меня, при томъ убѣжденіи, что на васъ набѣжало облачко. Какого характера было это облачко—я не знаю, но я только чувствую, по безпокойству испытанному мною при чтеніи письма вашего, что оно, т. е. облако это,—заслонило вамъ, хотя можетъ быть не надолго одну изъ свѣтлыхъ минутъ вашей жизни. Можетъ быть, это слѣдствіе испытанной вами предъ тѣмъ апатіи. Ахъ эта апатія! Избави отъ нее Богъ. Хорошо, что вы вглядываетесь въ жизнь, но не хорошо, что видите одни слезы и слышите стоны. Но есть-же въ ней, или, по крайней мѣрѣ, должно быть, что нибудь и радостное. Иначе, чортъ-ли въ ней! Стоитъ-ли жить и хлопотать о ней? А знаете-ли отъ чего вы утомлены? Мнѣ кажется, отъ того, что вы не жили, или мало жили для себя. Вѣдь и Спаситель, въ тяжкую минуту, произнесъ: жажду!.. Свойственно человѣку обратиться къ жизни и къ людямъ съ тѣмъ-же словомъ... Конечно, нельзя ручаться, что они не напоятъ оцтомъ и жолчію. Какъ-бы-то ни было, а слово это, или скорѣе болезненный крикъ, вырывающійся изъ души—законное требованіе всякаго человѣка.

Благодарю васъ, и всегда буду благодарить въ душѣ за всѣ хлопоты о моихъ произведеньицахъ. Статью о моихъ стихотвореніяхъ въ „Соврем.“ на-дняхъ я прочитала. Довольны вы ею? Я довольна. Но вотъ случай: въ то время, какъ я окончила чтеніе, отецъ принесъ вовсе безъ намѣренія, томъ прежняго „Современника“ май и

іюнь 1849 года, онъ принесъ его, чтобъ почитать что-нибудь отъ нечего дѣлать изъ произведеній изящной словесности. Я машинально раскрыла его и невольно остановила глаза на слѣдующихъ словахъ раскрытой страницы: „Стихотворенія эти (мои) принадлежатъ къ разряду обыкновенныхъ журнальныхъ стиховъ; они *очень гладки* и, кромѣ того, коротки. Я не слышалъ, чтобъ они кому-нибудь особенно нравились; даже извѣстный вамъ мой сосѣдъ, снисходительный къ журнальнымъ стихотвореніямъ, говоритъ, что въ стихахъ этихъ нѣтъ ни треску, ни задору". Стихотворенія эти были — почти весь второй отдѣлъ моей книжки. Тутъ было и „Пробужденіе сердца", и „Никто не виноватъ", пьесахъ, о которыхъ теперь такъ милостиво отозвался „Современ.!" Нѣтъ, послѣ Бѣлинскаго критика наша не та. Онъ одинъ умѣлъ хотя рѣзко, но вѣрно обозначить достоинство того или другаго произведенія. Его сухая правда цѣнилась мною дорого. Еще въ 1848 году „Современ." удостоилъ сказать обо мнѣ: что можетъ быть и есть у Жадовской нѣчто въ родѣ поэтической способности, но... и проч. дальше не помню; не правда-ли, все это заставитъ невольно быть равнодушной къ настоящей похвалѣ. Замѣтьте, что въ 1849 г. говорятъ, что стихи мои *очень гладки*; а въ 1858 г. замѣчаютъ, что они шероховаты, прозаичны и неправильны. Чему и кому тутъ вѣрить?

---

21 іюля.

Цѣлую недѣлю не могла продолжать письма моего; частію отъ лѣни, частію отъ разныхъ помѣхъ, въ числѣ которыхъ были и мои имянины. Пріѣхали родные, и время шло такъ, кой-какъ, безпорядочно. Да и вообще дни тянутся такъ себѣ: „Безъ божества, безъ вдохновенья" и безъ всего прочаго.—Крестьянскій вопросъ занимаетъ всѣ умы, поглощаетъ всѣ другія интересы всѣхъ меня окружающихъ. Ужъ даже надоѣло все это;—надоѣло потому, что все это выходитъ какое-то переливаніе изъ пустаго въ порожнее.

Сосѣдъ мой К., съ которымъ мы большіе пріятели на дняхъ привезъ мнѣ соч. Рабо: du Tiers Etas. Я прочитала и съ удовольствіемъ; мнѣ понравилось разумное и ясное безпристрастіе автора. Личность его рѣшительно въ сторонѣ и не проглядываетъ никакого родства или кумовства съ отстаиваемымъ предметомъ; никакой горечи, затаенной обиды, или слѣпого поклоненія той или другой секты. Люблю я такихъ писателей. На дняхъ я прочитала также романъ Писемскаго:—„Тысяча душъ". Вѣрно вы еще не читали. Прочитайте. Я нахожу романъ этотъ прекраснымъ. Впрочемъ, можетъ быть я и увлекалась, потому что тутъ мнѣ многое пришлось близко къ душѣ. Пишу я мало: не отъ лѣни или нежеланія, а оттого, что многое еще не прочувствовалось, не напросилось живьемъ въ мысль и душу. Что дѣлать, это моя бѣда безъ охоты писать не могу... Пробовала; но выходитъ дурно.

Вы такъ мало пишете о себѣ, а я боюсь васъ спрашивать, думаю, что можетъ быть, вы не желаете говорить о тѣхъ или другихъ предметахъ, Отчего вы избѣгаете встрѣчъ съ Варварой Ивановной? Васъ страшатъ пренія о Сведенборгѣ; не бойтесь. Она послѣднее время перестала филосовствовать и сдѣлась женственное чѣловѣчнѣе. Я затронула въ душѣ ея давно дремавшія струны, и чувства ея ожили, возродились. Не смотря на ея способность утомить своихъ собесѣдниковъ, это все таки женщина умная, стремящаяся къ высокому и прекрасному; все дѣло испортило то вліяніе, подъ которымъ развилась эта сильная и богатая натура, въ которой такъ много свѣжаго и чистаго, что я невольно полюбила ее въ наши два три послѣднія свиданія.

Прощайте, будьте здоровы и счастливы по возможности! Еще бы вы сомнѣвались въ искренности моей дружбы! У васъ тоже развитъ сердечный инстинктъ, по которому вы должны угадывать, что истинно, что ложно... Да! Дядя прислалъ мнѣ посланіе Розенгейма, которое, по его (дяди) словамъ, выпросилъ у него Nicolas. Посланіе прекрасно. Я непремѣнно буду на него отвѣчать и отъ души. Поклонитесь отъ меня г. Розенгейму и всѣмъ кто вспомнитъ обо мнѣ изъ общихъ нашихъ знакомыхъ, если въ Петербургѣ вспоминаютъ о знакомыхъ. Я получила

отъ m-lle Ольги П. книжку ея стихотвореній и письмецо. По двумъ-тремъ пьесамъ можно положительно сказать, что у ней есть талантъ, но она рѣдко пишетъ то, что чтвствуетъ, а большею частію „сочиняетъ“, какъ на заданныя тэмы, избирая предметы не всегда удачныя. „Петербургскія Вѣдомости“, пожалуй, назовутъ это объективностью. Но вѣдь надо талантъ Майкова, чтобъ, безъ участья сердца, проникнутыя созерцаніемъ отвлеченныхъ предметовъ до такой степени, чтобъ увлечь своимъ талантомъ и проникнуть все, до чего ни коснется онъ художественной красотой. Прощайте, еще разъ... да хранитъ васъ провидѣніе отъ всякаго зла и вреда! Сказала-бы: до свиданья! Но едва ли оно скоро можетъ случиться. Вѣрьте, что я вашъ искренній другъ.

Ю. Жадовская.

Хотѣла я вамъ написать длинное письмо, да какъ взялась за перо, то и оказалось, что писать не о чѣмъ. Скука, скука и скука! Въ именины Julie ухаживалъ за мной 70-ти лѣтній юноша, молодой душою, но дряхлый тѣломъ, что не мѣшало мнѣ проболтать съ нимъ цѣлый день, оставя цѣлую дюжину молодежи на попеченіе Julie, которая читала имъ проповѣдь на счетъ опасности совершенно погрязнуть въ пошлости, въ которую они уже съ ногъ до головы окунулись. Теряю надежду найдти Сакса, а если не найду разозлюсь, а на васъ больше всѣхъ, потому что вы взманили меня. Будьте такъ добры напишите мнѣ, не видали-ли, вы послѣ нашего отъѣзда, нашего бывшаго хозяина? Прощайте, будьте здоровы, отъ души желаю вамъ не хандрить такъ, какъ, подъ часъ, хандрю я.

N.

---

20 октября, 1858 г.

Я къ вамъ давно не писала. Не потому, что забыла о васъ, не потому, что разсѣялась, а потому, что надо мной летятъ дни и часы въ томительномъ однообразіи.

Они приносятъ мнѣ лѣнь и апатію. А вы, Богъ съ вами!—вамъ и нужды нѣтъ, что я не пишу вамъ такъ долго, вы ни за что не заговорите первый! Это было-бы мнѣ очень полезно. Не сочтите это укоромъ,—избави Боже! Это такъ, шутка. Ну, что-же сказать вамъ? Надо-бы прочесть ваше послѣднее письмо и потолковать кой-о чемъ; да лѣнь встать, выдвинуть ящикъ письменнаго стола и взять его оттуда. Постараюсь припомнить что-нибудь такъ.

Впрочемъ, нѣтъ! Письмо дѣло минуты, это разговоръ, а странно было-бы отвѣчать на разговоръ черезъ два мѣсяца. Предметъ теряетъ свѣжесть впечатлѣнія. И такъ не буду отвѣчать на ваше разсужденіе о томъ, что всѣ женщины равны; такое убѣжденіе выгодно и полезно для васъ и вообще для мужчинъ; я понимаю, съ какой точки они смотрятъ на это равенство: такой взглядъ можетъ избавить отъ лишнихъ страданій, помѣшаетъ установиться полной симпатіи и привычкѣ сердца и заставитъ легко и весело обратиться къ другой, если съ одной что-нибудь не заладилось. Лекарственное это правило очень-бы я желала подъ часъ примѣнить къ себѣ, но, къ несчастію, кромѣ формы рукъ и головы, я нахожу мужчинъ очень различными и помимо общихъ чертъ нахожу много такихъ, которыя принадлежатъ только одному, или, по крайней мѣрѣ выражаютъ въ оригинальной формѣ. Самая степень образованія уже большая разница—она производитъ въ насъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе: съ однимъ мнѣ пріятно бесѣдовать, съ другимъ нѣтъ—отъ чего это? Вотъ, на столько то, на сколько пріятны мнѣ впечатлѣнія на душу, на умъ, на сердце и разнится въ моихъ понятіяхъ одинъ человѣкъ отъ другого, въ томъ только, впрочемъ, смыслѣ, въ какомъ для васъ всѣ женщины равны... Можетъ быть, я не такъ поняла васъ? Тѣмъ лучше, потому что это вызоветъ васъ на отвѣтъ и заставитъ, можетъ быть, написать лишнюю страничку.

Вы, кажется, еще писали,—и какъ будто въ укоръ,—что я ничего не говорю вамъ о себѣ. Право, мнѣ нечего писать. Побывайте когда-нибудь въ Ярославлѣ, поглядите на нашу жизнь и вы повѣрите. Вся жизнь моя улетаетъ

какимъ-то неосязаемымъ туманомъ и теряется въ туманѣ. Я чувствую это и гляжу съ спокойствіемъ необходимости на эту улетающую жизнь. Было въ моей душѣ много страсти, гордости, недовольства, — все это теперь переработалось лѣтами и разсудкомъ; явилось ясное примиреніе блѣднымъ, осеннимъ лучемъ озаряетъ мое существованіе...

Las fahren! Пусть совершается неотвратимое! А жаль, все-таки жаль... многое осталось недоконченнымъ, затерянымъ, заглохшимъ, по моей или другихъ винѣ.

Подчасъ въ литературѣ нашей поражаютъ меня престранныя явленія: читаешь и удивляешься, и сожалѣешь невольно, что такъ мелка, такъ слаба стала потребность изящнаго. Вотъ, хоть-бы, напримѣръ, передо мной книжка—„Библ. для чтенія“ за августъ. Тутъ есть „Академическій переулокъ“, повѣсть. Для чего пишутся такія повѣсти? Какое художественное наслажденіе выноситъ авторъ, создавая безъ мысли и цѣли эти пустыя, мелочныя личности, въ которыхъ нѣтъ даже малѣйшаго интереса внутренней борьбы? Какое наслажденіе найдетъ читатель, читая сцены самой жалкой обыденности, не проникнутой ни творчествомъ, ни внутреннимъ смысломъ? И эта повѣсть еще посвящена Тургеневу... Тургеневу! Этому жрецу изящнаго и задушевнаго! Писателю, на произведеніяхъ котораго душа отдыхаетъ, волшебное перо котораго, до чего ни дотронется—все озаритъ и смягчитъ теплымъ яркимъ лучемъ своего таланта. Подобныя повѣсти, какъ „Академическій переулокъ“—просто литературный грѣхъ, злоупотребленіе таланта. Грустно ихъ видѣть въ журналахъ, гдѣ проповѣдуются дѣльныя подчасъ воззрѣнія на искусство.

Тутъ-же въ смѣси, есть повѣсть женскаго пера; называется она „Изъ далекаго прошлаго“. Пусть-бы еще барыня эта (т. е. писательница) мечтала и даже немножко сантиментальничала, но за чѣмъ-же изъ языка-то дѣлать винигретъ или ералашъ, смѣсь французскаго съ нижегородскимъ? Да еще и безъ всякой надобности, какъ напримѣръ: „мы сѣли loin des yeux jaloux; мой cousin

долженъ пріѣхать à cinqheures sonné, или: „да, тогда и любовь смотрѣла еще прямо въ глаза цѣлому свѣту, и готова была сказать гордо и радостно“... „Чтобы вы думали? — „Regardez-nous“? И больше ничего. Ну, какъ-же никто не замѣтитъ ей, никто не посовѣтуетъ ей исправиться отъ подобныхъ нелѣпостей. Однако, полно объ этомъ. И такъ, я думаю, надоѣла я вамъ этими разсужденіями.—Ну, что? Какъ вы поживаете? Напишите пожалуйста хоть маленькое письмецо въ свободную минутку. Вотъ, мнѣ и нечего писать, да пишу. А какую вспышку гнѣва выдержала я отъ Варвары Ивановны Прибытковой! выдержала смиренно и кротко, потому что сама была виновата,—не писала ей! Ея вспыльчивая досада была мнѣ очень пріятна. Въ ней было что-то доброе, искреннее.

Ея душа изъ тѣхъ, которая „полюбитъ не скоро, зато не разлюбитъ ужь даромъ!.. Такихъ душъ немного.

Будьте такъ добры, Іосифъ Николаевичъ, — не зайдете-ли къ Кожанчикову, — дайте мнѣ свѣденія о продажѣ моихъ экземпляровъ.—Видѣли-ли вы картину Иванова, и какое впечатлѣніе произвела она на васъ. Я имѣю съ нея фотографію и хотѣла-бы послушать вашего разсказа. Настя вамъ кланяется. Папа тоже. Будьте здоровы, веселы и счастливы.

Ю. Жадовская.

Ярославль, 6 ноября, 1858 г.

Стихотворенія г-на Розенгейма и ваше письмецо я получила исправно. Благодарю васъ, Іосифъ Николаевичъ, отъ всей души за все это. Благодарю и Михаила Павловича за доставленное мнѣ душевное удовольствіе; что удоволь ствіебыло искренне и сильно—доказательствомъ тому посылаю небольшое стихотвореньице, которое и прошу передать Михаилу Павловичу. Не смотря на морозы и дурное состояніе здоровья, я написала это посланіе. Кто знаетъ мой нравъ, тотъ не усумнится въ томъ, что я была душевно затронута.

Спасибо вамъ, что вы хотя мысленно, время отъ времени, вспоминаете обо мнѣ. Какъ-же мнѣ не вспоминать о петербургскихъ друзьяхъ? Мнѣ-бы грѣшно и совѣстно было забыть такого добраго друга, какъ вы, напримѣръ. Я васъ помню, и чувства мои къ вамъ не могутъ измѣниться вслѣдствіе какого-нибудь сердечнаго каприза. Да сердечныхъ капризовъ у меня и нѣтъ. Есть сердечное упрямство. Что-жь, у всякаго свои недостатки! Вы спрашиваете: чѣмъ и какъ занята я—литературнымъ или сердечнымъ дѣломъ? Литературнымъ немножко—да; но сердечнымъ—нѣтъ. Послѣднее для меня не забава, не занятіе; а заняться этимъ серьозно вѣроятно уже болѣе не будетъ для меня случая въ жизни. Поселять-же чувства въ другихъ; чувства болѣе сильныя нежели дружба, не отвѣчая на нихъ, я считаю грѣхомъ и вредомъ для ближняго:—это мое правило. Исполнить его нужно большая сила воли; правда, что врожденная женская слабость подвергаетъ и меня иногда искушеніемъ, но до сихъпоръ я изъ нихъ выходила съ честью.

M-me Саксъ такъ напугала меня, захворавъ горячкой, что я и сама чуть тоже не захворала. За ней покуда некому ухаживать, въ томъ значеніи слова, въ какомъ вы пишете. За то ухаживала я во время ея болѣзни. А что, вѣдь правду говоритъ г-жа Каховская о лилліпутахъ? Надо признаться, что родъ человѣческій измельчалъ. Приходятъ мнѣ на память невольно эти стихи Майкова:

Міръ палъ, и нашихъ жертвъ не приметъ...
И только Богъ, своей рукой,
Изъ мрака падшаго подниметъ...

Будьте такъ добры—закиньте въ редакцію „Сына Отечества“ прилагаемыя здѣсь 4 стихотворенія моего брата. Вы много меня обяжете.

Я тоже предсказываю книжкѣ г-на Розенгейма блестящій успѣхъ. Что-же касается до моихъ стихотвореній, то причина ихъ тугому сбыту вовсе не недостатокъ въ отзывахъ, а та самая, о которой говорится въ рецензіи „Современника“, если вы вспомните. Въ произведеніяхъ моихъ нѣтъ современности, а современность въ настоящее

время состоитъ въ томъ, чтобы тащить съ криками на сцену жизни ту грѣшную сторону человѣчества, о которой такъ всѣ теперь хлопочутъ, таскать ее за волосы, давать ей пинки и причитать разныя ругательства; публика смотритъ, смѣется и не исправляется. Отчего? Оттого, что душа не настроена ни къ чему высокому и прекрасному. Будь она настроена, тогда зло и безъ обличенія было-бы противно, какъ противны аристократу грязь и неряшество внѣшнія. Дайте такое-же отвращеніе душѣ къ пороку, и она сама пойдетъ на встрѣчу добру. Прощайте, будьте здоровы. Папа вамъ усердно кланяется.

Юлія Жадовская.

Ярославль, 20 ноября, 1858 года.

Я къ вамъ съ просьбой, Іосифъ Николаевичъ: будьте добры и любезны, какъ всегда, потрудитесь передать приложенное здѣсь стихотвореніе въ которой нибудь изъ слѣдующихъ журналовъ: „Современникъ“, „Отечественныя Записки“ или Библіотеку для чтенія, куда вамъ будетъ сподручнѣе. Мнѣ кажется, его примутъ, тѣмъ болѣе что оно даровое. Прочитайте его вы сами и потрудитесь прочитать М. П. Розенгейму — если найдете большія недостатки, то не передавайте, а напишите мнѣ ваше мнѣніе. Простите, что безпокою васъ и мучу разными разностями. Сами-же избаловали вы меня своей несравненной добротой, а я имѣю самонадѣянность думать, что вы все тѣже, какъ были при свиданіяхъ нашихъ въ Петербургѣ. Улыбайтесь, какъ хотите, а все-таки не признаетесь, ни за что не признаетесь, что перемѣнились! А ужъ что карты говорятъ! еслибъ только пересказать вамъ. Когда нибудь да увидимся-же мы—ну тогда бѣда вамъ: попытаю васъ порядкомъ. Не скоро это будетъ только; что дѣлать: и радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Что вамъ сказать о нашей жизни—такая тишина, такое уединеніе, что и въ монастырѣ ненайдешь. Впрочемъ, что я! въ монастыряхъ живутъ превесело. И намъ подъ часъ бываетъ весело вдвоемъ съ М-me Саксъ. Только послѣдняя

все хвораетъ послѣ горячки, плохо поправляется. Частый нашъ собѣсѣдникъ-докторъ нашъ Карлъ Богдановичъ Севенъ. Мы съ нимъ знакомы съ незапамятныхъ временъ. Онъ почти всякій вечеръ бываетъ у насъ. Мы большіе друзья. Это такая прекрасная, чистая душа. Я люблю его, какъ роднаго брата: изучила всѣ его недостатки и достоинства; прощаю первые, цѣню послѣдніе. Преважно читаю ему проповѣди о житейской мудрости; подъ часъ болтаемъ и хохочемъ, подъ часъ слушаемъ его медицинскія лекціи, и наука эта, изучаемая имъ съ любовью, принимаетъ для меня ясный и высокій смыслъ. Вотъ и вся наша домашняя жизнь. Жозефъ, братъ M-me Саксъ теперь находится здѣсь. Ярославское общество упросило его участвовать въ благородномъ спектаклѣ, котораго онъ будетъ поддержкой и украшеніемъ, и который можетъ быть въ половинѣ декабря. Около этого времени я поѣду на имянины къ теткѣ, въ деревню, верстахъ въ 30 отъ Костромы; буду и въ Костромѣ, гдѣ у меня есть знакомые и родные. Я рада сдѣлать это маленькое путешествіе, всякая перемѣна освѣжаетъ меня. Я такъ покойна душой и сердцемъ, что даже становится страшно этого мертваго спокойствія: право страшно: точно я духъ какой, а не человѣкъ съ плотью и кровью... Смѣйтесь, а это такъ. Прощайте, мой добрый Іосифъ Николаевичъ: да будетъ вамъ благо и да долголѣтны будете вы на землѣ!

Настя вамъ кланяется. Все собирается писать вамъ, да хвораетъ. Пока приноситъ вамъ свой усердный поклонъ.

Юлія Жадовская.

---

12 февраля, 1859 г.

Что вы думаете о моемъ молчаніи? Думайте, что хотите, кромѣ дурнаго, въ томъ смыслѣ, разумѣется, какъ я понимаю это дурное, т. е. то, что я забыла своихъ друзей и т. д. Это было-бы несправедливо, да и невыгодно для меня, потому что друзья постарались-бы мнѣ заплатить тою-же монетою, да еще и съ процентами... Вотъ какъ, напримѣръ, одинъ мой добрый знакомый и

пріятель, нѣкто Іосифъ Николаевичъ Шилль:.. Онъ мнѣ за молчаніе платитъ двойнымъ молчаніемъ. Это и не грѣхъ вамъ, въ самомъ дѣлѣ? Такъ и хочется побраниться съ вами по старой дружбѣ. Но браниться не буду, потому что еще нужно усердно поблагодарить васъ за хлопоты о моемъ стихотвореніи. Вправду, благодарю васъ отъ всей души, добрѣйшій Іосифъ Николаевичъ!

Что сказать вамъ о себѣ? Праздники я провела за Костромой. Поздравляю васъ мысленно съ новымъ годомъ. Поздравить письменно и пожелать вамъ счастливаго года не удалось. Къ дядѣ даже не писала. Передъ Варв. Иван. Прибытковой тоже виновата. Такая ужь дурь нашла: не могу писать да и только! Хоть убейте—не могу! Странно, что въ письмахъ своихъ Варв. Ив. не говоритъ мнѣ о Сведенборгѣ, а пишетъ очень мило и интересно для меня. Сейчасъ перечитала ваше послѣднее письмо. Не знаю, трудно рѣшить, какое расположеніе духа водило вашимъ перомъ. Свѣтило-ли въ это время солнышко, или мрачный петербургскій день глядѣлъ на васъ! Конечно, по моему, послѣднее. Какая-то нерѣшимость, какое-то душевное колебаніе просвѣчиваетъ въ каждой строкѣ. Какъ будто вы хотѣли-бы сказать то, а пишете другое... Но я фантазирую! Ничего этого не бывало. Сѣла да и написала, вслѣдствіе того, что надо-же что-нибудь писать... Варв. Ив. мнѣ писала о вашемъ добромъ вліяніи на ея брата. Я рада за васъ: это уже положительная польза, евангельское добро, приносящее большую отраду. М-me Сакъ все мучится ревматизмомъ въ щекѣ. Теперь, впрочемъ, ей лучше; измучила она меня! Не могу дождаться лѣта. Такъ надоѣла зима! Авось мы всѣ будемъ бодрѣй и здоровѣй. Такъ хочется тепла, свѣта, цвѣтовъ, яснаго неба и этихъ легкихъ, плавучихъ облаковъ, на которые я не могу не залюбоваться!.. Тогда легче и жить будетъ и писаться будетъ лучше. Вы все корите меня, что я не пишу вамъ о себѣ. И рада-бы, да нечего писать! День за днемъ проходитъ безъ слѣда. Подозрѣваемыхъ вами сердечныхъ интересовъ нѣтъ. Отчасти я этому рада, по крайней мѣрѣ, пользуюсь душевнымъ покоемъ,—то ли же съ вами? Вы все хандрите, говорятъ. Глядите на жизнь повеселѣе. Я

отъ другихъ имѣю болѣе свѣдѣній о васъ, нежели отъ васъ самихъ... Прощайте, добрѣйшій Іосифъ Николаевичъ. Вѣрьте, что вы всегда останетесь въ числѣ лучшихъ друзей моихъ: женское сердце не такъ измѣнчиво, какъ вы воображаете. Будьте здоровы! Папа и моя Саксъ приносятъ вамъ усердный поклонъ.

Юлія Жадовская.

Вы начали письмо ваше словами: не сердитесь на меня и проч. Я не могу сердиться на васъ, добрый Іосифъ Николаевичъ, но я была встревожена долгимъ вашимъ молчаніемъ. Сказать вамъ правду, я полагала тутъ нѣкоторыя постороннія причины. Вижу, что ошиблась и каюсь передъ вами. Пишу вамъ уже изъ деревни, куда пріѣхала изъ Солигалича, гдѣ провела скучнѣйшіе два мѣсяца, лишенная деревенскаго приволья. Правда, тамъ было общество, были очень добрые, хорошіе люди; но для меня собственно не было никого, съ кѣмъ-бы можно, какъ говорится, душу отвести. На водахъ царствовала свобода и тотъ отпечатокъ глухой провинціальности, для которой чужды всѣ общественные интересы. Солигалицкіе чиновники занимаются разведеніемъ куръ и утокъ, ходятъ на рынокъ, пока супруги ихъ почиваютъ, пьютъ, играютъ въ карты и изрѣдка небрежно заглядываютъ въ газету, или разрозненный, опоздалый нумеръ журнала. Барыни сплетничаютъ, какъ вездѣ, сводятъ тайныя и явныя интрижки,—на счетъ этого онѣ довольно эмансипированы. Сказать вамъ правду, мнѣ было скучно въ воксальномъ обществѣ, которое приглядѣлось мнѣ сразу. Болѣе всего утѣшали меня визиты одной госпожи-подлекарши, которая цѣликомъ годится въ любую изъ комедій Островскаго, да одной старушки, бѣдной, потерявшей все свое состояніе, жолчной, но умной. Прочія же личности можно встрѣтить вездѣ. Изъ Солигалича я проѣхала въ деревню дяди (отца Насти), усадьба его изъ воротъ въ ворота съ усадьбой покойной моей бабушки, гдѣ провела я дѣтство. Мы и помѣстились въ старомъ домѣ, гдѣ все сохраняется въ прежнемъ по-

рядкѣ: каждая вещь напоминаетъ мнѣ прошедшіе, ясные, безмятежные годы. Мы совершали каждодневное путешествіе къ дядѣ, а ночью, при лунномъ свѣтѣ, или съ фонаремъ во мракѣ, когда бывало облачно, отправлялись въ старый домъ. Жозефъ всегда провожалъ насъ и мы засиживались далеко за полночь на балконѣ, заслоненномъ со всѣхъ сторонъ стѣной старыхъ, тѣнистыхъ деревъ. Особенно шумятъ эти липы и березы... Какъ-то глухо и грустно... Не смѣйтесь: я долго и внимательно прислушивалась. Саду слишкомъ 70 лѣтъ; его не чистятъ; одна береза лежитъ на землѣ,—она отжила свой вѣкъ. Я съ особеннымъ чувствомъ подходила къ ней — было что-то внушающее уваженіе въ этой естественной смерти 70-тилѣтняго дерева, подъ которымъ проходило не одно поколѣніе нашего рода, мечтала не одна молодая, горячая голова... Но полно мнѣ! Боюсь надоѣсть вамъ; боюсь, чтобъ не показалось вамъ дико и нелѣпомое увлеченіе такими предметами, вамъ, кружащемуся въ живомъ, быстромъ потокѣ современной жизни. Неразъ, не два, хотѣлось мнѣ, чтобъ какой-нибудь добрый духъ перенесъ васъ къ намъ на эти три недѣли,— мнѣ хотѣлось знать, какъ бы на васъ подѣйствовала эта тишина забытаго, уединеннаго уголка?

Какой вы странный человѣкъ! Что васъ затруднило такъ письмо мое? И что-жъ тутъ мудренаго, что я сказала о васъ то, что думаю. Я не хотѣла писать панегирикъ, не кривила душой. Да и для чего? Лесть противна моей натурѣ. По совѣсти, скажите, гдѣ неправда въ выраженномъ мною мнѣніи (или, по вашему, похвалѣ?). Вотъ я разозлилась однажды, когда какая-то умная особа назвала меня въ глаза геніемъ!.. Я пресерьезно объяснила ей, какъ я понимаю значеніе генія и посовѣтовала ей не употреблять этого слова въ превратномъ смыслѣ. Я думаю, Варвара Ивановна сердится на меня за послѣднее письмо мое къ ней! Надо сказать правду, переписка съ ней занимаетъ и интригуетъ меня.

Что ваша борьба съ цензурой? Когда выйдетъ ваша статья? Что васъ занимаетъ теперь, какое дѣло? Вы работаете, трудитесь, а я прошаталась цѣлое лѣто, писала не много, да и тѣмъ недовольна. Думаю, ужъ не лучше—

ли приняться за разсказы въ родѣ „Деревня, разсказы для юношества“. Сочинительница преважно толкуетъ, что въ деревнѣ мужички живутъ не такъ, какъ горожане, и одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, и говорятъ иначе... „Современникъ“ въ восхищеніи, а сочинительница вѣрно довольна своимъ трудомъ... Но ужъ за то, какъ бѣдный Николаевскій попался. Русское слово немилосердно его отдѣлало. Я давно ему, т. е. Николаевскому это предсказывала; но цѣнители въ крестахъ и лентахъ сбили его съ толку. Превосходительныя похвалы очень опасны. Хорошо, что я имъ никогда не довѣряла...

Ваша исторія съ цензурой тревожитъ меня. Богъ васъ благословитъ. Напишите только, ради Бога, какъ пойдетъ у васъ это дѣло? Вы не можете похвастаться частыми письмами ко мнѣ.

M-me Саксъ поручила мнѣ передать, что это вовсе не хорошо, что вы не обращаете никакого вниманія на женщинъ; что если вы видите въ каждой женщинѣ только общечеловѣческія черты, забывая главное различіе,— то она о васъ сожалѣетъ. Ей грустно также за васъ, что вы лишены одного изъ самыхъ отрадныхъ, высокихъ общечеловѣческихъ чувствъ — способности любить... Это все говоритъ она, а не я. Я не хочу распространяться объ этомъ предметѣ—мы съ вами совершенно разно смотримъ на него. Если я люблю цвѣты, музыку, а для кого-бы нибудь и то, и другое было предметомъ отвращенія— то не значило-ли бы терять понапрасну слова, доказывая этому *кому-нибудь*, что цвѣты и музыка—превосходная вещь въ мірѣ. Я женщина и смотрю на многое по-женски;— я уважаю любовь, въ томъ смыслѣ, какъ сама ее понимаю. Не знаю, желать-ли вамъ влюбиться? И да, и нѣтъ... смотря потому подъ какими-бы условіями родилось и развилось это чувство. А сказать по правдѣ, человѣкъ, не извѣдавшій любви въ жизни въ глазахъ моихъ похожъ на человѣка иной вѣры, какъ-то чуждаго одной изъ самыхъ высокихъ сторонъ жизни... Но вѣдь это еще ничего не значитъ. У всякаго свое призваніе. Придетъ пора и вы, можетъ быть, встрѣтите женщину, въ которой замѣтите женщину - человѣка, а не одни общія черты... Слетитъ

на васъ фея весны, или любви — и тогда прощай ваше безстрастіе, благоразуміе, холодность!

Вы все какь-будто обвиняете меня въ томъ, что и я, въ числѣ другихъ возставала противъ борьбы вашей съ Армфельдомъ и Бергомъ *совѣтовала уступить*. Вы въ свою очередь не поняли меня. Привыкши сливать каждую личность въ одну идею человѣчества, вы и меня махнули заурядъ со всѣми! Но скажите, ради Бога еслибъ мнѣ нужно было переходить опасную пропасть—неужели вы не сказали-бы не подумали: нѣтъ-ли лучшаго перехода? Не поискать-ли другой дороги? Вотъ смыслъ всѣхъ моихъ словъ въ отношеніи дѣла вашего. Безумцемъ я васъ не считала; но видѣла и вижу въ васъ человѣка, готоваго на все за свои убѣжденія, слѣдовательно не могу не уважать васъ. Вы человѣкъ идеи, мученикъ, для котораго не существуетъ ничего, кромѣ цѣли его стремленій. Можетъ быть и во мнѣ самой нашлось-бы кой-что такое, что при случаѣ могло-бы перейти въ то блаженное безуміе, которое выше во многомъ холодной разсчотливости. Я никогда не могла осуждать вашихъ дѣйствій—это было-бы противъ моихъ убѣжденій; но я боялась за васъ; покуда не вникла въ цѣль вашихъ поступковъ—я боялась—не погибли-бы вы изъ-за призрака, изъ за одного безплоднаго героизма... Это, опять-таки повторю, былъ одинъ безотчетный страхъ.

Прощайте! будьте здоровы. Да хранитъ васъ провидѣніе. Пишите мнѣ въ Ярославль. Мы скоро переѣзжаемъ. Богъ вѣсть, когда мы увидимся. Отецъ и М-me Саксъ вамъ усердно кланяются.

Съ экземплярами моими пусть будетъ такъ, какъ вы совѣтуете. Въ деньгахъ я не имѣю крайности, потому что зиму просижу въ Ярославлѣ. Хоть-бы вы подумали прокатиться къ намъ изъ Питера, такъ, вмѣсто отдыха отъ занятій... Спасибо вамъ за хлопоты и за справки. Мнѣ совѣстно, что я безпокою васъ. Прощайте, еще разъ. Будьте счастливы.

3 сентября, 1859 г.

Юлія Жадовская.

Апр., 1860 г.

Мнѣ очень было тяжело быть такъ продолжительно, такъ несносно больной, тяжело еще болѣе потому, что я лишена возможности знать о друзьяхъ, къ которымъ чувства мои глубоки и неизмѣнны. Я не могла писать. Трудно этому повѣрить, но впродолженіи пяти мѣсяцевъ я была такъ слаба, что начинала терять уже надежду на выздоровленіе; да и вы, добрый другъ мой, хворали. Это дурно; судьбѣ можно-бы было зачесть мою болѣзнь за здоровье другой. Я уже совсѣмъ собралась писать вамъ, какъ получаю вашу книгу и ваше письмецо. Нужно-ли говорить, съ какимъ теплымъ чувствомъ я приняла ваше произведеніе? Я не успѣла еще прочитать, или, скорѣе, успѣла прочитать очень немного. Изложеніе превосходно. Люди умнѣе и опытнѣе меня скажутъ вамъ свое мнѣніе, а я боюсь пускаться въ сужденія о такомъ серьезномъ предметѣ, не имѣя о немъ никакого предварительнаго понятія; но я постараюсь передавать вамъ сужденія людей мало-мальски цѣльныхъ, съ которыми приведется сталкиваться. Du choc des opinions jaillez la vérité. Хоть это и не совсѣмъ примѣнимо къ вашей книгѣ, гдѣ истина сама по себѣ пробивается на каждой страницѣ. Дядя пишетъ мнѣ, что книга ваша принята блистательно ученымъ міромъ. Слава Богу! Еслибъ вы знали, какъ я рада за васъ, за окончаніе вашихъ трудовъ и хлопотъ.

Какъ мнѣ благодарить васъ, что, среди хлопотъ, заботъ и ученыхъ занятій, вы вспомнили о моихъ интересахъ! Нѣтъ, ужь если будетъ ваша милость похлопотать и справиться у Кожанчикова, такъ возьмите этотъ трудъ на себя одного. Дядя только будетъ путать васъ. Да, притомъ, у него уже есть порученіе: вотъ уже два года, какъ онъ хлопочетъ получить деньги отъ Смирдина за мои повѣсти. Послѣдній проситъ чуть-ли не десятой отсрочки; а и сумма-то вся въ 134 р. с. Очень вѣроятно, что стихи мои проданы только въ количествѣ 300 экз., судя по читающей публикѣ и ея направленію. Кому теперь до стиховъ? Прилагаю вамъ оффиціальное письмо: это изобрѣтеніе отца. Если будетъ нужно употребить

рѣшительныя мѣры—дѣйствуйте, какъ вы найдете лучше. Не только копію, но и подлинную съ условія вышлю вамъ.

Думается и мечтается мнѣ съѣздить въ Крымъ съ дядей; это-бы, и по совѣту доктора и по моему собственному убѣжденію, возстановило мои силы. Но, не знаю, какъ средства? Хоть-бы Смирдинъ отдалъ. Съ этой-же почтой пишу къ дядѣ. Вотъ, хорошо-бы было, еслибъ и вы подумали попутешествовать немножко, освѣжиться и отдохнуть, да и съ друзьями повидаться! Но это мечта, какъ и многое другое... Не такъ-ли?—Куда дѣлась наша Варвара Ивановна Прибыткова,—точно въ воду канула? Не дадите-ли о ней какихъ свѣдѣній? Не пишу къ ней оттого, что вдругъ всѣхъ писемъ писать не въ силахъ.

Прощайте, мой добрый-добрый другъ! Да хранитъ васъ Провидѣніе.

Ю. Жадовская.

Папа приноситъ вамъ свой усердный поклонъ. Онъ уже принялся читать вашу книгу.

Не посовѣтуете-ли вы мнѣ предложить Кожанчикову купить экземпляры, съ уступкой, разумѣется?—Прилагаемое письмо заключаетъ въ себѣ крайнюю мѣру; посылаю вамъ его на случай, если вы заблагоразсудите употребить ею. Простите, если что безолаберно пишу. Голова еще слаба: съ трудомъ соображаетъ самыя простыя вещи.

Въ продолженіи всей болѣзни Julie, я постоянно сбиралась писать вамъ, мой добрый Іосифъ Николаевичъ, но хлопоты, горе о ней и безплодные поиски Сакса, отняли у меня возможность исполнить мое намѣреніе. Отъ души благодарю васъ за присланную книгу и за добрую память обо мнѣ. Я еще только нюхаю вашу книгу, не рѣшаясь покуда читать ее; вы вѣрно не разсердитесь на меня, если я скажу вамъ, что уже одно названіе „Теорія финансовъ“ пугаетъ меня, потому что такія серьезныя вещи тяжелы для легкой головы m-me Сакъ; но книга ваша дорога мнѣ, какъ воспоминаніе о человѣкѣ, къ которому я имѣю искреннюю дружбу.

Прощайте, будьте здоровы; буду писать вамъ больше и подробнѣе уже изъ Крыма, если исполнится мечта моя—быть тамъ.

Преданная вамъ душою *Ю. Жадовская.*

Москва, 3-го мая, 1860 г.

Пишу вамъ нѣсколько словъ, добрый и дорогой другъ мой. Я въ Москвѣ; какъ-бы было хорошо, еслибы вы пріѣхали; квартира у насъ просторна и вы могли остановиться у насъ безъ всякаго для насъ стѣсненія; такъ что вамъ пришлось-бы заплатить за одну дорогу. Что вы подѣлываете? Ради Бога, не лѣнитесь, напишите мнѣ; для меня ваши письма — большое утѣшеніе. Не сердитесь, что я пишу вамъ мало и безолаберно: это все бѣлѣзнь виновата. Мнѣ запрещено писать. Странные эти доктора — еслибъ было можно, они запретили-бы и чувствовать... Я не люблю Москвы — мнѣ здѣсь скучно; и много темныхъ сторонъ имѣется здѣсь для меня. Я только и думала, какъ бы вырваться въ деревню, но должна прожить здѣсь еще мѣсяцъ.

Что сказать вамъ еще? Томитъ меня бездѣйствіе и слабость. Томятъ и люди и многое, о чемъ-бы хотѣлось поговорить съ вами, чтобы облегчить душу и почувствовать то доброе и всегда дорогое для меня участіе Ваше. Вотъ мой адресъ: *Въ Столешниковомъ переулкѣ, близъ церкви Рождества въ домѣ Рѣшетникова.*

Прощайте, другъ мой; будьте здоровы и счастливы.

Ю. Жадовская.

Настя вамъ усердно кланяется, и еще усердно проситъ васъ пріѣхать. *Н. Б.*

Будьте такъ добры, Іосифъ Николаевичъ, напишите намъ адресъ В. Ив. Прибытковой; мы оставили въ Ярославлѣ, а безъ насъ не найдутъ. Julie въ большомъ затрудненіи.

ПЕРЕПИСКА

Ю. ЖАДОВСКОЙ СЪ РОДНЫМИ.

Милый, дорогой братъ!

Зачѣмъ это ты благодаришь меня, за ласковый пріемъ милыхъ моихъ гостей Настю и Виктора? Да развѣ могло быть иначе? Неужели могло во мнѣ угаснуть нѣжное чувство сестры къ тебѣ, и дочь твоя можетъ быть мнѣ не мила? День и ночь мучусь я мыслію, что ты страдаешь, и такъ-бы полетѣла, чтобъ излить въ твою душу все то горячее участіе къ тебѣ, которымъ такъ полна душа моя. Не могу примириться съ мыслію, что болѣзнь твоя неизлѣчимая, а если ужъ такъ рѣшила судьба, то все-таки молю Господа, чтобъ продлилъ твою жизнь и послалъ тебѣ свои божественныя утѣшенія. И такъ мой милый, дорогой братъ,—

Пускай на нашъ закатъ печальный,
Блеститъ любовь, улыбкою прощальной...

Господь-же съ тобой, живи дольше; „мушиныя лапки“ не измѣнились и очень милы; мнѣ такъ отрадно ихъ видѣть. Обнимаю и тебя и призываю на тебя небесную благость. Да изцѣлитъ тебя милосердный Богъ, для котораго все возможно.

Сестра твоя Julie.

Милая, дорогая Люба! Здоровы-ли вы всѣ, и какъ поживаете? Вспомнила я доброе старое время, когда летѣли къ намъ безконечныя посланія и доставляли мнѣ много пріятныхъ минутъ. Теперь, вижу, что тебѣ такъ уже не пишется, что жизнь проѣхала по тебѣ тяжелымъ колесомъ, да и всѣхъ насъ не обошла страданіями и горемъ. Но все-таки дорогая, ты доживешь свою жизнь, окруженная семьей и маленькія внуки вызовутъ не разъ улыбку на лицо и порадуютъ душу. Не хандри не мучь

себя разными нелѣпыми сомнѣніями, милая! Я тоже много потеряла, и въ настоящее время нахожусь въ очень некрасивомъ положеніи, спасибо еще усадьба кормитъ, и жидъ и Соковнинъ лопнули и съ ними и все что я имѣла. Да еще все-бы ничего еслибы не эти послѣднія два года: и прошлый, и нынѣшій безъ сѣна и корма. Другую зиму трачу по 300 р. на кормъ... Нынче рожь уродилась, такъ хлѣбъ дешевъ, да яроваго нѣтъ, сѣно по 15 руб. стогъ, 30 стоговъ купила. Всѣ доходы и ухнули, только-бы поправиться, а тутъ, какой-нибудь чортъ и выскочитъ. Елагинъ, какъ „хищный врагъ“ налетѣлъ и клюнулъ. Что подѣлаешь? „Крѣпись старичина Джозъ...“ Ой, устала матушка, рученька не двигается. Нѣжно тебя обнимаю, моя дорогая Люба.

Ваша Julie.

1883 г.

Не воображай, милая моя Настюша, что я не думала о тебѣ все это время; не писала-же тебѣ по многимъ причинамъ: во 1-хъ, потому что въ первомъ твоемъ письмѣ ты забыла написать вашъ адресъ; во-2-хъ, случилась помолвка Сони съ штабсъ-капитаномъ Стрѣльниковымъ и необходимыя хлопоты съ женихомъ, невѣстой и приданымъ; въ 3-хъ, плохое здоровье. Я и теперь больнехонька; то то, то другое мучитъ. Спасибо тебѣ, моя дорогая Настюша за письма, а пуще за теплыя чувства. Вѣрь, что я тебя много и искренно люблю. Долго я грустила послѣ твоего отъѣзда. И погулять-то всласть неудалось. Жду лѣта, ты обѣщалась погостить. Пріѣзжайте мои милыя, если будетъ можно. Что твои ребятки, воротился-ли Викторъ Семеновичъ? Воображаю, какъ тебѣ скучно; ничего нѣтъ ужаснѣе первой разлуки. Я увѣрена, что ты моя умница, будешь честной хорошей любящей женой и разумной мамой. У насъ въ Толстиковѣ все благополучно: и скотъ и животъ; и старая и молодая прислуга цѣлуютъ твою ручку. Прощай мое сердце! Господь да хранитъ и да будетъ надъ тобою благодать и

благословеніе. Обнимаю тебя, мою голубушку, съ любовію; поцѣлуй мужа и дѣтокъ.

Любящая тетка твоя Ю. Ж.

Писать и писала-бы больше да не могу. О Библіи и прочемъ поручаю писать Настѣ—крестной твоей.

---

73 пис. 83 года.

Дорогая Настя! Извини, что до сихъ поръ не писала тебѣ;—писать мнѣ очень трудно, съ постоянными болѣзнями. Вотъ, ты помоложе и поздоровѣй,—не грѣхъ-бы и почаще увѣдомлять старую тетушку о себѣ и всемъ семействѣ, а еще болѣе о здоровьи дорогаго брата. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты именно объ этомъ-то и пишешь вскользь, и наполняешь свое письмо неумѣстными упреками. Пиши-ка лучше, какъ вы поживаете и что подѣлываете. Что касается до меня, то здоровье, а пуще нервы такъ плохи, что я думаю съ первыми пароходами освѣжить себя маленькимъ путешествіемъ съѣздить по дѣламъ въ Рыбинскъ и пробыть лѣто на водахъ въ Кириловскомъ монастырѣ, верстахъ въ 150 отъ насъ. Сезонъ пріятный, не пышный, врачъ очень хорошій и жизнь дешева. Такъ и думаю сдѣлать; хоть немного освѣжусь страшно засидѣлась. Возвращусь не раньше конца августа.

Обнимаю Васъ, дорогія друзья Поль и Люба! поздравляю заранѣе съ праздникомъ Пасхи. Начинается распутица и по мнѣ одиночество. Господь до хранитъ васъ всѣхъ.

27 марта 1883 г.

Ваша Julie.

Копія 69 года.

Спасибо дорогія, милыя друзья, за выручку, кстати пришло, наканунѣ отъѣзда, К. Б. въ Ярославль по дѣламъ; ужъ просила-было занять, какъ получаю ваши сто рублей. Не пропадутъ, голубчики, за мной, привелъ-бы Богъ устроиться да поселиться въ обѣтованной землѣ, до которой мы какъ древніе израильтяне сорокъ лѣтъ шли. Я не ѣду въ Ярославль, боюсь заболѣть. Съ К. Б. посылаю

моего меркурія — Бронислава, когда онъ съ нимъ я покойна. Скажи его матери, что я желаю отъ нея душевнаго спасибо, не за то, что я ему доставляла кое-какія средства къ существованію, а за то, что я сдѣлала его честнымъ человѣкомъ, соскаблила съ его души сибирскую грязь и заставила полюбить добро и правду. Ужъ о папа его я говорить не буду... Что Богъ дастъ то и будетъ. Жаль бѣдной Настюши — не пролетѣла-бы она въ трубу. Господь да утѣшитъ ее и сохранитъ. Авось Богъ не выдастъ, а свинья не съѣстъ. Не даль виновата, что вы отъ меня рѣдко письма получаете, а мои недосуги, болѣзнь, слабость, слѣпота. Почта 2 раза въ недѣлю, пропустишь и оттянулось письмо. Потѣшила ты меня описаніемъ Настюшиныхъ успѣховъ въ институтѣ. Я воображаю, какъ она была мила и граціозна, вотъ мои родные, и половина зимы прошло, масляница на носу и великій постъ; съ будущей почтой вышлю грибовъ. Это письмо пошлется изъ Ярославля, авось поскорѣй придетъ. И радабы побесѣдовать да силъ нѣтъ и глаза болятъ. Вышли очки, голубушка Люба, моя дорогая, да о мѣстечкѣ Брониславу нельзя-ли похлопотать. Одолѣлъ онъ меня, нылка окаянная, душу вытянулъ. Доброе дѣло, меня ради, сдѣлаешь, и о Модестѣ Николаевичѣ, если можно. Ты его полюбишь, славный господинъ, веселый живой, добрая душа. Борисенко вашъ пріятель, женился на красивой Машѣ не наглядится на нее. Здѣсь онъ матушка, по прокурорски гордо и важно держитъ себя, дѣлаетъ визиты не иначе, какъ во фракѣ и проч. и проч. Ну Христосъ съ вами, мои несравненные, горячо и съ любовью обнимаю васъ всѣхъ заедино. Ваша Julie. Надежда Платоновна Корнилова умерла на-дняхъ. Вотъ вся семья прахомъ пошла.

Копія.

Помилуйте, свѣты мои, за что Вы обозлились! По крайней мѣрѣ, объяснитесь, ужъ чтобы знать, стоитъ-ли игра свѣчъ? Нужно-ли и мнѣ обозлиться, для этого нужна причина а я какъ не ломаю голову, не нахожу ее. По-

щадите, за что мнѣ родительскіе грѣхи на себѣ нести. Я знаю только одно, что вмѣстѣ съ тобой Люба у папа уже не буду. Нѣтъ покорно благодарю! Я страдала тутъ, какъ нѣкій невинный овецъ страдалъ. Это уже моя участь все меня клюютъ понапрасну. Одинъ—за то, что осмѣлилась замужъ выйдти; другіе — за то, что тотъ или другой сурово поглядѣлъ на нихъ. Нѣтъ, шутки въ сторону, объясни мнѣ причину твоихъ неудовольствій, милая Люба. Такая дружба, какую ты мнѣ показывала должна имѣть и причину огромную, чтобъ разрушиться. Со мной, по крайней мѣрѣ, не такъ: мало-ли какихъ сплетень я наслушалась отъ всѣхъ этихъ Антоновъ, Акулинъ и проч. но я рѣшительно плюю на нихъ, въ томъ смыслѣ, что за глаза и царя бранятъ, и еслибъ Богъ былъ не всѣведущъ то, вѣроятно, многіе изъ грѣшныхъ рабовъ побранили-бы и Его. Если ты и побранила меня, то все-же эта брань не такое слово, какъ *гусакъ* на вѣкъ разсорившій Ив. Ив. съ Ив. Никиф. Неужели между нами долженъ проскочить гусакъ? Это очень жаль и грустно! Я того мнѣнія, что удовольствіе ссоры не вознаграждаетъ наслажденій дружбы и люди, придираясь къ пустякамъ поступаютъ неразумно и неразсчетливо. Что-же касается до тебя, милый мой братъ и другъ, то я увѣрена, что сердце твое не отвернется отъ меня по первому вѣтру. Чтобы ни было какъ-бы ни выла буря кругомъ, мы знаемъ другъ друга, мы услышимъ родной голосъ почуетъ родную кровь. Пожалуйста, напишите все, для того, чтобъ узнать нѣтъ-ли какой-нибудь злой сплетни, безсовѣстной лжи, противъ меня. Прежде я не вѣрила въ возможность, но съ тѣхъ поръ какъ напали бѣшанныя собаки, въ родѣ Сергѣя Готовцева, я всего ожидаю, всякую мерзость считаю возможной. Здоровы-ли вы друзья мои? вы и милый Настенокъ? Очень пріятно, не знать о васъ три мѣсяца. Я уже три мѣсяца живу безъ Насти, которая гоститъ у Осипа въ Кологривѣ, что касается до моего семейнаго быта, то я дочери-бы моей не пожелала лучшаго мужа. Тетки обѣ въ деревнѣ; городъ пустъ, за то полонъ сплетнями, и на этотъ счетъ поудалѣе Ярославля. Прощайте, мои милые, до свиданія! Увидимся-же когда-нибудь. Цѣ-

лую васъ и обнимаю, вмѣстѣ съ милой крошкой за себя и за Севенъ.

Ваша сестра Julie.

Былъ у меня Абакумычъ, онъ что-то сердитъ на васъ, какъ мнѣ показалось.

На милое, пріятное письмецо ваше, несравненныя друзья, давно рвусь отвѣчать, но суета мірская все мѣшала: теплая, небывалая весна растворила двери дома и вотъ, мнѣ все мѣшали да мѣшали, а какъ утомлюсь, то и писать не могу. Ахъ, голубчики мои! какъ-бы я обняла васъ, какъ-бы вылила въ этомъ объятіи все теплое, искреннее чувство дружбы и привязанности? Вы поймете меня современемъ. Неужели я не думаю также о васъ и милой моей Настюшѣ? Я хочу чтобъ она съ моей стороны была обезпечена, и помнила свою тёту. На-дняхъ, напишу вамъ все, что я придумала, если дѣло устроится по моему желанію. Я увѣрена, что вы и сами меня похвалите, и не скажете, что зимой нужно помѣщеніе. Вѣдь на рождество и Настюша будетъ свободна, можно выпросить ее, взять свидѣтельство о нездоровьи. А теперь скоро придется мнѣ ѣхать, устроиться разъ навсегда и быть покойной. Надоѣло жаться. Воистинну, моя дорогая Люба, я на тебя напраслину взвела, сослѣпа я, видно, не такъ разобрала. Голубчики мои! я не сомнѣваюсь въ васъ, не сомнѣвайтесь и вы во мнѣ. Устарѣла только я, восторженности нѣтъ во мнѣ; жизнь и разсудокъ наложили ледяную печать свою. Ужъ какъ-бы ты меня обязала, мое сердце Люба, еслибъ справилась о Карницкомъ, т. е. о его надѣлахъ; мнѣ-бы очень было кстати. На-дняхъ начнутся перестройки, возня; Докучаевы уѣхали, крышу крыть, кухню поправить, здѣсь полы переплотить, всѣ-щелялись. Просто смерть, какъ надоѣло!

Какъ ваши дѣлишки? Есть-ли надежда? Вотъ, какъ судьба за душу тянетъ. Все по привычкѣ, и таращу глаза, какъ вижу почтальона, избаловали вы меня, все и жду письмеца, да нѣтъ, свѣтики, горды нынче стали— визитъ за визитъ.

И рада-бы я помечтать и воротиться въ свѣтлое невозвратное прошлое, мой милый братъ, да забота торчитъ въ головѣ. Знаю, что жизнь недолга,— не стоитъ хлопотать; но какъ будто на человѣкѣ лежитъ глупая обязанность устроить ее и на время, какъ лучше. Прошедшее и настоящее — два врага, вѣчно укоряютъ другъ друга, вѣчно въ разладѣ. Счастлива та жизнь, гдѣ эти двое дружно и стройно сливаются воедино, или одно пополняетъ другое. Большею частію бываетъ наоборотъ.

Карты, гости, теперь — баста! Пришла весна и такая благодатная! Милости просимъ, дорогая, человѣческую жизнь усыпай цвѣтами, вноси кроткія чувства и ясныя грезы въ ожесточенныя и измученныя сердца.

Настюша, моя дорогая! Твои цвѣточки цвѣтутъ передъ балкономъ также свѣжо и роскошно, какъ разцвѣтаешь ты, мой цвѣточекъ.

За что мнѣ бранить Поля, милая Люба! Онъ правъ,— Лолота и Фанфанъ желаютъ удалиться на необитаемый островъ подъ старость, чтобы въ покоѣ, подобно червяку, совершить свое перерожденіе. Метаморфоза приближается, надо ткать паутинку и ждать пока у куколки выростутъ крылышки...

Прощайте, мои дорогіе, Господь да хранитъ васъ; обнимаю васъ вмѣстѣ съ Кар. Богд. горячимъ, глубокимъ объятіемъ.

3 мая. *Ваша Julie.*

1866 г.

Можетъ-ли быть, милый другъ мой Пауль, чтобъ воспоминанія нашего свѣтлаго, тихаго дѣтства, привязанности цѣлой жизни могли затмиться въ душѣ моей! Нѣтъ, напротивъ, современемъ они все яснѣе и яснѣе становятся и очищаются отъ всего чуждаго. Я все таже, мой дорогой братъ, въ глубинѣ души моей и дружба моя, какъ жемчужина, какимъ-бы хламомъ ни была, повидимому, покрыта, останется неизмѣнной. Наше свиданіе было въ такое смутное, переходное время моей жизни,

что, можетъ быть, и дало тебѣ возможность сдѣлать мнѣ такой вопросъ. Въ душѣ моей живетъ такая чистая, святая вѣра въ непреложное соединеніе всего любящаго и симпатичнаго, что я готова всему покориться безъ ропота.

Что сказать вамъ о себѣ, милые друзья! Въ настоящее время я покойна и счастлива. Въ мужѣ моемъ я нашла любовь безъ конца и границъ, что, при его кроткомъ характерѣ, составило-бы счастіе всякой женщины. Нѣтъ надо мной тяготѣющаго гнета отсталаго деспотизма—и слава Богу. Съ наступленіемъ весны, я начинаю оживать. Мы наняли на лѣто домикъ за Волгой, на самомъ берегу, и скоро туда переселяемся. Очень меня манитъ поѣздка на Петровъ день, и если только я буду здорова, то ужь, конечно, не лишу себя этого счастья. Только проклятый мой животъ меня пугаетъ.

Ты что это волнуешься и о чемъ хлопочешь, дорогая, но сумасшедшая сестра моя Любка! Ты не смѣй забирать въ голову такихъ глупостей! Насъ, покуда Богъ несетъ, концы съ концами стягиваемъ; а тамъ—что будетъ, то будетъ. Вы, пожалуйста, теперь не тратьтесь. Хорошо, ежели-бы надумали погостить ко мнѣ,—можетъ, такъ меньше-бы было расходу, чѣмъ насъ тащить. Папа сказывалъ, что Люба собирается погостить къ нему. Я обрадовалась, а вотъ вы ничего не пишите. Ты, другъ мой Поль, не хлопочи о довѣренности, теперь землю не покупаютъ, даютъ безцѣнокъ. Она завалена лѣсомъ, лѣтъ уже 12, по случаю бури, которая свалила цѣлый строевой лѣсъ на большое пространство. Земли, кажется, около 75-ти десятинъ. Когда будетъ нужна довѣренность, то я тебѣ вышлю планъ.

Прощайте, мои милые, дорогіе друзья! Что-то подѣлываетъ моя милая крошка Настюша? Вы мнѣ о ней ничего не пишете. Она меня больше васъ, болвановъ, интересуетъ. Обнимаю васъ, мои милые, крѣпко и нѣжно. Севенъ васъ цѣлуетъ и обнимаетъ родственно.

Ваша неизмѣнная *Julie.*

1866 г.

Жалуетесь вы, добрые друзья, что я рѣдко пишу,—оно, можетъ, и справедливо: слабое и никуда негодное мое здоровье дѣлаетъ изъ писанья трудъ немалый, прежде, можетъ, и чаще писала, принуждая себя къ этому желаніемъ дать знать о себѣ и не тревожить Васъ молчаніемъ, а теперь близъ меня молодыя, здоровыя силы, и я, по старческому эгоизму, эксплоатирую ихъ. Вся-то жизнь есть ничто иное, какъ непрерывная эксплоатація въ разныхъ видахъ и родахъ и на разныя манеры, а подъ старость она становится еще безцеремоннѣе. Теперь, конечно, я спокойна и весела, потому что не одна, какъ прошлый годъ, копаюсь во всѣхъ разностороннихъ хозяйственныхъ мелочахъ. На-дняхъ я сдала Настюшѣ на руки заботы о домашнемъ порядкѣ и столѣ. Настюша, по обыкновенію, трудно принимается, но разъ принявшись работать, какъ заведенные часы, и теперь кормитъ насъ такимъ обѣдомъ, что мы пальчики облизываемъ, а выходитъ провизіи меньше, чѣмъ на гадкій обѣдъ кухарки. На этихъ дняхъ мы разиня ротъ хлопотали, приводя все хозяйство въ порядокъ. Подъ руководствомъ моей многолѣтней опытности, Настя вскорѣ можетъ сдѣлаться образцовой хозяйкой и пополнить то, чего мнѣ недостаетъ, т. е. силы и ноги. Вскорѣ у меня въ хозяйствѣ водворится прочный, настоящій порядокъ, и, если Богъ приведетъ мнѣ дожить до лѣта и пріятнаго свиданія съ вами, то я буду имѣть лучшее удовольствіе каждой хозяйки дома—это угощать самой дорогихъ друзей и родныхъ гостей, а не играть такую глупую роль, какъ нынѣшнее лѣто. Пріятная картина: братъ родной съ семьей кушаютъ на свой счетъ, сестрица, какъ дура, поглядываетъ на колеръ, который составился изъ ея хозяйства, кухарка грѣетъ ручки и тратитъ въ два дня теленка, провизія идетъ безъ толку и вкуса,—а все виновато мое проклятое здоровье! Нѣтъ, ужъ теперь этого не случится, я угощу васъ по своему, что не будете недовольны, мои милые, за это ручаюсь. Возъ, который я должна была везти, тянетъ теперь моя бѣдная Настюша, съ любовью и ретивостью, а я, неблагодарная, еще подхлестываю ее...

Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ, милая, дорогая моя Люба, проглядываетъ какъ будто какое-то безпокойство, какъ будто какое-то сомнѣніе на счетъ моей любви и нѣжности, на счетъ того, что я могу какъ-бы охладѣть къ моимъ милымъ друзьямъ. Зная твою безпокойную, мнительную душу, я хочу тебя успокоить, выяснивъ всѣ мои отношенія къ друзьямъ. Неужели ты можешь сомнѣваться въ моей любви къ тебѣ, какъ къ нѣжно-любящей и нѣжно-любимой сестрѣ, способной къ такому самоотверженію, къ какому я, по своей натурѣ, никогда не могу быть способна. Я люблю положительно и серьезно мою милую сестру—Любу, жену моего дорогаго, любимаго брата. Люблю вашу дочурку, не потому, что она ваша дочка, а потому, что это милый, даровитый, сердечный ребенокъ, подающій надежды на нравственно, честно и благородно развитую личность въ послѣдствіи, что вмѣстѣ съ роднымъ началомъ образуетъ неотразимую причину любить ее. Мнѣ даже она мила и тѣмъ, что несмотря на все стараніе подругъ развить въ ней эгоизмъ и чувственность, она все-таки остается милымъ, добрымъ, душевнымъ существомъ. Господь вѣдаетъ, что изъ нее выработается? Но для насъ, стариковъ, она ничто иное, какъ птичка, которая, не сегодня — завтра, взмахнетъ своими радужными крылушками и умчится съ первымъ юношей, плѣнившимъ ея страстное, неудержимое сердечко. Останется для насъ одно утѣшеніе: пожелать ей полнаго счастія и доживать свой вѣкъ одиноко. Прекрасныя рѣчи, которыя ты говоришь за нее своими устами, мирокулезное исправленіе папеньки посредствомъ наставленія дочки и проч. и проч., все это не гарантируетъ насъ отъ того, что птичка покажетъ намъ хвостикъ и была такова! Твое выраженіе, что Настя есть кусокъ моей собственной плоти и крови, какъ-то поставило меня въ тупикъ,—я, милый другъ, рѣшительно не понимаю, какъ можетъ быть (можетъ отъ того, что я не имѣю дѣтей) кто-нибудь, кромѣ моего мужа, моей плотью и кровью, да развѣ собственный мой ребенокъ, выскочившій изъ моей утробы. Настюша, моя дорогая, любимая племянница, имѣетъ для насъ, бездѣтныхъ, легальное значеніе, значитъ, ты никакъ не можешь сомнѣваться въ нашей нѣжной любви къ

ней. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ проявляется какая-то тревожная боязнь, какое-то желаніе загородить дорогу къ другимъ привязанностямъ моего сердца. Не бойся, мой другъ, я уже стара, чтобы мѣняться въ чувствахъ; опеки и деспотизма я надъ собой не выношу: люблю, кого хочу и кого могу! Настя, мое неизмѣнное копье, мой старый, вѣрный другъ, съ которымъ прожита цѣлая жизнь, и горькое и сладкое дѣлилось пополамъ, 20-ти-лѣтнее сидѣнье въ тѣсной клѣткѣ, подъ тяжелымъ гнетомъ, все это составляетъ тѣсную, глубокую связь, симпатичную нить, которая протягивается въ каждое воспоминаніе прошлаго, во все то, чего не пойметъ новая, молодая любовь. Вы тоже старые друзья, милые и дорогіе, но вы для насъ перелетныя птицы, посвящающія полтора мѣсяца для нашего, а болѣе и для вашего собственнаго удовольствія. Прочее время—мы можемъ умирать, хворать,—вы, занятые своимъ идоломъ и своими интересами, вы не можете перелетѣть къ намъ,—тогда какъ старый другъ однимъ моимъ словомъ прикуется ко мнѣ и и успокоитъ, по возможности, мои послѣднія минуты. Есть у насъ по старому другу у каждой, они намъ не помѣха, мы уживаемся. Да, вы правы, называя себя или насъ „далекими друзьями“, по истинѣ, это грустное названіе. Я знаю, что сердце ваше стремится ко мнѣ, но вы служите многимъ кумирамъ, которыя постоянно будутъ водить васъ на веревочкѣ.

Что касается до Сонички, то я даже не понимаю изъ чего ты берешь на себя какую-нибудь заботу о ней? Ты и безъ этого обремена и заботами и расходами и дѣлами. Пріютивъ у себя дѣвочку, я сдѣлала это вовсе не съ тѣмъ, что навязать друзьямъ лишнюю заботу, да я и настолько имѣю и средствъ и самолюбія, чтобъ содержать ее прилично ее званію и положенію. Соня такая же кровная дворянка, какъ и всѣ мы, дочь роднаго брата моей матери, такъ смѣшно-бы было пустить ее босой или въ разодранномъ рубищѣ. Я взяла на себя содержаніе ребенка и она не нуждается въ посторонней помощи. Къ счастью дѣвочка такъ мила и кротка, что живетъ въ домѣ какимъ-то маленькимъ Трильби, не доставляя никакого безпокойства. Наблюдая ее, врагъ, злодѣй не могъ

возымѣть къ ней чувства нѣжности. Правда, эта крошка Дорритъ, не поражающая блестящими способностями и красотой; но она можетъ современемъ быть отрадой въ домашномъ быту, если конечно, не испортится. Соня никакимъ образомъ не можетъ стать поперегъ дороги нашей милой Настѣ—институткѣ, которая теперь-же отмѣчена болѣе блестящимъ отношеніемъ: — патріотка, воспитанница Императрицы — она вихремъ жизни занесется въ въ пространное житейское море, въ широкой кругъ и сдѣлается большимъ или малымъ свѣтиломъ въ этомъ кругу и понесется неудержимо въ млечный путь со всей звѣздной системой. Господь да хранить ее и будетъ ей защитой, да пошлетъ ей счастія не столько наружнаго, сколько внутренняго.

Теперь моя дорогая, примите мое спасибо и поцѣлуй во-1-хъ, за лососину, которая была-бы очень вкусна, еслибъ не пропутешествовала въ жаръ двѣ недѣли и увы не явилась-бы вся проплеснѣвалая; К. Богд. съ терпѣніемъ очищалъ ее и нашелъ еще довольно вкусной, но я капризница, отворотила рыло, съ досадой, потому что въ сущности, рыбка славная;—во-2-хъ, за превосходные портреты ваши. Они лежатъ передо мной и я съ любовью смотрю на нихъ.

Настя очень огорчена, что медальонъ оказался не золотымъ; онъ купленъ въ магазинѣ золотыхъ вещей, а мнѣ досадно, что ты напрасно заплатила 10 р. Охотаже была тащить такую необыкновенную драгоцѣнность въ лавку—вотъ, не хвастайся, и поплатилась.

Сейчасъ былъ Модестъ Готовцевъ и сдѣлалъ приписку которую и влагаю. Они тамъ въ Бую погрязли; а онъ не пьетъ; но не можетъ отбиться отъ картежнаго круга, если останется изолированнымъ, въ омутѣ скуки. Ну, батюшки? уписалась чуть не до дурноты. Голубчикъ мой Поль, милый мой братъ не сердись, что не писала. Такъ трудно найти время съ болѣзнью и заботой. Все утро писала писала, письмо и кончила ночью. Разнемоглась даже! К. Б. нѣжно, дружески васъ обнимаетъ, а Поля благословляетъ философскимъ благословеніемъ. Совѣтуя много не лечиться, не напирать сильно. Настю онъ сердечно обнимаетъ и нѣжно цѣлуетъ.

Ваша Julie.

1865 года.

Ну, други мои милые, хорошу-же вы оставили послѣ себя пустоту и скуку; не знали куда дѣться, и до сихъ поръ слышится ваши голоса и видится святая главизна философа зеленаго дивана. Скверная вещь разлука, не даромъ зовутъ ее меньшей сестрой смерти. Настючекъ, мой милый все передъ нашими глазами; Карлъ Богдан. всякой день о ней вспоминаетъ. Соня притихла и сидитъ въ уголку съ работой, Настя ковыряетъ твой платокъ; мухи тяпаютъ и не даютъ писать; я, по временамъ плюю и ругаю проклятыхъ кусакъ,—вотъ вамъ картина обитанія нашего,—прибавьте къ этому японскую шишку, покрившуюся на-бокъ, и вы живо вспомните вашу горячо васъ любящую сестру и неизмѣннаго друга. Обнимаемъ васъ мои ненаглядныя нѣжно, крѣпко, съ любовью и молитвой за ваше счастье.

Вся ваша Julie.

1864 года.

Вчера получила твое письмо, другъ мой Люба; сегодня думала писать покойно, какъ вдругъ ночью преждевременно, явилась ко мнѣ моя болѣзнь, я улеглась въ постель, на которой царапало сіи строки. Теперь, къ дѣлу: другъ мой милый! Ты пишешь мнѣ нѣчто баснословное— сто тысячъ рублей! Но вѣдь это первый милліонеръ въ Россіи поморщится. Сто тысячъ легко не даются; положимъ, что и концессія будетъ получена — вѣдь не милліоны-же даетъ она вдругъ. Чтобъ не считать этого человѣка сумашедшимъ, или идеалистомъ въ родѣ покойнаго дяди Никандра Никандровича, надо имѣть передъ глазами живые факты. Безъ всякаго намѣренія обмануть,—человѣкъ можетъ самъ обмануться. Я не могу дать даже совѣта, потому, что здѣсь: „темна вода во облацѣхъ небесныхъ!“ Я положительна и недовѣрчива, и если отдаю свой насущный капиталецъ, то все-же имѣю въ виду, что-нибудь осязательное. Вотъ, братъ знаетъ Горяйнова, человѣкъ состоятельный, богатый; весь на виду и долги его составляющіе пустяки въ сравненіи съ

его состояніемъ всѣ извѣстны. Да тутъ безпокоюсь. Эта даже непомѣрная и страстная нужда въ деньгахъ г. Богд—ча, заставляетъ усумниться. Вѣроятно, жена, имѣя состояніе можетъ дать подъ надѣлы, или имѣнія закладную, чѣмъ заставлять мужа, платить двойной капиталъ. Всякій дастъ тысячу подъ закладную. Конечно, тебѣ виднѣе это дѣло. На двойной капиталъ, т. е. тысячу на тысячу еще можно-бы понадѣяться, зная человѣка и его дѣла, но... эти диковинныя сто тысячъ парализуютъ всякое довѣріе. Я-бы не рѣшилась ни за что въ мірѣ .А ты дѣлай, какъ найдешь лучше. А ежели что случится — самъ-же ты измучишься. Чортъ съ нимъ и съ барышомъ! спокойствіе дороже. Вотъ эти святыя денежки, что за комиссіи получишь, это твоя трудовая копѣйка. Трудно тысячу нажить, я, вотъ, какъ ни бьюсь—не наживается, только-что концы съ концами сводишь, да и то слава Богу! Если ужъ такъ нужна эта тысяча Б — чу, если она принесетъ двѣсти-триста тысячъ, такъ тутъ на полгода можно послѣднія штаны заложить, рояль не покупать, въ уголокъ прижаться... Странно мнѣ это. Это въ родѣ искателя кладовъ.

Ну, милостивая государыня, теперь надо хорошенько тебя поругать если-бы была передо мной, такъ и палкой побила-бы. Къ чему ты, вѣдьма, себя надсаживаешь. Великая польза, или утѣха отъ твоихъ метаньевъ, если ты серьезно захвораешь... Зачѣмъ Поль позволяетъ тебѣ? Ему слѣдуетъ насильно беречь тебя. Ну, изъ чего ты бьешься? Такъ вся жизнь и пройдетъ. А вотъ что возьмика ты эту тысячу что Б—чу дать, да употреби на свое спокойствіе наймите квартиру, полечитесь, обзаведитесь всѣмъ нужнымъ, да ужъ и регулируйте свои доходы, чтобъ начать прямо жить ими такъ вамъ будетъ легче; такъ вы почти 100 р. въ мѣсяцъ будете имѣть. А теперь все не хватитъ, я сама это понимаю. Право, мой совѣтъ вѣрнѣе и дѣльнѣе! А тамъ навернется хорошій случай, и можно воспользоваться, не торопясь, безъ лихорадки. Матушка не покупай ты мнѣ такихъ платковъ; я всегда такіе толстые употребляю, мой табачный носъ другихъ не стоитъ. Я купила бумажныхъ по двугривенному —

отлично, за то въ счетѣ нѣтъ недостатка, насморкъ сдѣлается валяй по три платка—достанетъ.

Дорогóго моего брата обнимаю и благодарю нѣжно за его милыя хлопоты на счетъ цвѣтовъ. Лѣтомъ, Богъ дастъ увидимся, и наговоримся и наглядимся другъ на друга. Ты у меня только не смѣй надсажать себя, Макарка окаянный; Полинька хорошенько ее припугни. Настѣ дорогой моей дѣвочкѣ, буду писать, какъ встану съ одра моего. Теперь ее нѣжно цѣлую. Какъ пріѣдетъ въ Ярославль, мы ужъ съ ней сами, вдвоемъ, купимъ и выберемъ, что нужно... Насмѣшила она меня съ коробкой... „Даже Михайло, пишетъ назвалъ царской. Я увѣряю, что она любитъ и будетъ любить свою старую тетку.

Мнѣ такъ безъ Поля было грустно, что даже въ табельку бросила. Сидимъ затворниками. Ужъ какое ему, мой другъ угощенье было. Уморила сестрица на грибахъ... Теперь и каюсь, зачѣмъ тѣмъ-то или тѣмъ-то не поподчивала. Простите мои дорогія, что до сихъ поръ не писала, постоянно голова дурна и слаба. Итеперь ослабѣла, не могу больше. Надо горчишникъ наляпить.

Еще разъ обнимаю Васъ всѣхъ за одно.

21 Февраля. *Ваша Julie.*

Поклонъ Михайла передала—ему тоже усердно кланяется. И я имѣю ему поклонъ. Пиши мнѣ о немъ, онъ меня очень интересуетъ. Вообще я твои письма со слабостью читаю.

Други! узнайте, что стоютъ фотограф. карточки главныхъ шести лицъ прусскаго генеральнаго штаба: Короля, Роопа, Мольтке, Бисмарка, наслѣдн. принца и принца Фридриха, —я вышлю деньги съ 1-ю почтой. У васъ теперь, мои милые, еще плохи финансы; да и меня тѣсно, или скорѣй просторно въ карманѣ. Думала, думала, навернулся Свѣчинъ, холостой, богатый, упросилъ отдать ему квартиру—отдала, чѣмъ даромъ стоять, за 18 руб. одинъ низъ. Все помога. Дрова его.

Не знаете-ли въ Петербургѣ-ли Ек. Ник. Жадовская? Я писала имъ о кончинѣ папа; но не получала отвѣта Вѣра всегда акуратно отвѣчаетъ. Странно!

63 года.

Что это за барыня, друзья мои, чуть не надула съ оказіей,—хотѣла сама быть или прислать, какъ вдругъ, сегодня встрѣчаетъ Сашу и говоритъ ему: присылали-бы посылку, я черезъ часъ ѣду!.. какъ вамъ это нравится. Посылаю сыръ и конфекты. Я заказала у кондитера по 40 к. у Акатова все старые. Не знаю, хороши-ли, напишите. Клялся, что превосходныя. Прислалъ уже упакованныя. Куклу купила-бы, да захворала, слегла. Посылала Катерину, принесла такую пакость, что Настюша плюнула-бы. Къ Рождеству подвезутъ игрушекъ, а какъ выздоровѣю, пойду сама искать и пришлю по почтѣ. Павлинова, моя коммисіонерка тоже хвораетъ.

Цѣлую васъ мои несравненныя. Едва имѣю силы написать эти строки, такъ мнѣ тяжело. Нынѣшній разъ въ мой обычный срокъ. Барыню прогулять боюсь, чортъ-бы ее взялъ. Ейсмондъ была гораздо любезнѣе. Куклу вышлю, какъ только выздоровѣю, черезъ недѣлю, всѣ лавки осмотрю.

Пріѣдемъ, мои дорогія, только-бы дорожки дождаться. Сердцемъ я давно къ вамъ лечу. Карлъ Богдановичъ дружески васъ обнимаетъ.

Сыръ по 50 к. с. три ф.

Вся ваша и съ з.... и со всѣмъ преданная сестра

Julie.

Получено 15 октября, 62 года.

Отвѣчаю сейчасъ-же, мои дорогія, близкія друзья; а изъ того, что сообщу вамъ вы увидите, что сестра ваша не отъ лѣни или чего-либо не пишетъ. Глазамъ моимъ лучше, за то душѣ стало тяжко и мрачно. Ради Бога, не волнуйтесь и не огорчайтесь, по обыкновенію, до болѣзни, моимъ горемъ. Будемъ люди и христіане, благословимъ руку, карающую насъ или въ насъ самихъ, или въ близкихъ нашему сердцу... и отъ нее-же будемъ ожидать помощи. Вотъ, что случилось—чудный примѣръ, какъ изъ пустяковъ родится иногда цѣлая гора печали: играли мы пульку въ табельку, на большомъ ломберн. столѣ; не-

доиграли, потому что Докучаева торопилась въ клубъ. Оставили до завтра. Проклятый столъ я не велѣла убирать, чтобъ не возиться и оставила передъ диваномъ. Передъ тѣмъ, какъ идти спать, Карлъ Богдановичъ вздумалъ убирать его, и не смотря на мои просьбы вытащилъ въ переднюю. Прійдя въ спальню почувствовалъ необыкновенную боль въ спинѣ, такъ что ползкомъ достигъ постели... и вотъ, 7-й день лежитъ безъ ногъ, страдая при каждомъ движеніи. Электричество, компресы — ничто не подвигаетъ ни на одну черту къ выздоравленію. На костылѣ, съ трудомъ можетъ перебраться черезъ комнату и то утомляется... Можете судить о моемъ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ, и какое грозное будущее представляется мнѣ!.. Да будетъ воля Божія! Но тяжело и грустно. Помолитесь, милыя, чтобъ Господь изцѣлилъ его, моего милаго, дорогаго незамѣнимаго друга, который въ продолженіи нашего 9-тилѣтняго супружества нянчился со мной съ примѣрной, безграничной любовью и по истинѣ, по словамъ Христа, „отвергъ отца и матерь и прилѣпился ко мнѣ. Теперь только выказалась вся великая нравственная сила души его: это ясное и покорное пониманіе своего положенія, на случай, если оно не улучшится, это стараніе успокоить меня и утѣшить, и это сожалѣніе, что не онъ, а я должна за нимъ ухаживать... Люба, моя дорогая! Если ты будешь бѣсноваться всякими сутками, которыми опоздаетъ письмо мое, то я буду присылать тебѣ пустые пакеты съ нарисованной углемъ рожей внутри... Мало-ли отъ чего опоздаешь! занеможется, дѣла помѣшаютъ... Дай ты ей, Полинька за меня колотушку! Она моего бѣднаго Настюганчика обижаетъ.

Милая моя! Ужъ она не знаетъ, какъ меня утѣшить,— такъ платье расхваливаетъ, голубушка... Съ любовью я его покупала, по пословицѣ: не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь. На счетъ оброковъ ничего не подѣлаешь, пока не съѣздитъ кто туда лично, тогда и дѣло въ шляпѣ. Слава Богу, что посредникъ молчитъ,— онъ имѣетъ право, взявъ въ разсчетъ пожаръ, по 5 лѣтъ разстрочить. Не будемъ его трогать. На-дняхъ поѣдетъ туда Разинъ и повернетъ все дѣло, ему всѣ, и предводитель,

и исправникъ и посредникъ знакомы. Эдакъ лучше, а то на зло пойдетъ.

---

12 октября.

Ну, вотъ, мои дорогія, какъ будто и надежда начинаетъ мелькать: добрые люди научили привязать овечьей шерсти, немытой; и какъ будто мой больной начинаетъ чувствовать облегченіе. Что Богъ дастъ дальше,— увѣдомлю дня черезъ три или четыре. Ни что такъ трудно не излечается, какъ сухотильное растяженіе отъ напряженія, т. е. отъ поднятія тяжести и проч., такъ что человѣкъ рискуетъ на всю жизнь остаться безъ ногъ.

Задалъ мнѣ онъ пфейферу порядкомъ; до сихъ поръ не могу опомниться, и безъ тоски смотрѣть на него въ положеніи покойнаго папеньки... Батюшки мои помолитесь, чтобъ Господь пронесъ мимо меня чашу сію... Но, все-таки—да будетъ воля Его!

Обнимаемъ васъ оба нѣжно и крѣпко. Настюнчика всего цѣлую. Тетѣ Ек. Евгр. передайте поцѣлуй и душевный привѣтъ, няня и Даша цѣлуютъ вашу ручку. Вчера приходила тетушка, но я поздно проснулась, потому что не спала ночь и не могла ее видѣть. Люба, милая моя сестра, пиши мнѣ голубчикъ, только не утомляй себя многимъ писаньемъ. Что твой глазъ? И ты тоже хороша дѣвушка, здорова. Другъ мой Поль, дорогой братъ! какъ мнѣ хочется самой съ тобой побѣсѣдовать; да хворость мѣшаетъ; очень устаю писать нынче. Христосъ да хранитъ васъ. Будьте благополучны.

Julie.

---

27 Января 1861 года.

Милый, дорогой братъ! Сердце — удивительный вѣщунъ: только нянька показалась въ дверяхъ, съ письмецомъ отъ тебя, какъ уже я чего-то будто, испугалась... Такъ и вышло:— наша милая Люба упѣтала-таки себя!

Но, слава Господу, что болѣзнь оканчивается, судя по твоему письму, благополучно. Да утѣшитъ насъ Богъ скорымъ ея выздоровленіемъ. Послѣ она будетъ свѣжѣе, потому что организмъ выкинулъ изъ тѣла накопившуюся дрянь. Мы съ ней точно сговорились хворать послѣ послѣдняго моего письма, сегодня первый день, что я могу двигаться безъ особенныхъ страданій; со мной сдѣлался такой упадокъ силъ, что думала, по выраженію моего незабвеннаго страдальца: что „ужь, видно, время пришло...“ Да и всегда, пожалуй, приходится это думать. Не хочу я, мой дорогой, чтобъ и ты, наконецъ, хворалъ слабостью. У васъ въ Питерѣ можно всѣ средства попробовать. Есть-же искусные медики: все лучше посовѣтоваться у нихъ. Заботы и тревоги много подрываютъ здоровье — не слишкомъ-ли ты тревожишься? Полно дружокъ, плюнь на все, береги себя. Ну, будь что будетъ! бывало хуже да все перемололось. Посылаю, на всякій случай деньги должныя 75 рублей. Можетъ, болѣзнь и аптека порастроили ваши финансы. Я получила маленькой должишко. Голубчикъ мой! и то я ихъ безсовѣстно продержала.

Вы вѣрно, други, удивитесь, когда я скажу, что К. Богд. сегодняшій вечеръ въ театрѣ... да! Какъ вамъ это нравится! Сегодня бенефисъ нашихъ жильцовъ—неловко не быть, — уговорила его всѣми—неправдами. Поѣхалъ онъ точно приговоренный къ пыткѣ, кряхтѣлъ и охалъ, да нечего дѣлать: femme veut—Dien le neut! И вотъ, безъ него—приключеніе: слышу возня на крышѣ балкончика — точно, кто досками колотитъ: и разъ, и два, и непрестанно... Взяло меня недоумѣнье: зову Даису, то пошла узнать. Тутъ мнѣ пришло въ голову: вѣрно, птица!.. Такъ и вышло—огромная Сова усѣлась на крышу и бьетъ крыльями... Откуда ее чортъ принесъ? Я вѣдь, вы знаете, мнительна, а болѣе нервна, да непревычка оставаться одной.. и полѣзли въ голову разныя глупости, очень мрачнаго колорита, разная чушь и дребедень... Тьфу! на все да и только.

Ради Бога, увѣдомьте меня о васъ. Тогда только успокоюсь, когда получу запоздалый № моей любимой га-

зеты, а пока издательницу и редактора горячо и нѣжно обнимаю.

Скажите мнѣ, други, что-нибудь по яснѣе о вашихъ дѣлишкахъ съ Б—мъ. Тяжело не подѣлиться откровенно сомнѣніемъ. Не какого-нибудь стараго ворчуна встрѣтите вы во мнѣ, а искреннее участіе. Я сама мнительна, и всегда мнѣ легче, когда выскажусь. Всякому простительно желать улучшить свой бытъ. Вотъ, и на солнцѣ произошелъ взрывъ. Мало-ли что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ.

И я теперь хлопочу о своихъ должникахъ. А тамъ опять забота— куда и какъ пристроить нашъ громадный капиталъ съ котораго жить казенными процентами очень тѣсненько... Но только надо постараться, чтобъ по теоріи вѣроятности выходило хоть 99 — 70, а не 99 — 1. Самое вѣрное закладъ. Безъ этого съ деньгами ступить нельзя. Да, мои родныя! жизнь дорога и здѣсь. Сѣно, овесъ мука—все вздорожало. Сахаръ съ 21 коп. съѣхалъ на 30 к. фунтъ! и такъ все—кресчендо.

Кипитъ у насъ, братцы, табелька по три съ курочкой, кончается иногда вся 4-мъ копѣйками, а въ бурную пульку и рублемъ. Дома скучно. Докучаева пристрастилась до того къ табелькѣ, дня безъ пульки прожить не можетъ, такъ и рвется душа! начинаемъ въ 5 час. послѣ обѣда, кончаемъ къ 9-ти или 10-ти, — по-христіански. Что дѣлать! на людяхъ, говорятъ, и смерть красна. Однако, полно мнѣ болтать! Лопатка заговорила и спинные позвоночки. У нихъ свой преферансъ, заставляетъ меня сказать, какъ говаривала наша покойная сосѣдка Н. И. Вальмусъ: „Ну простайте, ротные! все перегофорила!“ Да не хворайте, прибавлю. Милаго моего Настюхончика всего цѣлую. Сладко мнѣ узнавать, что она такая умница и прилежная. Господь да хранитъ ее для нашей утѣхи! Господь да хранитъ васъ отъ всякаго зла и вреда... Еще разъ сердечно обнимаю, дорогія и милые мои друзья.

Ваша Julie.

31 Января.

Вотъ, и опять хвораю. Что Люба? Что съ Вами? Увѣдомьте, други. Душа не покойна.

1860 года.

Виновата, друзья мои, что не отвѣчала на ваши письма. Все хворала, да была въ суетѣ великой, — все родные да гости, а ужь я ни къ чему неспособна, когда около меня толкутся. У меня-же нѣтъ своего угла въ этой квартирѣ. Вотъ, можетъ быть, съ Божьей помощью устроимся получше и попрочнѣе. Все хочется домъ купить. Теперь есть въ виду,—и хорошъ, и недорогъ, ровно по нашему капиталу, обошлись-бы безъ займа, да вотъ мои деньги засѣли. Папа хлопочетъ изо всѣхъ силъ. Чортъ-бы побралъ Елизавету Васильевну, старую, жадную вѣдьму. Что это вы все не можете устроиться! Помоги Вамъ Богъ. *О проигрышѣ твоемъ*, Полинька, я тоже слышала, и очень пожалѣла; ваши чухломскіе сказывали. А мы такъ тихохонько постукиваемъ, дальше 10 р. нашъ выигрышь и проигрышь нейдетъ. Не смѣй, Люба, хворать. *Бить тебя надо больно бить!* Что это ты вздумала о насъ заботиться! мало тебѣ еще своей заботы. Мы, пока, слава Богу, держимся. Обнимаю васъ заодно съ вашей милой крошкой.

Julie.

1859 года.

Что это, голубчикъ мой Поль, все тебя кидаетъ въ крайности. „Идеализмъ и песимизмъ!“ Одно — утрированное понятіе о прирожденномъ человѣку чувствѣ гуманности; другое — вѣчно существующій естественный законъ всего живаго органическаго міра. Понятіе о первомъ человѣкѣ можетъ мять какъ воскъ и искажать какъ католицизмъ искажаетъ религію. Со вторымъ—ничего не подѣлаешь: твердо, неуклонно совершается онъ, совершался и будетъ совершаться. Дарвинъ не выдумалъ его, не ввелъ въ моду, какъ мистицизмъ и философскую сис-

тему—онъ только *указалъ* на него, растолковалъ его яснѣе прежняго. Это не заставитъ человѣчество убивать больныхъ, слабыхъ и сумашедшихъ. Въ нашъ вѣкъ нѣтъ недостатка въ филантропическихъ заведеніяхъ, идеяхъ и пожертвованіяхъ. Значитъ Дарвинъ и наука ничего не попортили.

Дѣло идетъ просто о степени самоотверженія въ отношеніи къ ближнему, о помощи во время нужды. Я признаю три рода помощи: 1) отъ 12 рубашекъ дать 4; 2) отъ 3-хъ — дать одну и 3) отъ 2-хъ — одну; дальше послѣдняго и Христосъ не предписываетъ. Кто пойдетъ дальше—тотъ пусть идетъ на Аѳонскую гору. Вы пишете, что я сама готова помочь ближнему; я и теперь готова „раздѣлить", по твоему выраженію, трапезу; дать на столько, насколько это не поставитъ меня въ худшее положеніе. Помогая и прежде друзьямъ, я не перемѣняла для этого образа жизни и оставалась при тѣхъ-же внѣшнихъ условіяхъ. На восторженность юныхъ лѣтъ нельзя смотрѣть какъ на идеалъ человѣческаго нравственнаго совершенства, а любоваться какъ на прелестный цвѣтокъ, который непремѣнно долженъ отцвѣсти и преобразоваться въ плодъ, менѣе красивый можетъ быть, но болѣе необходимый. Еслибъ вкусное яблоко, доставляющее наслажденіе вкусу, оставалось вѣчно прелестнымъ, блѣдно-розовымъ майскимъ цвѣтомъ — не знаю, было-ли бы это восхитительно. Человѣкъ долженъ зрѣть и приносить плоды, а не быть красивымъ пустоцвѣтомъ. Три вещи нехороши по моему: старикъ-юноша, юноша-старикъ и супъ изъ незабудокъ, да ужь, пожалуй, тутъ же и „хижина убога"... На все это была когда-то мода. Слава Богу, эта мода прошла, какъ все неестественное и напускное. Дѣло-то главное вотъ въ чемъ, съ чего у насъ и началось: Б—чъ искалъ денегъ; показывалъ чуть не въ шляпѣ концессію, сулилъ 100 тыс. и самъ вѣрилъ тому что говорилъ. Такой человѣкъ, какъ Левъ Савичъ Маковъ предупреждалъ Любу и не „совѣтовалъ" давать. Но обѣщанія были заманчивы, вѣра въ человѣка велика (даже возможная смерть его не пошла въ разсчетъ) и вы соблазнились, и безъ всякой вѣрной гарантіи рискнули и своимъ и чужимъ капиталомъ, воспользуясь неопытностью

и непрактичностью другаго. Отъ чего и не рискнуть на свое? Положимъ даже, что рискъ благороденъ, какъ выдумали французы, но на чужое по моему слишкомъ. И вотъ, вдругъ, все это дѣло облекается въ покровъ самоотверженія, христіанскаго милосердія, высшей любви къ ближнему... самопожертвованію для друзей и проч. и проч. и проч. Накормить голоднаго, подать и помочь бѣдному, надѣть рубашку на нагого и проч. въ этомъ родѣ—и доставить человѣку 50 тысячъ капитала, рискуя лишить другихъ — чортъ возьми! это уже какое-то невѣроятное „раздѣленіе трапезы“... (Люба писала, что еще 30 тыс. достала для Б—ча). Это вовсе не христіанское милосердіе, а заманчивая надежда получить втрое. Вотъ почему я это дѣло никогда не признаю за евангельскій поступокъ добродѣтели. Вотъ подобныя-то жертвы, если только этому дѣлу можно придать характеръ пожертвованія, я и называю идеализмомъ, такой идеализмъ можетъ быть дѣйствительно вреднымъ; какъ шарлатанъ, онъ можетъ, поистинѣ, многихъ лишить послѣдняго и сотворить подлинно одну или нѣсколько „несчастныхъ жертвъ“.

На этотъ разъ, кажется, я выразилась понятно. Если и это не такъ, то и разсуждать объ этомъ нечего. Я и прежде и теперь всегда больше давала, чѣмъ получала, и это мнѣ пріятно. Но дать такъ, чтобы послѣ пришлось просить самой,—это для меня невыносимо. Я не могу и не хочу. Оно вноситъ раздоръ и стѣсненіе въ самые сокровенные уголки вашего тихаго, сладкаго домашняго очашка. Всякой — прежде всего для себя, потомъ для другихъ. Такъ устроенъ весь гражданскій и семейный бытъ, и это не противорѣчитъ ни религіи, ни здравому смыслу. И такъ, моя родная, прежде всего думай о себѣ; еще и вы сами не настолько обезпечены, чтобъ имѣть необходимый комфортъ. Если у тебя на чай, сахаръ, булки и сливки выходитъ 55 р. въ мѣсяцъ, то я очень хорошо понимаю, сколько нужно. Я сама девять лѣтъ веду хозяйство, и знаю, какъ текутъ деньги, со всею бережливостью.

Посылку вышлю на будущей недѣлѣ, а грибы не ранѣе января. Теперь, едва лѣплюсь до января. Они-же нынче по рублю фунтъ, цѣна небывалая. За то рябчики

вдругъ подешевѣли по 25 коп. пара, и мы ихъ кушаемъ, какъ я рада, что вамъ попалась хорошая кухарка. Это великое дѣло въ хозяйствѣ. Еще болѣе рада, возрожденію твоего музыкальнаго таланта, дорогая моя. Я очень люблю твою игру.

Ну, вотъ, сколько настрочила! Писать часто не могу; очень голова дурна и слаба. Будьте Богомъ хранимы, мои хорошіе, милые. Обнимаю васъ всѣхъ горячимъ дружескимъ объятіемъ, заодно съ Карл. Богд.

Ваша Julie.

Ради Бога, мои милые, дорогіе, не перетолкуйте сказаннаго мною вкривь и вкось, не припишите его недостатку дружбы и нѣжной привязанности. Дорогой братъ поймете меня; а вѣдь ты, Люба, пожалуй, и чортъ знаетъ, что вообразишь. Меня ничто такъ не бѣситъ, какъ то, когда меня дѣлаютъ причиной своихъ дѣйствій и послѣдствій ихъ. Повторяю, я по натурѣ независима и самовольна. Не стѣсняю никого и сама не хочу стѣсняться. Все, что имѣетъ видъ обязательства, заставляетъ меня принимать оборонительное положеніе. Нѣтъ ничего отраднѣе, какъ свободная любовь, свободная дружба. Ну, вотъ, хоть бы эти „жалостные слова“ и укоры въ молчаньи—кто пересаливаетъ: Люба, Поль, посмотри, какъ милъ и благоразуменъ. Иногда такъ хворается, что пошевелиться тяжко. Я только къ вамъ такъ часто и аккуратно пишу. Настя Фед. по 3 мѣсяца ждетъ отъ меня письма, а корить не коритъ. Знаетъ ужъ мою хворость и лѣность.

Прощайте родные мои, хорошіе! Духъ мой всегда съ вами... и дружба тоже. *Аминъ.*

---

3 декабря.

Не такъ-то легко часто писать вамъ, дорогія друзья, съ моей непутной головой, которая, зимой дѣлается никуда негодной, сейчасъ разбаливается и я на цѣлой день—не человѣкъ. Голубушка моя Люба! спасибо большое за все, а Поленьку нѣжно обнимаю за принятый трудъ оты-

скивать пилюли. Конечно, обѣ порціи оставила для себя. Что, батюшки, за проклятіе лежитъ на мнѣ, грѣшной: помогаютъ пилюли—всѣ пилюли вышли; хорошо мыло—мыльный заводъ сгорѣлъ?.. Это даже смѣшно. Впрочемъ, гольдъ-кремъ—тоже хорошъ. Полотенце мягкое пригоднѣе жесткаго,—но и то вмѣсто щотки хорошо для кожи. Чулки очень хороши, а также и все прочее. Книга Володкевича—верхъ совершенства. Это—чортъ знаетъ что такое! Только — плюнуть — даже не смѣшно, а грустно, что человѣкъ такъ глупъ можетъ быть.

Живо переношусь въ вашъ семейный кружокъ, вижу, какъ Настя горячится играя въ карты, примѣчаю даже, что она даже немножко приплутовываетъ немножко... вижу ея разгорѣвшіеся глазки и щочки, и нѣжно еецѣлую. Пусть милая дѣвочка доставляетъ вамъ только случай восхищаться ею. Дѣти, въ нашъ вѣкъ, хороши только пока не оперились. Я помню, какъ и съ тобой тенькались,*) моя дорогая; а, вотъ, ты теперь сдѣлала изъ бѣдной тетушки Екат. Евгр. козла отпущенія; смотри, чтобы самой послѣ не играть той-же роли... Я такъ всегда боюсь. Во всякомъ случаѣ, я не могу нарадоваться что не имѣю дѣтей: что слабыя мои нервы наслаждаются тишиной и спокойствіемъ, а душа не отягчена заботой о будущемъ моего ребенка, не въ матерьяльномъ, а чисто въ нравственномъ. Нѣтъ, ужь я видно не создана быть матерью.

16 декабря. Пролежала 6 дней въ постели; чувствовала себя прескверно. Сегодня только могу писать. И вообще хворалось. Посылаю копію съ письма къ посреднику и съ его отношенія. Нельзя-ли что подѣлать, Посредникъ такъ и не отвѣчалъ.

---

5 декабря.

Какое это сладкое словцо сказалъ тебѣ Б—чъ, дорогая моя Люба? Сладкимъ словцамъ я вѣдь не очень вѣрю. Знаю изъ газетъ, что концессію на Муромск. жел. дорогу получили г-да Савицкій и Кёнигъ. Не знаю, чѣмъ это считать сладкимъ, или горькимъ? По правдѣ Вамъ сказать; мои милые друзья,—изъ хода дѣла я вижу многое

не въ розовомъ свѣтѣ. Я слишкомъ опытна въ этихъ случаяхъ—и ужь какъ начнутся эти „сегодня да завтра“ то ужь не жди добра. Б—ча я не виню, онъ вѣрно и самъ страдаетъ. Васъ тоже не виню. Вы и добро хотѣли сдѣлать и хорошее и честное пріобрѣтеніе. Но только скажу вамъ одно: оба вы помѣшаны на какихъ-то взаимныхъ самоотверженіяхъ и пожертвованіяхъ. Если за всякое добро, которое мнѣ сдѣлаютъ я должна отдавать послѣднюю рубашку,—то это добро солоно придется. Благодарю Господа Бога, что у меня нѣтъ такихъ друзей и благодѣтелей, которые въ свою очередь сдирали-бы съ меня кожу. Мнѣ слаще кусокъ черстваго хлѣба, который я съѣмъ свободная отъ всякихъ обязательствъ, нежели пожалованный фазанъ. Если Богъ—вичъ помогъ вамъ,—то и вы могли ему сдѣлать добро,—на столько-же. Вѣдь онъ для васъ не затратилъ капитала, не рисковалъ чужимъ? Лучше бы заплатить ему, что онъ далъ и быть свободными, сдѣлая изъ этого обыкновенный заемъ. Но въ васъ есть излишняя восторженность. Вотъ, напр. Люба: всю эту исторію облекаетъ въ форму жертвы и благодѣянія для „дорогихъ друзей...“ Къ чему это? Развѣ мы нуждаемся, развѣ у насъ недостаетъ насущнаго хлѣба? Все должно быть свободно и взаимно свободно между друзьями. Перехватить на время въ займы небольшую сумму не значитъ нуждаться. Это пріятное одолженіе только. Переслать какую-нибудь вещь, подарокъ, это уже потому пріятно, что не обязываетъ, что за это съ удовольствіемъ заплатится тѣмъ-же... Но... навязывать мнѣ на шею пожертвованіе своего капитала и спокойствія, облагодѣтельствовать меня всѣми трудами, заботами, бросаться подъ колеса *для меня*, когда я этого не требую и не нуждаюсь въ этомъ—это чортъ знаетъ, что такое? Это насильственная петля, которую накидываютъ вамъ на шею, со всею увлекательностію страстной нѣжности, для того, чтобы имѣть васъ въ свою очередь на привязи и потянуть куда и какъ угодно... Нѣтъ, милая моя Люба, ты выкинь это изъ головы и не ссорься лучше. Тѣмъ болѣе, что имѣя мужа, ребенка, мать на своихъ рукахъ—ты обязана прежде всего позаботиться о себѣ и своихъ, а не крыть другую кровлю,

которая еще вдобавокъ и не каплетъ!.. Капиталомъ своимъ, мои дорогія, вы имѣли право распорядиться, какъ угодно, никто не можетъ мѣшаться въ это, тѣмъ болѣе я, которая не намѣрена налагать какую-либо обязанность на опеку надъ кѣмъ бы то ни было; но за то не позволю и на себя положить ее... даже опеки дружбы и любви, если она дастъ себя чувствовать становится мнѣ невыносима. Чувство независимости для меня дороже всего въ мірѣ. Мнѣ такъ тяжело приходилось отъ страстныхъ привязанностей, связывавшихъ мою свободу; что у меня достало характера стряхнуть ихъ разомъ девять лѣтъ тому назадъ, не смотря на весь ихъ трагизмъ. Потому что хотѣли и стрѣляться и отравляться. Я перетерпѣла; но за то всякой трагизмъ, всякая неестественно-натянутая вторженность въ родственныхъ или дружескихъ отношеніяхъ кажется мнѣ или излишней, или напускной, или просто болѣзненно-ненормальнымъ психическимъ настроемъ. Я правильно выработалась, правильно состарѣлась, и по этому правильно и разумно люблю и чувствую. Я считала это необходимымъ высказать, чтобы не ввести въ заблужденіе мою экстатическую все еще юную Любу... которая сказать, на ушко, любитъ кидаться изъ втораго этажа, даже тамъ, гдѣ въ этомъ нѣтъ настоятельной надобности; но такъ какъ я не чувствую себя способной прыгать въ свою очередь изъ втораго этажа, то не хочу чтобъ и для меня прыгали. Настанетъ возможность быть полезными другъ-другу—мы воспользуемся этой возможностью съ отрадой; придетъ пріятное время быть вмѣстѣ—мы составимъ дружески-родной, разумный кружокъ; но все это должно быть свободно, независимо, основано на здоровыхъ, трезвыхъ началахъ. Пріятно взаимное участіе въ интересахъ другъ друга,—но коммуна мнѣ ненавистна.

---

5 октября.

Милые, хорошіе, дорогія мои! Мучусь что не могу, много, всласть, какъ-бы хотѣлось побѣсѣдовать съ Вами. Все мои проклятыя глаза, видно, хочетъ возвратиться

мое старое страданье, когда я чуть не ослѣпла и страдала три года. Воспалѣніе кончилось, но осталась слабость зрѣнія такая, что послѣ десяти строчекъ чтенія или писанья дѣлается боль въ глазахъ и во лбу и должна отдыхать. Эдакая досада? Вѣдь какъ-бы хотѣлось поговорить съ Вами, мои несравненныя. Что ни тѣнь Банко? Я все жду видѣнія. По ночамъ, я воистинно бѣсѣдую съ тобой, милая моя, дорогая Люба, отъ того духъ твой и чувствуетъ это. За шертингъ цѣлую вашу ручку и вашу, голубчикъ мой братецъ, а также и носикъ и лобикъ за кусочекъ мыльца. Не мѣшало позаботиться о благолѣпіи сестрининой рожи, которая (*Маньгошка, куда нехоноша дънается*)...

Сама третьяго дня потащилась въ лавку и для чего же? Чтобъ выслать тебѣ дрянный фай, или скорѣй *фуй!* Вотъ, мой другъ, наши ярославскія матеріи въ 40 коп. Такъ и плюнули, не изъ чего выбрать: голубой, красной, песочный и все. Не знаю понравится-ли моя родная? Только-бы хоть что-нибудь получить ужь выкопаю что-нибудь получше для тебя и моего милаго настюхончика. Кисейку найду хорошенькую и всю отдѣлочку сама подберу.

Я играю, болванъ, въ карты, мало умѣренно, прилично. Совсѣмъ не отъ картъ заболѣли зенки, а отъ простуды. Въ платкѣ по двору гуляла и башку продуло.

Ну, батюшки! Вонъ и головушку разломило, а откладывать письма не хочу, чтобъ Вы не сомнѣвались. Прощайте, мои сердечныя, дорогія. Обнимаю васъ вмѣстѣ съ Б. за письмо онъ цѣлуетъ тебя, Люба. Я-то даю колотушекъ. Не смѣй противъ сестрицы козни творить.

Вашъ вѣрный другъ *Julie*.

Вѣрѣ напишу — не торопи; вотъ, только буркалы окаянныя поправятся. Оброки ни тюкъ-тюрюкъ... И слуху нѣтъ, и отвѣчать на понужденія не удостоиваютъ. Подождемъ еще.

1856 года.

Ура! Всѣ мытарства пройдены, всѣ препятствія побѣждены! Милости просимъ, други мои, пожалуйста... Сердце бьется отъ радости, при мысли обнять Васъ, мои милые. Все готово...

Какъ Вамъ это понравится?—дали честное слово опростать квартиру къ 1-му числу. Вдругъ, взяли да и продали домъ 31-го мая... Вотъ, ругалась-то и чертыхалась... Ну, другую искала, нашла, очень миленькую... Ну, да ужь браните при свиданіи, если не понравится. Близко въ двухъ шагахъ. И задатокъ данъ, и роспись взята.

До свиданья. *Julie.*

5 Іюня.

---

12 февраля 1845 года.

Спѣшу написать тебѣ, дорогая моя Люба, нѣсколько словъ передъ отъѣздомъ въ деревню,—и еслибъ ты знала въ какой суматохѣ и безпокойствѣ обрѣталась всѣ эти дни. Завтра улепетываю; авось, успокоюсь, и отдохну. Отъ Насти получила гнѣвное и горькое письмо, — согрѣшила—задѣла ее Фр.—она и огорчилась; да ужь я такъ раздражена это время, что стало злобной собакой, такъ наболѣла душа.

Очки еще не получила, спасибо моя рада, — вѣрно съ той почтой получу. Помилуй, душа моя, выдумала Бронислава пристроивать черезъ Борисенко, да еслибъ это было возможно, такъ я-бы давно его просила, ну какое мѣсто можетъ дать прокуроръ сосланному поляку. Бр—ву хочется вонъ отъ сюда, куда-нибудь на желѣзную дорогу, а сдѣсь, какое мѣсто. Такъ тебѣ сейчасъ Б—ко и дастъ ему мѣсто. Ему гдѣ-нибудь, хоть въ самой отдаленной губерніи хотъ-бы станціоннымъ смотрителемъ или помощникомъ его, рублей на 20-ть.

Велѣла—было упаковывать грибы — хлопъ Авдотья Семеновна отправила въ деревню. Получите на 1-й недѣлѣ поста. Разозлилась. Господи! убраться-бы поско-

рѣй. Тамъ, хоть времени больше буду имѣть побѣсѣдовать съ милыми друзьями. Помилуй, другъ мой, какъ это ты не хочешь хлопотать о позволеніи Фр. Ос. остаться въ въ Люценѣ, да это было бы великое счастье,— хлопочи, ради Бога, вѣдь онъ будетъ обезпеченъ, а Настя не останется, а будетъ, по временамъ бывать тамъ. Еслибъ онъ тамъ остался, я вздохнула-бы свободнѣе. Ты ужь больно мрачно на все смотришь: я не вижу ничего ужаснаго. Вотъ, тетя Наташа, такъ это нѣчто ужасное, ты не вздумай меня познакомить съ ней. Нѣтъ, Корины не такіе, они славныя барыньки. Ну, моя родная, до свиданья. Гости явились, а завтра до 8-ми часовъ утра принимаются письма.

Обнимаю всѣхъ горячо и цѣлую. *Ваша Julie.*

Пишите мнѣ на имя Татьяны Дмитріевнѣ Мусиной, въ г. Буй, въ собственномъ домѣ.

Очки не получила, вотъ уже двѣ почты прошли послѣ твоего письма.

15 Февраля.

Именно 12-го, то есть вчера я получила ваше письмецо, дорогія друзья. Пишу Вамъ ночью, коротаю мою безсонницу. Вотъ, надо терпѣніе! не спать постоянно до 4-хъ часовъ и не имѣть силъ сидѣть съ вечера позже 11-ти. Съ вечера усну часъ,—и маюсь до разсвѣта... Пріятно! Сегодня-же, утромъ пошлю искать квартиру. Надѣюсь, что найду; всѣхъ знакомыхъ подыму—пусть ищутъ. Слава Богу, что ты, милая Люба, недаромъ мучишься. А сестрица сидитъ въ трубѣ до января будущаго года. Все ждать и ждать приходится, Буду-ли еще жива? Ну, да что толковать объ этомъ, только-бы Богъ привелъ увидаться — все непріятное позабудется. Весна для меня всегда тяжелое время приходится платить и страховыя и поземельныя, болѣе ста рублей. Да еще папѣ на могилу рѣшетку дѣлаю — туть 60 цѣлк. Все бы ничего, да не ко времени. Да вы друзья, не волнуйтесь; какъ-нибудь Богъ пронесетъ;—бывало и хуже, ро-

димые. Это я пишу вамъ такъ, ради болтовни, душеньку отвести, поныть... Передъ Севеномъ ныть нельзя, — онъ сейчасъ и въ хандру: начнетъ ходить темнѣе ночи; а ужь это мнѣ бѣда, я начинаю раздражаться и придираться, потому что нервна и больна. И у меня отъ природы самый ясный и легкій характеръ, но судьба, какъ будто находитъ особенное удовольствіе давить меня и шамкать, чтобъ обратить въ плаксу. И все еще не можетъ достигнуть вполнѣ своей цѣли. Вотъ, о папа такъ сильно хандрю по ночамъ. Все съ нимъ мысленно разговариваю—и наконецъ взреву... Слава Богу, никто не видитъ. Вы думаете, я не жду, свиданья съ вами, мои милые? какъ еще жду-то! Помилуй, Люба; моя милая,— помѣшалась на нужникахъ! Почему же непремѣнно квартира должна нужниками пахнуть? Это ты, мой другъ, внуждѣ-то нанюхалась въ петербургскихъ дешевыхъ квартирахъ. Вотъ, какъ перешла въ чистенькую, такъ все тебѣ старина и мерещется... Моришь ты меня со смѣху! Знаю и я дешевенькія петербургскія квартиры! Разъ меня Гинглятъ утѣшилъ, нанялъ — окна на помойную яму; входъ мимо трехъ нужниковъ... Я черезъ недѣлю бѣжать! Отыскала порядочную въ 25 р. Да, мой другъ, прелестная весна: даже трава до корня вымерзла, и теперь едва начинаетъ зеленѣть. Наши грунтовыя розы померзли — такое намъ горе, чуть не плачемъ. Бѣдный Карлъ Богданычь совершенно парализованъ въ своей любви къ цвѣтамъ; говоритъ, что все ему опротивѣло. Да и въ самомъ дѣлѣ обидно: наши цвѣтущіе кусты, выше сажени, покрыты сверху до низу розами были удивленія садовниковъ всего города; нашъ полисадничекъ цѣнили въ 300 р. И все погубила одна дурацкая зима: по газетамъ она въ 90 лѣтъ единственная. Это все война виновата: слишкомъ много селитры выпущено охладили воздухъ; отъ того и во Франціи небывалая зима была. Чортъ бы ихъ побралъ. Не живется имъ покойно въ чудномъ климатѣ, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, Вотъ, съ жиру бѣсятся и губятъ себя.

Ради Христа, батинька, привезите мнѣ, *пилюли и порошки дактора Лебеля* отъ геморроя. Здѣсь въ аптекахъ нѣтъ, а въ столичныхъ есть. Сказано и снадобье,

изъ котораго они приготовлены, да я забыла; впрочемъ другихъ нѣтъ пилюль. Пожайлуйста, привезите, голубчики, не забудьте. Попробую измучилась. Карлъ Богданычь говоритъ, что безвредны.

Не покупай, моя родная, ничего, кромѣ шляпы, голубушка моя, знаю, что ты готова себя продать да только близкихъ утѣшить. Прежде всего мнѣ пріятно видѣть Васъ моихъ дорогихъ.

14-е мая. 1862 г.

Сейчасъ была у меня Ольга Николаевна. Говоритъ что, можетъ быть къ, 10-му іюня опростается квартира, но все это невѣрно, лучше нанять я думаю. Сегодня я подвергаюсь на ложе болѣзни. Встану не раньше 22-го числа, останется еще недѣля для устройства квартиры. Все-же, пока не напишу, что все готово, вамъ выѣхать нельзя. Надо подумать о мебели. Постоялецъ забралъ мою. Что есть лишней нужно исправить, чтобы было удобно прилично, въ случаѣ, если не найду съ мебелью. За 10 рублей, можно очень порядочную квартирку имѣть, только чтобы дай Богъ попалась, а то хватаютъ квартиры. Мнѣ отбою нѣтъ отъ желающихъ нанять домъ. Но потому отдала Свѣчину, что онъ принялъ его, какъ есть, грязный, не подновленный; а ремонтировать домъ нынѣшнее лѣто не имѣю средствъ. На будущій годъ онъ дастъ мнѣ порядочный доходъ, когда его поправлю. Поправки требуется рублей на 600, потому что крыша плоха, и полъ въ кухнѣ никуда не годится. Много хлопотъ съ домомъ! Только и утѣхи, что не переѣзжать на квартиру.

Ужъ постараюсь, чтобъ къ 1-му было вее готово. А пока, обнимаю Васъ, мои дорогія, да хранитъ Васъ Господь!

Ваша *Julie*.

Поль меня уморилъ: пишетъ, что у насъ нѣтъ коровъ, утѣшься, батенька это всякое утро и вечеръ по Духовской проходитъ стадо и реву не оберешься.

22-е мая.

Други мои милыя! получила и второе Ваше письмецо. Милыя! Вѣдь квартиру найти не блинъ испечь нельзя въ одну минуту, одно хорошо, такъ другое не удобно. Та къ 15-му опростается, другая къ 10-му. Наконецъ послалъ Богъ: боюсь и говорить чтобъ не надули, дали честное слово къ 1-му числу опростать, а это бы великолѣпно, противъ воротъ, въ домѣ Эстрейхеръ, квартирка миленькая, съ мебелью, приличная, а главное близко! Завтра пойду сама смотрѣть. Ее занимало хорошее семейство, и не дорога: 10 рублей. Это все равно, что на одномъ дворѣ. Если къ 1-му числу опростаютъ, и возьмутъ задатокъ, то 1-го-же и напишу Вамъ послѣднее письмо, по которому Вы и выѣхать должны, мои дорогія. А мнѣ, мои хорошія все хворается: къ погодѣ что-ли, чортъ знаетъ... Спина болитъ ужасно, слабость такая, что едва перо держу, дышу, какъ пароходъ.

Ну, вотъ, моя бозцѣнная Люба, скажу тебѣ, что ты мнѣ должна купить: купи мнѣ простенькую черную соломенную шляпку, только просторнѣе, чтобы не торчкомъ на макушкѣ, а надѣвалась-бы, какъ должно. Человѣкъ я стриженый, какъ ты знаешь, шиньоновъ не ношу. Да чтобы что-нибудь на ней болталось: или черные цвѣты, или соломенная ажурная лента. Я тебѣ, другъ той сама заслужу. Здѣсь очень дешевы шляпы, и хорошенькія, да черныхъ нѣтъ. Ты мнѣ дешевенькую купи, а если затруднитъ тебя, моя радость, и но безпокойся. Я не буду въ претензіи ты знаешь меня. Я и свою матроску пятый годъ проношу. Дорого, и не покупай, дороже 5-ти рублей несмѣй и думать платить. Нѣтъ-ли у Апраксиной лишней прошлогодней вотъ-бы купила, вѣдь у нихъ хорошія эти вещи, и сѣренькую можно, и долго фасонъ держатъ, а мнѣ на фасонъ наплевать, хоть 20-хъ годовъ буду носить.

Обнимаю Васъ несравненно любящая *Julie*.

Матушка не одолжи—открытой съ зовязушками не купи, не ношу, потому что зонтика не могу употреблять.

Пошли Вамъ Боже всего хорошаго. Молюсь всей любящей душой... Ой, какъ желаю видѣть васъ! до нервнаго раздраженія.

1874 годъ.

Поздравляю тебя, моя дорогая имянинница, и тебя мой дорогой братъ и другъ. Все хвораю ворчу на хозяйство; съ утра начинаю ворчать и ругаться и уподобляюсь бабушкѣ Настасіи П-внѣ, надъ которой мы ребятами посмѣивались. Силы слабы; глаза тоже, ночи ие сплю; Карточка настюши очень меня утѣшила, у ней такое милое на карточкѣ личико, что она постоянно передо мной не горюйте, други, что ребенокъ въ ней пропадаетъ, въ нашъ вѣкъ зрѣютъ скоро и бѣгутъ скорымъ маршемъ по дорогѣ жизни, а то какъ разъ останешься назади.

Грустно и тошно безъ Васъ, мои родные; проклятая вещь отдаленность и разлука, каковъ чортъ навязался на тебя, милая. Да я-бы ее съ полиціей выпроводила, я, которая ненавижу безстыдныхъ бабъ. Видно по письму твоему, мое сердце, что ты разстроена и газета твоя потащала. Приготовь мнѣ комнату къ 1-му октябрю, а другую для всѣхъ, я буду платить тебѣ, въ Питерѣ дорого и я не допущу тебя до убытка.

Вотъ, еще мученье: писать не могу, голова сей часъ разболится и ломота въ плечахъ и спинѣ. Ну, ужъ жизнь окаянная, изорвала-бы себя на мелкія кусочки. Съ хлѣбомъ убрались, но еще не молотили. Вотъ, моя родная Люба,—пожалѣла тогда нашей милой дочкѣ—Настюшѣ гороху, а онъ съ ея счастливой руки уродился на славу. Жадная! простить тебѣ этого не могу. Ой! тошно! До свиданья, любимые безпредѣльно друзья. Карлъ Богдановичъ поздравляетъ Васъ и за одно со мной обнимаетъ Васъ всѣхъ. Вотъ, ужь подъ диктовку буду писать Вамъ длинныя посланія. Гораздо легче, а то никогда въ сласть не поговоришь. Тету Катерину Ев-вну обнимаю и поздравляю съ дорогой имянинницей. Не могла придумать, чтобы подарить. Зимой пришлю индѣекъ и проч. чего хочется послать.

Ваша душой Julie.

16-го января, 1866 г.

Только-что окончила письмо, какъ получаю отъ васъ грамотку. Дай Богъ Вамъ здоровья. Помоги Богъ, окончить вамъ дѣла свои благополучно, чтобы вы не тревожились. Теперь и моимъ срокъ приходитъ. Что-то Богъ дастъ? Конечно здѣсь акты несокрушимые, и сомнѣваться можно только—по привычкѣ во всемъ сомнѣваться. Тутъ, т. е. по моимъ векселямъ, если и умретъ должникъ—мое не пропадетъ.

Лопатка проклятая все болитъ и шея и спина не даютъ двигаться. Какъ только поправлюсь, такъ и пришлю все: да ужъ и деньги кстати.

Прощайте, мои дорогіе, милые! Господь да хранитъ васъ. *Julie.*

Что-же твое свиданіе съ Вѣрой Жадовской? Отдалали письмо мое? Ты ничего положительно не пишешь? Это меня интересуетъ сильно. А она мнѣ разливается объ Воробьихѣ, а объ этомъ ни слова—охъ бить-то тебя безъ меня некому! Напиши, родимая, Люба. На счетъ оброковъ—меня удивила твоя фраза, Полинька: ты пишешь: посмотримъ, что сдѣлаетъ ваша администрація? Тутъ дѣло не въ администраціи, а въ вашихъ высокихъ связяхъ. Если дѣйствовать административно, то надо жаловаться губернатору на мироваго. И потому не лучше-ли подать докладную записку? Не обидѣлся-бы Унковскій, что помимо его. Ивашинцевъ обѣщалъ послѣ съѣздить въ Любимъ. Мука—съ этими дѣлами.

Цѣлую тебя, мой дорогой братъ, глубоко и нѣжно.

1873 года.

Ау! мои дорогія Поль и Люба и золотая моя дѣвочка Настя! Я уже сижу въ Бую, куда не думала живая доѣхать. Еще не оглядѣлась покуда, а кажется ничего, пойдетъ. Домъ помѣстительный, барскій, и, какъ говорятъ, теплой. Отъ всѣхъ разборокъ и возни такъ ошалѣла, что не знаю, о чемъ и писать. Настя большая скоро явится къ Вамъ сама и все перескажетъ. Ахъ, какъ-

бы я желала перенести Васъ сюда, мои родныя, милыя друзья! Хоть-бы взглянули Вы на свою сестрицу, то-то бы наболтались и нахохотались. Вотъ, Настя уѣдетъ, я отдохну и напишу Вамъ подробно обо всемъ. А теперь обнимаю васъ вмѣстѣ съ К. Б—чемъ, копающимся съ своими розонами, съ глубокой нѣжностью и безпредѣльной любовью.

Ваша Julie.

Скоро напишу Вамъ почему я обратилась въ машинную лошадь. Теперь устала.

1862 года.

Поздравляю тебя, дорогой и милый братъ съ прошедшимъ днемъ твоего ангела. Прости меня, другъ, что не писала тебѣ до сихъ поръ и не поздравила; мы обѣ съ Настей прихворнули, и такъ какъ здѣсь почта разъ въ недѣлю, а мы сидимъ за Волгой, то и опоздали письмомъ. Мнѣ пріятенъ всегда день твоихъ имянинъ, потому что онъ-же и день моего рожденія. Какъ вы поживаете и здоровы-ли? Я не скажу, чтобы намъ дурно было на нашей дачкѣ за Волгой; но все не то, что своя усадьба; я вѣдь очень люблю Субботино, и только объ его лѣсахъ и поляхъ, которыми думаю воспользоваться на будущій годъ, если буду жива и здорова. Вотъ, милая Люба, ты такъ торопилась разстаться съ нами, а губернаторъ и до сихъ поръ еще не былъ въ Чухломѣ. Впрочемъ, конечно, причиной былъ не столько губернаторъ, сколько желаніе быть дома и видѣть Поля. Нигдѣ такъ не хорошо, какъ дома, и потому гость всегда бываетъ волкомъ, — все къ лѣсу глядитъ, и ему все не по душѣ. Горько мнѣ, что я не могу нынче побывать у васъ; эта проклятая дача поразорила насъ. Можетъ зимой мнѣ удастся доставить себѣ это наслажденіе. Вы, мои дорогія друзья, не хлопочите о нашихъ средствахъ къ пріѣзду, хоть мы и небогаты, но какъ-нибудь деньжонокъ понаберу, а занимать я не люблю, да здѣсь и не у кого. На-дняхъ мы были на очень печальной церемоніи. Дядя Павелъ Корниловъ умеръ въ Москвѣ отъ рака, и тѣло его привезли сюда. Папа

въ деревнѣ. Обѣщалъ ко мнѣ пріѣхать на имянины, не знаю, исполнитъ-ли свое обѣщаніе. Какъ-бы я желала этотъ день провести съ вами вмѣстѣ; но не смѣю надѣяться, потому что сама передъ Вами виновата. Что моя Настюша подѣлываетъ, помнитъ-ли она тету Юлію? Обнимаю ее и Васъ, мои дорогіе. Севенъ Васъ всѣкъ дружески обнимаетъ. Объявляю тебѣ, Пауль, что онъ волочился за твоей женой, даже ручку у ней цѣловалъ; а я буду на зло волочиться за тобой, какъ пріѣду. Милый другъ мой Поль! когда-же мы увидимся? Грустно и больно... да дѣлать нечего.

Ваша Julie.

1871 года.

Милыя, дорогія друзья Поль и Люба! Проклятое здоровье лишало меня отрады поговорить съ близкими сердцу. Только-что распишусь, какъ оказія въ Буй— Настасья П—ва тащитъ съ моего стола неоконченное письмо и отсылаетъ. Злость меня беретъ. Сегодня, слава Богу, получше, не знаю надолго-ли? Ну, батюшки мои! истомилась по Васъ душенька; что, какъ Ваши дѣла? Будетъ-ли толкъ отъ Б—ча. А какъ бы хорошо, мои родные, какая-бы милость судьбы, еслибъ Господь послалъ капиталецъ. Милыя мои! не сѣтуйте, что не пишу—силъ нѣтъ... Устремлю глаза на какой-либо предметъ—голова кругомъ; рукой подвигаю—грудь стѣснило, дыханье захватило. Нынче для меня тяжелый, критическій годъ, можетъ, и буду здоровѣй, если переживу его. Обнимаю Васъ, близкія моей душѣ и сердцу, дорогія друзья! Ангела Настюхончика обнимаю.

Ваша Julie.

Ой, милыя! какъ-бы хотѣлось поболтать...

1870 года.

Милые, дорогія мои друзья: Поль, Люба, Настя большая и Настя маленькая! Пишу нѣсколько строкъ, по-

тому что тороплюсь на почту. Все хвораю и вожусь съ проклятыми постройками, душу и деньги вытянули; сунулъ-же чортъ Корсакова недостроить. Въ прошлое воскресенье К. Б. дѣлалъ визиты, объѣхалъ 14 домовъ, но все еще много осталось, и теперь всякой день пріѣзжаютъ то тотъ, то другой отдавать визитъ, такъ утро и пройдетъ, а тамъ устану, раскисну: нынче немного попишу и голова разболится. Письма твои, Настюша, огорчаютъ меня, вижу, что дѣло пойдетъ въ долгій ящикъ, придется зазимовать, или возвращаться въ распутицу; чего Боже избави.

Здѣсь все обстоитъ благополучно: Ф. Ос. исчезъ въ деревню, только разъ былъ; хозяйничаетъ. Третьяго дня является *diable noir*, я принимаю очень вѣжливо. Видно, что ее слегка поджаривало. Корины тебя обнимаютъ. Напиши имъ отдѣльно; я не знаю, всякое-ли письмо имъ передавать? Ну, что еще сказать, мои родныя! Пока—свиной рай—и больше ничего. Послѣ этого письма, милая Люба, буду отвѣчать тебѣ на предпослѣднее письмо твое. Къ Настюшѣ маленькой тоже напишу. Какъ на смѣхъ, изъ Ярославля не привезли ничего, что я просила—закусить подать здѣсь ни икры пока, ни сыру нѣтъ. Въ базарѣ-бы и въ долгъ повѣрили. Не знаю, какъ сдѣлать визиты, безъ шляпы, развѣ? Такъ, до тебя я не буду дѣлать, разозлятся. Ну, пускай.

М. П. Корсаковъ два раза былъ, прыгалъ, скакалъ; премилый господинъ, очень начитанъ и не глупъ, только уморительной. Надо еще три письма писать: Окерблому, Шрейдерну и еще Никольскому. Зла, какъ фурія, сегодня, и въ этой злобѣ всѣхъ Васъ мысленно обнимаю, цѣлую, ласкаю и колочу!

Ваша Julie.

К. Б. обнимаетъ всѣхъ дружески.

Тетѣ Кат. Евгр.—поклонъ и поцѣлуй отъ меня.

Пенаты домашніе цѣлуютъ Ваши ручки.

Люба! дорогая моя, поздравляю тебя съ днемъ ангела, а всѣхъ съ дорогой имянинницей.

15 сентября.

1869 года.

Обнимаю васъ, милые, дорогіе друзья Поль и Люба. Я уже четвертый день пребываю у папа. Рада, что попала къ нему на 1-е іюня, а то онъ былъ былъ-бы одинъ въ свои имянины и хандрилъ-бы о насъ. Ждетъ васъ съ наслажденіемъ въ августѣ. Утѣшьте его, друзья, пріѣзжайте. Онъ тоскуетъ и объ васъ и о своей милой внучкѣ. Приданое сей послѣдней молодой дѣвицы разложено на столѣ въ гостиной въ видѣ полудюжины чулочекъ и нѣсколькихъ коровъ съ пастухомъ подъ трехъ-этажнымъ древомъ... Мы часто о васъ вспоминаемъ, мои дорогіе. Прошлаго года мнѣ было очень пріятно быть это время съ Любой, еслибъ не вмѣшались между нами непрошеныя личности. Какъ хочется васъ видѣть, мои милыя! Но это еще „Богу свѣдущу“, когда и какъ? Ожидаю августа съ нетерпѣніемъ. Цѣлую васъ нѣжно и искренно. Милая моя Люба, чулки для тебя и проч. вышлю, какъ только возвращусь въ Кострому. Карлъ Богд. дружески васъ обнимаетъ.

Ваша Julie.

1868 года.

25 апр.; градусъ тепла, сѣверный вѣтеръ, небо мрачно. Хороша весна, — нечего сказать! Только молишь Бога: дай силъ пережить... Состояніе здоровья великолѣпное: цѣлые дни сидишь, какъ свинцомъ налитая и дышешь— точь-въ-точь—умирающая собака. Недѣлю пролежала въ постели; сегодня поднялась и пишу вамъ, розиня ротъ отъ насморка, милые, дорогіе друзья. Оба письмеца ваши получила, не знаю, на которое отвѣчать, буду писать обѣимъ вмѣстѣ. Мысль — увидѣться съ вами, мои родные, радуетъ мою отупѣлую душу великою радостью. Хороши мы обѣ съ тобой, Люба, моя милая: я тоже обеззубѣла, постарѣла, изуродовалась. Нужды нѣтъ, мы будемъ любоваться другъ на друга. Что это, матушка, за шишки, ты меня и смѣшишь и пугаешь, тебѣ надо кровь очистить. Только-бы эту худую, неугомонную ....

надо было, немножко, эдакъ, крапивой похлестать, чтобъ она не выдумывала разныхъ разностей... Вѣдь это она, а не голова твоя придумала — помѣститься у насъ, да еще и въ кухнѣ... Конечно, послѣднее прибавлено болѣе для красоты слога. Дорогая моя! Неужели-бы мнѣ было ни пріятно помѣститься съ вами вмѣстѣ; но для этого не представляется никакой возможности. Въ-1-хъ, въ іюнѣ будутъ передѣлываться и красяться полы; матерьялъ отпускаютъ мнѣ въ долгъ, и подрядчикъ ждетъ деньги до осени. Во-2-хъ, у Карла Богдановича есть свой неодолимый капризъ и потребность быть совершенно одному по утрамъ; именно, по утрамъ онъ подверженъ припадкамъ раздражительности и мизантропіи (не шутя, меня это пугаетъ...). И въ это время только одна моя *прелестная* фигура можетъ быть ему выносима; иначе онъ измучитъ васъ да и меня своей мрачной, недовольной миной, которую надо имѣть привычку выносить. Настя по этому случаю никогда не приходитъ раньше извѣстнаго часа, а когда случится, то всегда говоритъ: „Я на минутку!“ И я всегда шутя останавливаю, на что она отвѣчаетъ: „Очень весело, наплевала-бы я! вотъ въ 10 часовъ приду“... Что дѣлать, мои дорогія, у всякаго свои странности, и только одно снисхожденіе другъ къ другу можетъ уладить и угладить жизнь. Вотъ, моя милая Люба помѣшана на жертвахъ, она, какъ дервишъ, привыкла къ истязаніямъ и жертвамъ сама, и думаетъ по себѣ о другихъ, личностяхъ избалованныхъ, эгоистичныхъ въ этомъ отношеніи. „Смѣйся, когда я тебя щиплю... вымажь что-то дегтемъ, если любишь меня“... Меня это раздражаетъ. Я сама этого себѣ никогда не позволяю и себя устраняю. Мнѣ кажется, это ставитъ въ неестественныя, неискреннія отношенія. Я не вѣрю, чтобъ человѣку было пріятно, когда его щиплютъ или кусаютъ, а если онъ будетъ меня въ этомъ увѣрять, я приму это за притворство. Я сама искренна до педантизма. Вотъ, дорогой братъ мой Поль поймetъ меня: мы съ нимъ очень сходны по натурѣ... А ты вѣдь, моя дорогая, ты, олицетворенное самоотверженіе, пожалуй, обозлишься... Только смѣй! палокъ-то у меня много... отдую! Ты думаешь, легко мнѣ отказать тебѣ: какъ тяжело еще! Ужь не Богъ

знаетъ что нанять квартирку, можно найти хорошенькую, не торопясь, лѣтомъ, это легче. Я постараюсь устроить все поудобнѣе, сама займусь. Ты только не пишешь, милый братъ, когда, съ котораго времени нанять. Я думаю, съ 1-го іюня. Май у насъ бывалъ отвратителенъ, и столица въ маѣ еще пріятна; а такъ, мы лучшіе дни пробудемъ вмѣстѣ. Домъ отдала, батиньки, поневолѣ: и на старуху бываетъ проруха... Я такъ отлично умѣла себя посадить, пожадничая на процепты, раздавъ весь капиталишка, что хоть „матушку-рѣпку“ пой. Отпустила кухарку и Евлампѣю взяла вмѣсто двухъ одну Дарью. Въ маѣ жду К. Богд. процентовъ за акціи. Это поможетъ горю немного, да и тутъ проклятыхъ страховыхъ и поземельныхъ платить придется около ста рублей. Съ мужиками дѣло идетъ туго. Впередъ буду умнѣе. Пошли и Вамъ Господь, мои милые, вы пострадались, надо и отдохнуть. И я на будущій годъ надѣюсь поправиться... „Не вдругъ, не вдругъ“... Какъ Поль говоритъ. Не умереть-бы только... Такъ и плюну, и въ гробу-то, кажется, плюну... Батюшки-свѣты! куда дѣлась весна? Настюша! милая, золотая, хорошая моя дѣвочка, позови солнышко, покричи ему на небо... Оно любитъ дѣтей съ чистымъ, добрымъ сердечкомъ и придетъ къ тебѣ, и выглянетъ изъ-за облаковъ, приласкаетъ, пригрѣетъ землю, и проснутся всѣ росточки и почечки цвѣточныя, поднимутъ головки: раскроютъ зеленыя ротики и станутъ здороваться другъ съ другомъ, а тамъ зацвѣтутъ цвѣточки, синія, бѣлыя, розовыя съ толстыми язычками, заблагоухаютъ, заживутъ, зашепчутся съ теплымъ вѣтеркомъ... А вѣдь онъ у нихъ великій разскащикъ и сказочникъ вездѣ облетаетъ, все знаетъ и приноситъ имъ вѣсти со всего Божьяго міра... Они, т. е. цвѣточки слушаютъ, слушаютъ, да и уснутъ крѣпко и сладко. Покуда они спятъ, и не чувствуютъ, что у нихъ вянутъ и облетаютъ листочки, зарождаются семена;—это ихъ дѣтки. Проснутся — гдѣ красота, гдѣ цвѣтное платьице—нѣтъ ничего, дѣтки скушали... Ну, хорошо говорятъ, хоть своимъ досталось, они зацвѣтутъ и заблагоухаютъ въ свое время... Мама твоя пишетъ, что ты учишься прилежно, какъ это хорошо, моя ра-

доетъ, какъ это пріятно знать и быть недюжинной, пустой дѣвочкой,—это все равно, что быть розой въ саду между осокой и дрянными травками... Никогда не будешь знать тоски и скуки, если будешь учиться и узнавать, что есть хорошаго, любопытнаго въ Божьемъ мірѣ... Обнимаю тебя нѣжно, моя розочка, и не терпѣливо жду съ тобой свиданья. Твоя старая тетя много о тебѣ думаетъ, и много тебя любитъ.

И такъ мои милые, родные Поль и Люба, наконецъ-то мы можемъ сказать другъ-другу: до свиданья! Пишите когда хлопотать о квартирѣ, попозже легче найти, и самой мнѣ видѣть и поискать, когда будетъ потеплѣе. Подержали-бы Михайла до этого времени, и привезли-бы его съ собой, развѣ дорого... Правда, что дорого. Здѣсь самая высокая цѣна человѣку и повару 7 руб. Ты меня другъ мой милый Люба, уморила съ описаніемъ кухарокъ и ревомъ Михайла. Чѣмъ-же кончился этотъ ревъ? Можетъ, онъ здѣсь-бы успокоился. Ну, конечно, я грубости сама не выношу... Еще ты терпѣлива. Я-бы задрала о взбѣсилась. Полинька спрашиваетъ, цвѣтутъ ли цвѣты? Плохо мой другъ: одинъ розовый кустъ потѣшилъ, который мы припрятали подъ снѣгъ на зиму, между грядъ, а въ мартѣ притащили въ комнату, и онъ великолѣпно цвѣлъ.

Будьте Богомъ хранимы, мои несравненные. Обнимаю васъ нѣжно и крѣпко. Тетѣ Ек. Евгр. мой душевный привѣтъ и поцѣлуй. *Ваша Julie.*

Карлъ Богд. дружески и нѣжно васъ обнимаетъ. Топитъ печки и ругаетъ погоду.

---

12 февраля, 1867 г.

Очень просто, милый, дорогой мой Поль, устроить дѣло. Подать записку, „что такъ какъ сестра моя вошла въ соглашеніе съ крестьянами, то ты просишь прекратить дѣйствія по этому дѣлу, а если уже приказъ пошелъ, то при исполненіи, волостной старшина объяснитъ, что мы заключили условіе. Отъ меня возьмутъ справку и дѣлу конецъ. Въ томъ-то и бѣда, что я сама думала,

что мужики отлынивают, а вышло иначе. Богаты братья Загулины, да сельскій староста. Прочіе раззорены. Хлѣбъ нынче не родился, сѣно 35 коп. пудъ. Во время пожара хлѣбъ сгорѣлъ. Попробовали полицейскими мѣрами (ѣздилъ туда Иваншицевъ). Сдѣлали сходъ, опись, по описи оказалось имущества рублей на 200; сдѣлавъ разъ опись и продавъ съ аукціону имущество, я только и могла получить, два раза не продаютъ съ аукціону. Ивашинцевъ разсчелъ, что лучше въ 7 лѣтъ да все, чѣмъ единовременно 200 руб. да и сдѣлалъ условіе. Москвинъ умеръ, хлопатать некому. Вотъ отъ чего и случилось это неожиданно. По крайней мѣрѣ, я убѣдилась, что мужики точно бѣдны. Можетъ, Люба бурлить, я не разсержусь; люблю еще, какъ бурлятъ. Энергія видна. Видно, что еще человѣкъ въ силѣ. Пишу сейчасъ же. Тороплюсь. Я не оборвала себя. Получила съ жидовки и прислала вамъ. Нѣтъ, батенька мой, я не такая восторженная, чтобы остаться голодать. Можно раздѣлить—раздѣлю. Моя собственная личность всегда на первомъ планѣ. Но эти деньги, голубчикъ твои; тутъ пришлось-бы и оборваться ничего—это святое дѣло—долгъ платить. Еслибы были лишніе и своихъ-бы прибавила. Если ты идеалистъ—тѣмъ хуже для тебя, мой другъ: идеалистамъ плохо въ нашъ вѣкъ. Путь жизни и безъ того тернистъ, а тутъ еще самъ будешь подкладывать себѣ колючки. Можетъ быть, въ этомъ есть особенное наслажденіе, вознаграждающее съ избыткомъ страданіе?.. Это другое дѣло. Для меня нѣтъ въ этомъ наслажденія. Не всѣмъ-же быть распятыми на крестѣ, и Христосъ-то пожертвовалъ собой для того, чтобъ легче было человѣчеству, чтобы другіе меньше страдали.

У Горяйнова теперь денегъ нѣтъ; но онъ продаетъ лѣсъ, продаетъ островъ въ Самарѣ. Вотъ, почему онъ и обезпечиваетъ меня закладной, усадьбой и надѣлами. На этотъ счетъ я покойна. На поѣздку въ Москву мнѣ не Богъ вѣсть что надо. Если предположить 5 р. въ день,—то выйдетъ полтораста въ мѣсяцъ, съ дорогой 200,—вотъ и все. Еслибъ у Горяинова были деньги—онъ-бы не занималъ; нѣтъ выгоды платить проценты. Онъ два мѣсяца назадъ заплатилъ К—ву 12 т. продалъ каменный

недостроенный домъ на Волгѣ, по набережной домъ былъ въ залогѣ. Онъ только и стремился уплатить долги, которому разорительно платить проценты. Ты можешь, мой дорогой, говорить и не говорить о своихъ дѣлахъ: въ 1-мъ случаѣ—встрѣтишь участіе; во второмъ—деликатное терпѣніе. Вотъ, здѣсь, дружба хороша и удобна; а то чортъ-ли въ ней, какъ она деретъ у меня изъ кармана, да вмѣстѣ съ собой тащитъ въ болото... Эдакъ, не только другъ и мужъ женѣ опротивѣетъ. Чему здѣсь и вижу примѣръ на княгинѣ Ухтомской. Обожала мужа, все имѣнье свое для него пожертвовала, а теперь возненавидѣла и разъѣхалась, чтобъ не умереть голодной смертію. Прощай, мой дорогой; самой хотѣлось-бы поговорить съ тобой всласть. Мы сговоримся съ тобой, я знаю; разница между нами кажущаяся; е все таки мы „одного поля-ягода“.

Обнимаю васъ всѣхъ горячо, нѣжно и дружески.

Julie.

---

76 года.

Милые, дорогія друзья мои! Поздравляю Васъ съ дорогой имянинницей и съ праздниками. Ждала-было васъ на праздники... но дѣлать нечего, придется ждать еще. Дѣла бездна; надо все устроить и обдумать. Здоровье плохо. Радость моя Настюша патріотка! Ты сегодня имянинница для мамы и папы, а лѣтомъ будешь имянинницей для меня. Цѣлую и обнимаю Васъ, вмѣстѣ съ мужемъ, мои дорогіе, близкіе, милые.

Ваша *Julie.*

---

45 года.

Воистинну Воскресе.

Милый, дорогой Братъ! Давно стремлюсь писать тебѣ, но все проклятая хворость останавливаетъ, къ ней еще присоединилось глубокое огорченіе и невыразимое сожа-

лѣніе о невозвратной и тяжелой потерѣ нашего милаго Жозефа нѣтъ уже болѣе на свѣтѣ; онъ скончался 16 февр. Смерть не щадитъ и не разбираетъ своихъ жертвъ. И папа напугалъ насъ: очень прихворнулъ на святой недѣлѣ. Ради Бога, не давай упускать мнѣ тебя изъ вида, мало-ли что можетъ случиться; а я, пожалуй, не буду знать, гдѣ ты, куда адресовать извѣстіе. Напиши мнѣ твой постоянный адресъ. Теперь папѣ лучше и онъ внѣ опасности; но въ его годы много-ли надо? Онъ тебя нѣжно цѣлуетъ и благославляетъ со всей твоей ссмьей.

Можешь себѣ представить, что папа выдержалъ воспалительное кровотеченіе, съ гноемъ, мочеваго пузыря, и теперь поправляется, голубчикъ. Все это меня ужасно разстроило и одурило еще болѣе.

Цѣлую тебя вмѣстѣ съ Настюшей твоей нѣжно и крѣпко. Настя Федорова обнимаетъ тебя и крестницу. Карлъ Богдановичъ дружески тебѣ привѣтствуетъ.

Будьте Богомъ хранимы. Всей душей тебя неизмѣнно любящая сестра.

Ю. Жадовская.

1868 г. апрѣля 15.

Вотъ мои милые, дорогіе, посылаю письмо къ Вѣрѣ. Потрудитесь передать. Въ сентябрѣ Ник. Ник. Жадовской сказалъ мнѣ ихъ адресъ: на Маховой, домъ № 4-й, (домъ Тройницкаго); не знаю, тамъ-ли онъ теперь. Люба, моя родная, отыщи и передай письмо. Вѣра и въ этомъ забыла объ адресѣ, а мнѣ ужъ совѣстно и досадно казаться передъ ней невѣжей.

Здоровы ли, дружки? Получи-ли мои прелестныя письма? На той недѣлѣ, вышлю тебѣ, Полинька прелестное предложеніе Миров. и копію съ моего письма къ нему, на которую онъ не удостоиваетъ отвѣтомъ. Ты мнѣ другъ, и скажешь нужно ли, докладную записку Губернатору, или прямо министру? У насъ все, пока благополучно; ни зима, ни осень, погода, давящая душу; вце-

реди дѣла и забота, по временамъ табельки, кончающаяся 4-мя и даже 2-мя копѣйками! равныя игроки.

Поминутно, переношусь къ вамъ мыслею, бѣгаю и устаю вмѣстѣ съ Любой; забочусь и мечтаю съ тобой, дорогой братъ мой; жду письмеца. Какашки стоятъ на этажеркѣ. Вышлите, батенька, пилюли; да уподобились симъ какашкамъ. Ихъ .... напоминаютъ мнѣ Настюхончика милаго. Цѣлую его нѣжно. У меня моя дѣвочка учится хорошо

Карлъ Богд. обнимаетъ васъ тепло и сердечно; а я еще теплѣе и сердечнѣе. Да хранитъ Васъ Господь всѣхъ моихъ милыхъ.

Ваша *Julie*.

26 апрѣля 1873 года.

Много-бы написала вамъ, мои дорогія друзья, еслибъ были силы да здоровье, — въ эту болѣзнь сестрицу такъ прихватило, что думала уже ad padres. Теперь отдышалась; памяти нѣтъ, то то забуду, то другое. Стала очень слаба; превратилась въ купчиху Бѣлотѣлову (свад. Бальзаминова), „тамъ посижу да здѣсь посижу“. Чтобъ пройти отъ конца до конца анфиладу нашего дома, взадъ и впередъ, надо 108 разъ сестрицѣ передвинуть ножки. Господи ты Боже мой, еслибъ Вы знали, какъ здѣсь хорошо! Жаль, что поздно, въ концѣ моей жизни, посланъ мнѣ этотъ эдемъ; не столько по красотѣ люблю его, а по тому сладкому чувству, которое онъ разливаетъ въ душѣ.

27. Выползла на балконъ. Здѣсь чудные два балкона: южный и сѣверный, первый въ садъ, съ послѣдняго на три стороны кругомъ прелестныя ландшафты и всѣ наши луга и поля, какъ на блюдечкѣ. Просто — очарованіе. Сами увидите. Вѣроятно, милая Настюша, когда вы получите это письмо мое, то проѣхать будетъ уже можно; но раньше половины мая нельзя. У меня теперь малолюдство—кончился срокъ рабочимъ, а нанимать не хочется, да и трудно.

Поль интересуется садомъ—это жилище фей и сильфовъ оглашается теперь хоромъ птицъ; даже Авд. Сем. въ экстазѣ, и отъ удовольствія вымыла себѣ ноги въ канавѣ и охрипла. Царапаетъ листъ съ дорожекъ и мечтаетъ объ Настасьѣ Павловнѣ. Говоритъ, что такого сада въ жизни не видала! а я-то, грѣшная, только изъ окна его вижу, и вижу только половину, потому что онъ идетъ внизъ тремя уступами.

Другъ мой, Настюша большая, купи садовый ножикъ, да если хочешь утѣшить К. Б—ча, то нѣкоторые столярные или скорѣй слесарные штуки, если не дороги. Вотъ эту штуку, что стругаютъ дерево. Она не велика. Вотъ, какая память проклятая, что-то очень нужное забыла.

Ну, прощайте, мои милыя, дорогія сердцу Поль, Люба, двѣ Настюши, до свиданья, столь желаннаго; будьте Господомъ хранимы.

Ваша Julie.

PS. Еще травы нѣтъ и скотина на дворѣ, завтра выпустятъ, вѣткомъ чтобъ обдуло.

Привезите, други, шоколаду и кофею, здѣсь мерзость. Это и въ Ярославлѣ купите. Консервовъ зелени и кореньевъ, весна поздняя, не скоро дождешься. Да лимоновъ, Христа ради.

Не медлите выѣздомъ, Настя большая, душа моя, все хозяйство стоитъ. Какое дѣло безъ хозяина. Ужь повеселились, слава Богу.

Не забудьте, свѣтики, персидской ромашки.

PS. 3 мая. Подлецъ Орловъ выдралъ изъ саду почти всѣ цвѣты и ягодныя кусты. Надо разводить. Садъ очень запущенъ, но какъ хорошъ! Распутица задержала письма.

---

29 октября 1862 года.

Не посѣтуйте, дорогія, милыя друзья Поль и Люба, что такъ долго не отвѣчала вамъ. Обыкновенно, ваша прокислая сестрица хворала. Деньги и письмецо получила. Васъ, матушка-исправница, благодарю за ваши ве-

ликія милости *ко мнѣ — свиньи*. Я сама заслужу вамъ, сударыня. На ваши три рубля купила себѣ для леченья винограду, который очень мнѣ помогаетъ. Деньги твои, дружокъ, пришли очень кстати, у сестрицы въ казнѣ лежалъ одинъ двугривенный, она стенала и ждала оброковъ, огрызаясь на Катерину, когда та требовала корму для куриць; грозила даже всѣхъ ихъ нерекалоть; присланныя вами деньги спасли и куриць, и Катерину отъ рыданій по нимъ и меня отъ преступленія...

Голубчикъ мой Люба! какъ ты ошиблась, предполагая во мнѣ такія разсчетливо-низкія чувства! Я очень ясно видѣла, что у тебя есть что-то на душѣ противъ меня; это меня оскорбляло и огорчало. Я думала, что ты сердишься и приписываешь мнѣ разныя выходки, почти тогда какъ я ни душой, ни тѣломъ не виновата. О домѣ мнѣ и въ голову не приходило. А тутъ мнѣ стали передавать, что ты меня ругаешь. Положимъ, что это сплетни, а все мнѣ было горько. Я имѣла глупость высказать однажды неудовольствіе противъ отца, что онъ, крадучи отъ меня, передалъ домъ, и это было мнѣ обидно, какъ будто я могла быть противъ этого! Какъ будто вы мнѣ не близки и не дороги. Но, милыя мои, сами посудите, какъ мнѣ было не обидѣться. За недѣлю до моей свадьбы, отецъ, говоря со мной о замужествѣ съ Севеномъ, сказалъ: „вотъ, этотъ домъ твой, хотите—живите въ немъ, я выѣду и найму маленькую квартирку". Вѣдь я, можетъ быть, и не рѣшилась-бы выйти замужъ, еслибъ знала, что онъ домъ передаетъ. Вѣдь вотъ онъ что со мной надѣлалъ! Я думала, что я буду имѣть порядочный кусокъ хлѣба. Такъ вотъ мнѣ и было обидно, зачѣмъ онъ обманулъ меня. Поймите, друзья, что противъ васъ я не могла имѣть никакого непріятнаго чувства, чѣмъ вы тутъ виноваты? Вотъ, какъ-бы вы меня передъ отцомъ очернили, поссорили насъ, а вы и сами этого не ожидали. Ради Господа, разъ навсегда, выбрось всѣ обманчивыя подозрѣнія изъ души. Любви моей и привязанности къ вамъ ничто не вырветъ, современемъ и я докажу вамъ это. Кому мнѣ милыя беречь и жадничать? Я бьюсь изъ необходимаго. Мужъ мой человѣкъ не корыстный. Я разъ какъ-то намекнула ему, что ему хоть небольшую

часть надо послѣ моей смерти взять, чтобъ не нуждаться подъ старость, такъ онъ замахалъ руками и отвѣчалъ: что онъ и на свѣтъ-то будетъ стыдиться смотрѣть, что у меня есть братъ. Прочіе всѣ имѣютъ свое.

Голубчики мои! я непремѣнно пріѣду къ вамъ по зимнему пути. Только, что это вы хлопочите высылать деньги. Ради Бога, не обрывайтесь. Я пріѣду и безъ этого. Теперь получила оброки и буду экономить. Только бы не захворать, какъ-нибудь особенно, а то непремѣнно пріѣду. Три недѣльки этто прокашляла; ночи не спала, измучилась. Вы думаете, мнѣ самой-то не хочется у васъ побывать? Развѣ мнѣ не отрада быть съ вами, мои родные? Истинная привязанность всплываетъ всегда на верхъ. Цѣлую васъ нѣжно и крѣпко милый мой тріумвиратъ,—за себя и за Севена. Безцѣнной тетушкѣ мой нѣжный поцѣлуй и почтеніе. Будьте Богомъ хранимы, а *Рудзой* любимы... Кстати о Рудзѣ—онъ въ горѣ: новый театръ здѣсь сгорѣлъ... Какъ? Отъ чего? Богу свѣдущу... Кащеева не видала. Если нужно что—поручи мнѣ, моя милая Люба.

Еще разъ васъ обнимаю.

Ваша Julie.

1871 г.

Дорогая моя, несравненная Люба! Вотъ, уже два письма получила я отъ васъ, мои милые, близкіе сердцу друзья, два письма, заставившія меня и плакать и смѣяться. Что это, голубчики мои, можно-ли такъ бѣсноваться и отчаяваться! Точно, въ Сибирь мою милую дѣвочку услали! Всегда можете видѣть ее, всегда на глазахъ. Институтъ принесетъ ей великую пользу: во 1-хъ, выправитъ ей характеръ и манеры; во 2-хъ, очиститъ ее головку отъ тумана, нанесеннаго непомѣрнымъ чтеніемъ романовъ. Еще сильна и здорова ея мозговая система, что не свихнулась отъ такого множества сильныхъ впечатлѣній, судорожныхъ сценъ французской школы. Письмо, ее—это чисто порожденіе романическаго настроя, она писала его, воображая не себя, а какую-то героиню, страст-

ную и несчастную, любящую до безумія. Она сама себѣ сочиняла романъ, и ей было сладко, какъ отъ сказки. Уморила она меня со смѣху! А ты, моя Люба, еще лучше, что приняла это серьезно, къ сердцу! Да развѣ я не вижу, что это чистѣйшее дѣтство! дѣвочка истинно страстная не обратится къ девятилѣтнему мальчику, не безпокойтесь, она выберетъ взрослаго. Надо показать ей все это съ смѣшной стороны и посмѣятся надъ этимъ при ней, а не принимать строго, что придастъ романической колоритъ всей этой кукольной исторіи и заставитъ подумать, что она и вправду влюблена и несчастна и нѣжные, но не понимающіе ея чувствъ родители, возстаютъ противъ ее страсти. Ради Бога, не журите ее, а смѣйтесь надъ страстными выраженіями ея письма; по временамъ поддразните немножко...

Ты мнѣ душу истерзала, родная моя, описаніемъ своей горести и адскихъ душевныхъ страданій; съ ума спятили, батеньки. Васъ стоило крапивкой похлестать. Это ужъ просто душевно-болѣзненное состояніе. Ну, что-же! Убьете себя преждевременно и когда дочурка опять будетъ съ вами, пожалуй, и силъ не достанетъ насладиться этимъ счастіемъ. Досадно, что я не была съ вами: участіе друга, вѣрно, было-бы полезно.

Вотъ, и Настя отправилась къ тебѣ; это бѣдная, измученная птица очень меня заботитъ. Но я знаю, что моя любящая, дорогая Люба встрѣтитъ свою сестру съ душевнымъ привѣтомъ и непритворнымъ теплымъ участіемъ. Царство Христа—любовь и доброта, взаимная помощь и снисхожденіе, пусть-же окружитъ насъ это царство и засіяетъ въ душахъ и дѣлахъ нашихъ немерцающимъ свѣтомъ. Карлъ Б—чъ прихварываетъ: у него отрыгнулась прошлогодняя спинная боль. Начинаю, понемногу привыкать къ дому, а то все была точно въ гостяхъ. Хандра и меня разбираетъ. Хмурая осень, нахально лезетъ въ глаза. Хорошо еще, что Брониславъ (молодой Карницкій) отлично играетъ на фортопьяно, и намъ поетъ, и разгоняетъ скуку. Дождусь-ли я васъ вѣрныя друзья мои! Такъ и хочется эти большія, почтенныя покои наполнить вами... Авось,—Богъ милостивъ... придетъ эта пора. Обидно, что разрушаетъ себя понапрасну.

Еще, пожалуй, и кувырнется который нибудь,—одолжитъ премного. Экъ, до чего, голубчикъ Поль, дошелъ, на-ка! Коровой заревѣлъ. „Бить тебя надо, бить,—больно бить!“ Какъ говаривалъ покойный дядя Никандръ Н—вичъ.

Спѣшу, мои ненаглядные, кончить письмо, а то, пожалуй, не примутъ. Здѣсь такіе порядки, надо наканунѣ и рано утромъ. Да, скучно, что долго письма идутъ... Далекъ и шумъ большаго свѣта... За то лѣсомъ пахнетъ, и рѣка въ двухъ шагахъ. Говядина 5 коп.; 30 циплятъ на дворѣ, дичи не оберешься. Только, обида — грибовъ нѣтъ. Но ужь я достану и пришлю. Теперь не ждите скоро письма, послѣ завтра слягу въ постель; пріятная картина. Какъ вся жизнь изпакощена,—ни на что не похожа. Если не жаль было милыхъ, такъ хоть сейчасъ бы въ могилу, на покой старушкѣ пора, — нечего небо коптить. Ну, вотъ, еще и на васъ наведу хандру или *харю*, какъ говоритъ Авд. Семеновна. Цѣлуетъ ваши ручки, а пуще Настасьи Павловны, ждетъ, какъ она выйдетъ замужъ и она будетъ няньчиться съ ея дѣтьми. Буй ей очень не нравится! скучно говоритъ,—ужь городъ—хуже деревни... Дай Господи, чтобъ все для Васъ устроилось. Интересная исторія съ Бор. В...! Жду, съ нетерпѣніемъ, чѣмъ это коичится.

---

28 мая 1870 года.

Предпослѣднее письмецо Ваше, мои милые, родные друзья, получила уже больная моей болѣзнью, которая нынѣшній разъ была очень тяжела и длилась около 9-ти дней; вчера, уже раскисшая отъ жару, разложила передъ собой бумагу перо и проч., чтобъ писать Вамъ, какъ приносятъ Ваше письмо. Обрадовалась, разцѣловала васъ всѣхъ мысленно, и ослабѣла отъ радости. Не смѣйте, милостивый государь, братецъ ставитъ зеро Вашей супругѣ, газета издается не для Васъ,—вы только редакторъ, а я публика, въ публикѣ все дѣло, я ставлю полные балы, батюшки! пришлите мнѣ книжку стихотвореній вновь напечатанныхъ. Хорошъ братецъ, не присылаетъ. Счастливѣйшій ты изъ смертныхъ! ты еще

находишь поэтическій языкъ, чтобъ говорить съ людьми нынѣшняго поколѣнія. Нѣтъ, ужь я кланяюсь и благодарю... „До лясу, до лясу“! Если ты можешь лишь вообразить легкой *серной*, убѣгающей въ лѣсъ... Да нѣтъ, едва-ли! Сейчасъ вспомнится одышка и раскислая фигура. Ну, все равно, изобразимъ душу, удаляющуюся отъ суетъ міра. Голубчикъ ты мой! Спасибо за букетъ изъ солняныхъ лучей... Насъ жаритъ нынче порядкомъ, но я все-таки нахожу, что „паръ костей не ломитъ“. Карлъ Богд. очень одобряетъ гидроферическія ванны. У насъ есть такой шкапъ, нужно только насосъ и тонкую сѣтку придѣлать. А ты, моя труженица и страстотерпица, милая моя, дорогая Люба и хвораешь и дѣло дѣлаешь; да хранитъ тебя Господь и да наградитъ тебя полнымъ успѣхомъ, на радость тебѣ и всѣмъ близкимъ. Много цѣню твои хлопоты, моя безцѣнная, и сама заслужу сколько смогу. Это-бы мнѣ была большая поддержка въ настоящее время. Теперь, у меня большой погромъ: крышу перекрываютъ, полы красятъ на той недѣлѣ въ этомъ домѣ полы перебирать будутъ; не знаю, куда дѣться, я думаю на это время въ номеръ переѣхать. Спасибо архитектовъ Окербломъ взялся, а то намучилась-бы я съ рабочими. Хотѣла было желѣзную крышу, да какъ сдѣлали смѣту—одинъ матеріалъ 500 р. стоитъ. У меня, братцы, въ глазахъ позеленѣло. Осталась при деревянной, вчера 200 рубликовъ отдала, вотъ, процентики и улетятъ къ черту. Еще придется 200 отдать. Съ Горяиновымъ на половину раздѣлаюсь безъ хлопотъ; а другая половина будетъ въ іюлѣ; вотъ и сиди на 5-ти процентахъ; вѣрнаго закладу не скоро найдешь. До половины іюля не могу ничего сказать вѣрнаго Постараюсь, непремѣнно повидаться. Хорошо еслибъ Карницкій получилъ надѣлы. Долговъ у него уже нѣтъ; за долги продано его имѣніе и я сама видѣла отчетъ, присланный черезъ полицію, гдѣ сказано, что суммой за имѣніе уплочены всѣ долги, да еще 3 тысячи осталось, о которыхъ два раза былъ запросъ куда выслать и два года не высылаютъ и молчатъ. Вотъ, все, что я знаю. Развѣ еще какія контрибуціи найдутся: Похлопочи, родная моя, выкупная сумма не маленькая.

Черезъ мѣсяцъ—это было-бы очень милостиво. Настя, послѣ завтра уѣзжаетъ въ Панфилово. Она была въ губерніи по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, я протурила ее туда, спрашивала, какъ пишется просьба, т. е. форма просьбы въ земскій отдѣлъ, и ей сказали, что надо писать письмомъ къ Цеймерну о высылкѣ по мѣсту жительства. Она не вѣритъ, и потому напиши форму просьбы, когда она понадобится. Бѣдный старикъ терпѣлъ и ждалъ 9 лѣтъ, глотая горькій хлѣбъ чужой помощи; привыкли жить бариномъ, онъ ежился и жался, конечно, въ непривычной ему роли, отъ того, подчасъ и казалось намъ въ немъ многое страннымъ, и какъ будто неискреннимъ. Я убѣдилась, что онъ честный и хорошій человѣкъ, а что всего рѣже—благодарная душа. Ну, ужь жарина, други! 25 градусовъ сегодня, съ Востока туча лѣзетъ, гремитъ сердито. Сестрица боится, нервы ея не выносятъ электричества. Какъ хотѣлось бы послать чего-нибудь Настюшѣ, моей ненаглядной, да не могу придумать. На платьице-бы прислала, съ удовольствіемъ; напиши, мой другъ, нужно-ли оно будетъ въ институтѣ, вѣдь тамъ казенное будетъ, такъ и боюсь, не прислать-бы ненужнаго чего. Ну, матушка, уморила она меня съ ея регулами... даже сердце замерло. Да хранитъ ее Господь отъ всѣхъ болѣзней и непріятностей; рано, по *нашенски*, начинается жизнь. Пусть она будетъ долга и свѣтла и озарена теплой любовью и искренней дружбой.

И у меня что-то скулу начинаетъ ломить, видно отъ жару.

Простите, мои хорошіе, дорогіе, милые, до свиданья до будущаго письма. Карлъ Богд. горячо обнимаетъ Васъ всѣхъ.

---

8 февр. 1861 г. С.-Петербургъ.

Наконецъ мы въ петербургѣ, милый братъ, и совсѣмъ устроились, квартира довольно сносная, и въ самомъ дѣлѣ со всѣми удобствами, а въ сравненіи съ московскими по цѣнѣ даже роскошна; три просторныя комнаты

вполнѣ омеблированныя, сухія и теплыя. Хлопоты и дѣла Любы идутъ довольно удачно, и ты можешь быть покоенъ на ея счетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ ты поживаешь мой милый. Насъ очень заботитъ твое настоящее положеніе съ ребенкомъ. Я, кажется, только тогда вздохну свободно, когда это ненавистное положеніе изгладится къ лучшему, когда вы оставите Москву, нелюбимую мной, отсталую скучную. А знаешь, я даже боюсь Москвы всякій разъ, когда я въѣзжаю въ нее, какое-то странное чувство давно, давно уже неиспытываемое мною захватываетъ мнѣ душу... Это лукавое веселіе, мой другъ, я не вѣрю ему и гоню его, я даже не хочу спросить откуда оно, и какъ смѣло закрасться въ мою душу. Я знаю, что когда нужно, я проснусь для борьбы и побѣды надъ собой, но я утомлена жизнію, и измучена обстоятельствами близкихъ мнѣ людей; мнѣ, какъ узнику, хочется иногда простора и свѣта, вотъ отъ чего я малодушно прислушиваюсь въ послѣднее время къ ощущеніямъ выходящимъ за кругъ заботъ и страданій обыденной жизни... Это пройдетъ. Надо трудиться и не отступать отъ своей цѣли. А ты знаешь цѣль моей жизни: она состоитъ въ томъ, чтобъ быть человѣкомъ, чтобъ по возможности проводить въ жизнь свои убѣжденія, чтобъ изъ угодничества къ пустымъ условіямъ свѣта не называть зла добромъ, чтобъ не отрекаться отъ ученія Христа, то изъ выгоды ни изъ страха суда людскаго. Людской судъ ты знаешь, какъ я смотрю на него. Нѣтъ для меня страшнѣе суда моей собственной совѣсти. Но я заговорилась о предметѣ давно рѣшенномъ. Вокругъ меня болтаютъ и хохочутъ Люба съ Настей и путаютъ мнѣ мысли. Я такъ рада, что Люба, хоть на минуту развеселилась. Она была такъ печальна все это время, что мнѣ было тяжело глядѣть на нее. Я видѣла, что есть что-то, помимо дѣловыхъ заботъ, что мучитъ и тревожитъ ее. Наконецъ, прилагаемое здѣсь письмо къ тебѣ объяснило ее хандру. Ее очень огорчаетъ перемѣна Сер. Сер. Волкова къ вамъ, она ломаетъ голову, стараясь, угадать, откуда она происходитъ. Зная ее мнительность, я долго увѣряла ее, что это ей такъ кажется; но она представила мнѣ факты, надъ которыми я призадумалась. Первое то, что

Сергѣй Сергѣевичъ рѣшительно отказался помогать вамъ деньгами, и сказалъ, что онъ готовъ быть вамъ полезенъ всѣмъ, кромѣ денегъ, что составляетъ, судъ по ея словамъ, рѣшительный контрактъ съ прежними его намѣреніями и увѣреніями, состоявшими въ томъ, что онъ никогда не перестанетъ помогать вамъ въ трудныя минуты жизни. Милый братъ! это въ самомъ дѣлѣ странно. Такой человѣкъ, какъ онъ, не измѣнитъ своего расположенія такъ, по одному капризу.

Я мало знаю его, но все-таки могла замѣтить, что не смотря на всю свою доброту и благородство, онъ мнителенъ и недовѣрчивъ, вѣроятно, вслѣдствіе многихъ обмановъ въ жизни; многихъ разочарованій въ людяхъ. Эти обманы, эти разочарованія болѣзненно и ярко дѣйствуютъ на впечатлительную, благородную и любящую натуру, и вредятъ ей тѣмъ, что дѣлаютъ ее пугливой и недовѣрчивой даже при сестрѣ съ людьми стоющими довѣрія и расположеніе Н. съ нимъ однимъ это случается: бываетъ что-то роковое, какъ будто преднамѣренное въ случаяхъ жизни. Есть какое-то ослѣпленіе въ натурѣ человѣка, которая на зло всѣмъ его стремленіямъ, заставляетъ его проходить мимо всего, что могло бы принести ему счастіе и, вотъ онъ незамѣтно плыветъ далеко отъ цвѣтущихъ благословенныхъ береговъ и причаливаетъ къ одинокому пустынному, безплодному, острову. Сдѣлать это безсознательно—несчастіе, дѣлать это съ намѣреніемъ—или фанатизмъ, или нравственное самоубійство, или пошлое пониманіе безконечно-милосердаго безконечно-гуманнаго ученія Спасителя. Но я все предаюсь теченію моихъ мыслей, отъ чего письмо выходитъ смутно и безалаберно. Прости, ради Бога, на меня нашла такая минута раздумья и разглагольствованія. Вмѣсто того, чтобъ говорить съ тобой, я говорю сама съ собой; не придавай, пожалуйста, никакого особеннаго смысла моимъ отступленіямъ отъ цѣли. И такъ, слова Любы навели меня на странныя подозрѣнія. Я думала и ничего не могла придумать, кромѣ рѣзкости твоего послѣдняго письма къ Волкову, которое ты не хотѣлъ показать намъ... Какъ вдругъ попадается мнѣ письмо Елагиныхъ, которое Люба нечаянно захватила съ бума-

гами, я читала его еще въ Москвѣ у васъ, но не обратила большаго вниманія, меня смѣшилъ только лживый тонъ и грубый слогъ. Теперь-же оно попалось мнѣ въ минуту усилій догадаться и я, смутно припоминая нѣкоторыя фразы, снова перечитала его. На этотъ разъ меня поразило непріятное чувство и я не нашла его забавнымъ. Помнишь-ли ты то мѣсто въ письмѣ, гдѣ Елагины говорятъ, что Волковъ на васъ сердится и говоритъ, что будто мы насмѣхаемся надъ нимъ, что онъ показалъ имъ всѣ ваши письма и *даже мое*? Что-же значитъ, мой милый? Положимъ, что эта глупая клевета Елагиныхъ на Волкова, (да, я увѣрена, что эта самая нелѣпая клевета). Что Волковъ слишкомъ образованъ и уменъ, чтобъ рѣшиться показывать наши письма такимъ дубинамъ какъ Елагины, съ которыми у него никогда не можетъ быть ничего общаго и интимнаго; но все-же не даромъ, не безъ намѣренія осмѣлились онѣ клеветать на него; и если ужь осмѣлились, то что мудренаго, что и сами могли наврать ему на васъ разные нелѣпости, изъ злости и зависти, что не они, а вы пользуетесь его расположеніемъ. Я знаю, какъ они мастерски лгутъ, (только я одна умѣю разоблачать ихъ ложь. Что-же мудренаго, что Волковъ, зная, что они близки къ вашей домашней жизни и усумнился.

1868 года.

Милые друзья Поль и Люба! Я не понимаю, почему и за что вы изволите на меня гнѣваться и всячески меня задирать, что еще я замѣтила въ Костромѣ изъ всѣхъ поступковъ, въ особенности твоихъ, милостивая государыня Любовь Никандровна. Я человѣкъ миролюбивый; отъ всѣхъ ссоръ и дрязговъ удаляюсь, да и вообще отстраняюсь отъ всѣхъ, кто не благоволитъ ко мнѣ. Въ добрый часъ! Гнѣвайтесь, если это вамъ нравится. Сами же вы творили разные фарсы, да на меня сваливаете. Сидѣли три недѣли въ Ярославлѣ, и пр. и ни строчкой не дали знать, гдѣ вы: потомъ пропали въ Питеръ и ровно мѣсяцъ тоже ни пикнули. Пріѣзжаютъ въ Ярос-

лавъ Павлиновы. Папа изъявляетъ свое сомнѣніе на счетъ вашихъ обстоятельствъ, думаетъ, что вы и Богъ знаетъ, что съ вами сдѣлалось. Павлиновы говорятъ, что вы имъ еще и въ Касторову писали. Какъ хотите, это было непріятно. Я вѣдь очень хорошо понимаю, куда вы, милостивая государыня Любовь Никандровна, изволите тянуть, увѣряя, что вы три письма писали и ни одно не дошло... Если угодно то я сама точно такія-же три письма писала вамъ и вы ихъ не получили... Напрасно ты думаешь, милая, бросить тѣнь на меня. Всѣ, кто меня близко знаетъ, увѣрены, что я ни къ какой низкой интригѣ не способна, и скрывать вашихъ писемъ не намѣрена. Очень мнѣ нужно, исправникомъ мой братъ, или трубочистомъ. Вотъ, нашли низкопоклонницу. Да что я жалованье что-ли отъ васъ получала! Я каплей больше отъ тебя не взяла того, что сама дала; и вообще я только боялась, оскорбить родственное чувство, отказавшись отъ двухъ шерстяныхъ платьевъ и 10 рублей, присланныхъ мнѣ на дорогу и по твоей-же просьбѣ оставленныхъ у меня на виноградъ. Слава Богу, что я не гостила у васъ! теперь-бы вы меня каждымъ кускомъ выкорили. Удивляюсь я тебѣ, милый братъ! можно быть колпакомъ своей жены, но не до такой же степени. Всякую глупость, которая ей придетъ въ голову, ей, женщинѣ нервной, раздраженной, ты готовъ повторить и привести въ исполненіе. Виновата я, что папа захочетъ сдѣлать то или другое! Развѣ вы настроивали его отдать Настѣ домъ? Это была его добрая воля. Развѣ я сердилася на васъ, подозрѣвала васъ? Да никогда еще мы не были такъ дружны, какъ въ то время. Теперь, вдругъ ему пришло желаніе продать мнѣ домъ. Ну чѣмъ я виновата? Я отказывалась и отговаривалась, сколько могла, но не могла не исполнить его желанія, сердитесь, сколько хотите. Совѣсть моя чиста и покойна. Этотъ домъ считался моимъ 15 лѣтъ. Былъ мнѣ подаренъ и на словахъ и крѣпостнымъ завѣщаніемъ, и я считаю его своей неотъемлемой собственностью, а поступокъ папа внушеніемъ Провидѣнія и чувства справедливости. Переѣзжаете съ мѣста на мѣсто и не даете адреса. Долго-ли вы пробудете въ Москвѣ ничего не знаемъ.

Цѣлую васъ обѣихъ вмѣстѣ съ крошкой. *Ваша Julie.*

Если ужъ такъ необходимъ указъ объ отставкѣ и черезъ это теряется карьера Поля, то не лучше-ли тебѣ пріѣхать самой и похлопотать, особенно изъ Москвы, это очень не трудно да и не дорого. Ты меня уморила, Люба, своей фразой: „у нихъ все письма пропадаютъ“. Да ваши все пропадаютъ. Я отъ всѣхъ получаю, кромѣ васъ. Ты бы еще больше оскорбляла Настю, да ждала-бы отъ нея писемъ. Совсѣмъ-то вы, видно, помѣшались отъ хлопотъ и горя, мои милые. Рада-бы я вамъ помочь, да сама едва концы съ концами свожу. У меня, знаете, своя семья. Отъ того я никому и не обѣщаю благодѣяній, а ужь скажу, такъ сдѣлаю. А кто вамъ не велѣлъ написать отцу прямо, что вы нуждаетесь. Поль пишетъ глухо: тяжело безъ средствъ. Обратитесь къ нему яснѣе и прямѣе. Онъ слышалъ, что вы получили пособіе и былъ покоенъ. Кто же зналъ, что вамъ голодная смерть предстояла. А здѣсь на имя Катерины Евгр. лежатъ на почтѣ 28 р. с. да тебѣ письмо изъ Чухломы. Это все пришло въ то время какъ мы были въ Ярославлѣ. Сейчасъ Катерина мнѣ объявила.

Что у васъ за манера не писать адреса. Вѣдь адресъ затеривается, перемѣняется. Вотъ и теперь, куда писать: Богъ вѣсть.

Письмецо твое, милый братъ, получила отъ пана Кульборскаго на третьей недѣлѣ велик. поста. Панъ, кажется, очень добрый и милый малый. Въ это время гостилъ у насъ папа, который тоже радъ былъ услыхать объ васъ живую вѣсточку. Какъ вы поживаете, друзья мои? Вотъ ужь и праздникъ на дворѣ; время летитъ, какъ сонъ... даже страшно становится—того и гляди очутишься на краю бездны, темной и неизвѣданной. Поздравляю васъ съ наступающимъ Христовымъ Воскресеньемъ желаю вамъ встрѣтить его свѣтло и радостно. Мы покуда, слава Богу, здоровы и по возможности счастливы. Конечно, есть также свои заботы и безпокойства, но это уже такая необходимость, съ которой невольно примиришься. Вѣрю, что и тебя мучатъ подчасъ жи-

тейскія заботы. Всѣ мы ищемъ какого-то берега, гдѣ-бы можно было отдохнуть, а въ сущности вѣчно плаваемъ по открытому морю.

Въ письмецѣ твоемъ, душа моя, есть одно мѣстечко, которое, — если оно — относится ко мнѣ, — то выходитъ совершенно ошибочно! ты пишешь: хорошо тому, кто вышелъ изъ родительскаго дома снабженный всѣмъ необходимымъ. Если это насчатъ меня, то скажу тебѣ, другъ мой, что я выѣхала отъ папа на столько-же снабженная, на сколько и ты. Я также должна была заводить и плошку и кадку. Я получила дюжину ложекъ, да то, что было въ моей комнатѣ и что считалось моей собственностью. И еслибъ у мужа моего не было превосходнаго бѣлья и прочихъ вещей, да денегъ на обзаведеніе необходимаго, то все наше хозяйство состояло-бы въ моихъ юбкахъ и платьяхъ сдѣланныхъ за нѣсколько лѣтъ до моей свадьбы. И такъ, я неповинна ни въ деньгахъ ни въ вещахъ папа. Я не получила такъ называемаго приданаго. Я выѣхала изъ дому съ 5-ю рублями моихъ собственныхъ денегъ, и имѣла въ виду только невѣрные доходы мужа, зависящіе отъ каприза общества. Кострома обильна старыми врачами и Севену, неумѣющему гнуть спину трудно пробиваться. Мы живемъ на 600 рублей годов. дохода, — и я удивляюсь, какъ насъ Богъ несетъ безъ копѣйки долга и особенной нужды. Изъ этихъ-же доходовъ мы платимъ Настиныхъ 300 рубл. за квартиру, слѣдов. я живу 25-ю рубл. въ мѣсяцъ конечно, мы имѣемъ маленькую прислугу и я не держу раззорительныхъ поворовъ и кучеровъ; но что дѣлать! по одежкѣ протягай ножки.

Я очень знаю, что ты живешь на свое собственное и вовсе не вмѣшиваюсь въ твои расходы, а написала тебѣ о слухахъ изъ участія. Все, что ни говорится и ни пишется, — пишется и говорится изъ искренняго участія, безъ всякой задней мысли. Во всякомъ случаѣ, дай вамъ Богъ всего хорошаго. Поздравляю васъ, дорогіе друзья, съ праздникомъ Свѣтлаго Воскресенья. Дай Богъ вамъ встрѣтить его въ радости. Свѣтлыми, весенними днями смотритъ на Божій міръ праздникъ; отъ того я и люблю его. Какъ здоровье Любы? Что милая ваша крошка? Настя

и Севенъ васъ обнимаютъ и поздравляютъ съ праздникомъ. Настя уколола палецъ и не можетъ писать. Не худо, какъ-бы Люба собралась въ Кострому. Это было бы полезно для твоей службы; а намъ пріятно-бы было повидаться.

Прощайте, мои милые, обнимаю васъ отъ всей любящей души моей не забывайте сестры и друга.

Julie.

Ноябрь. 1865 года.

Милая, родная моя Люба! По письму твоему сейчасъ же послала за благодѣтельницей моей Ал. Ал. Павлиновой. Она мнѣ все искупила, только мы обѣ ужасно смутились, что все оказалось дороже назначенныхъ тобою цѣнъ, и потому окорока не купила, сама привезу, теперь вестфальскихъ нѣтъ, я попрошу папа купить въ Ярославлѣ, тамъ чудные и дешевле. Посылаю счетъ, моя радость. Осталось 40 к., которые не посылаю. Теперь скажу тебѣ новость: Настя наша окончательно *деманципировалась*, хочетъ жить отдѣльно съ братцемъ Сережей и его возлюбленной, находя, что одной жить неприлично, а со мной якобы стѣснительно, а съ братниной любовницей прилично. Сбили ее съ толку. Мнѣ Богъ съ ней, только жаль, что осрамится. Мы не поссорились, а расходимся мирно. Интересно будетъ видѣть, какъ это у нихъ пойдетъ.

Папа собирается къ вамъ тоже, только дней на шесть. Хороша ты мать родная: совѣтуешь теперь ѣхать, да и костей-то моихъ не привезутъ. Дорога—сущій адъ, колоть, снѣгу нѣтъ. Я пріѣду, если буду жива, въ 1-хъ числахъ декабря, когда развяжусь съ хворостью. Ты, матушка, пишешь такъ, какъ будто я купила да такъ и сожрала сейчасъ на три цѣлковыхъ винограду, я лечилась, болванъ, и ожила, а послѣ вашего отъѣзда совсѣмъ было поколѣла; виноградъ со мной сдѣлалъ просто чудеса. Совѣстно мнѣ, голубчики мои, васъ разорять. Какъ тебѣ не грѣхъ для меня устраивать разныя роскоши: милая!

развѣ я гостья! мы слишкомъ близки, чтобъ стѣсняться. Если я пріѣду съ папа, то намъ дешевле будетъ дорога. Друзья мои! я-бы и вамъ не сказала, пріѣхала, какъ-бы не тяжелыя обстоятельства нынѣшній годъ. Коля Севенъ возвратился, подобно блудному сыну, какъ пришло тѣсно. Онъ на выходѣ, кровью харкаетъ, вырабатывать не можетъ; надо ему дать, хоть что-нибудь дать, а то умретъ съ голоду. Письмо къ Рудзѣ сейчасъ-же послала съ Сашей; онъ ему самому лично отдалъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: знаю отъ кого! Новостей нѣтъ, только докторъ Молчановъ, старшій врачъ въ больницѣ, пьяный прибилъ больныхъ и переломалъ мебель. Такъ мы хохотали: разсказывали, что надъ однимъ больнымъ соннымъ онъ стоялъ съ минуту и вдругъ сталъ таскать его за носъ и за волосы. Каково было удивленіе того!

Прощайте, мои милые, родные друзья. Обнимаю васъ нѣжно и крѣпко, со всею любовью, вмѣстѣ съ милой крошечкой Настюшей, Севенъ тоже; онъ не такъ здоровъ. Тетѣ мой поцѣлуй и почтеніе. Увидимся — наговоримся. Да! каково мое положеніе. Является m-me Эйсмондъ, проливаетъ слезы о папенькѣ, который разбилъ себѣ лобъ дорогой, и не можетъ сказать, гдѣ она остановилась,—у сестры, а гдѣ сестра, тамъ гдѣ-то. Проситъ, чтобъ къ завтрему вещи были куплены, что ихъ отвезетъ пріѣзжая дама. Гдѣ-же она?—„Въ заѣзжемъ домѣ“.—Въ какомъ?—„Не знаю, тамъ гдѣ-то“...—Ну такъ нельзя-ли прислать за вещами. Вещи лежатъ, не знаю пришлютъ-ли? Бѣда—эти оказіи. Спрашиваетъ, не громоздко-ли? 40 пружинъ—порядочно, но не Богъ знаетъ что. Ихъ можно вездѣ сунуть. Боюсь, не потеряла-бы. Они связаны крѣпко. Шапка въ картонѣ; бульонъ запечатанъ. Еще разъ обнимаемъ васъ, мои дорогія!

Ваша *Julie*.

2-е апрѣля.

Милые, дорогіе друзья Поль и Люба! Не смотря на все желаніе, не могла раньше писать вамъ. Милая моя

Люба! Какая тоска невыносимая обуяла насъ послѣ твоего отъѣзда... Въ довершеніе всего Настя занемогла опасно тифомъ. Она простудилась послѣ теплыхъ припарокъ, выходъ на воздухъ; къ счастію Юнге прервалъ болѣзнь, она теперь поправляется, но еще слаба. Юнге мнѣ понравился славный человѣкъ. Ты не сокрушайся, все, что оплакивала цѣло, и планы твои на счетъ судьбы твоей милой китайки могутъ осуществиться. Сейчасъ пришелъ Шиллъ и оторвалъ меня отъ письма. Шиллъ ушелъ и я снова принимаюсь за писанье. Онъ просилъ меня передать тебѣ его поклонъ.

Ахъ, милые друзья мои! Что-же это будетъ, когда кончутся заботы о насущномъ хлѣбѣ? Неужели мы такъ и не увидимся, неужели Деляновъ протянетъ меня? отъ этого будетъ все зависѣть. Настя не могла быть у него по случаю болѣзни. На этой недѣлѣ, если Богъ дастъ, оправиться, будетъ у него. Какъ ты можешь думать, милый братъ, что чувства наши можетъ измѣнить время и разстояніе.—Нѣтъ милый мой! За себя я отвѣчаю—да и за тебя увѣрена: Люба не смѣй и думать этого! Гинглятъ не былъ послѣ отъѣзда Любы, прислалъ только записку просить книги „Время“ и въ запискѣ писалъ, что онъ чувствуетъ *разслабленіе*, а не знаетъ отъ чего... Мы ужасно смѣялись. Никитишна пропала, носу не кажетъ. Вольдемаръ просилъ написать, что получилъ твое письмо, Люба, и старался исполнить твои порученія, но сегодня, кого нужно не засталъ дома и записки не отдалъ. Онъ будетъ самъ писать.

Прощайте, мои милые, дорогіе друзья, можетъ быть досвиданія... Что дѣло по цензурѣ? напишите, ради Бога. Обнимаемъ васъ нѣжно вмѣстѣ съ ангеломъ Настюшей. Настя будетъ писать, какъ только поправится.

Неизмѣнно ваша сестра и другъ *Julie*.

Ну, вотъ, дорогіе друзья, и впрямъ есть на что посердиться и поругать меня: да что дѣлать! „духъ бодръ,—плоть же немощна...“ Послѣ послѣдняго моего письма я захворала той же болью въ лопаткѣ, какой и ты му-

чишься, моя дорогая Люба; я этой боли всякую зиму подвержена, только ужь нынче она задала мнѣ такого пфейфера, что ни головы повернуть, ни носу высморкать безъ крику не могла. Эта исторія тянулась до 6-го января, а 6-го янв. замѣнилась регулами, которыя были такъ хороши, что и до сихъ поръ, т. е. девятый день, пребываю въ постели, а въ настоящую минуту, деретъ такая головная боль, что едва перо держу. Декабрь и январь для меня всегда тяжелы. Гадко, скверно мое здоровье! Надо о немъ подумать, и сдѣлать для успокоенія совѣсти, какой нибудь лечебный шагъ, — только не въ праведномъ Ярославлѣ.

Нынче, въ Москвѣ, превосходно примѣняется въ болѣзняхъ, подобныхъ моей, подкожное вспрыскиванье cecoli cormitum. Попробую. Шкляревскій пишетъ объ этомъ и умоляетъ пріѣхать весной въ Москву, гдѣ онъ общими силами съ К. Богу и займется мной. Теперь онъ работаетъ надъ *озономъ*, говоритъ, что многое взвалитъ на плечи „этого *богатыря*“. Выписалъ апараты изъ-за границы. Вообще малый трудится дѣльно. Да и засидѣлась я, кажется; 9 лѣтъ деревни не понюхала, движенія ниникакого. Нынче Москва — рукой подать, и къ вамъ-то близко. Дай Богъ, только весны дождаться.

И объ васъ-то ничего не знаю, — безпокоюсь, — здоровы ли? Тетушка все обѣщаетъ написать вамъ, да такъ не пишетъ.

Ты чего, Люба, не придумаешь: могу-ли сомнѣваться въ вашей любви? Что я за бандитъ такой? Нѣтъ, мои дорогіе,—никакое сомнѣніе, никакая туча не затуманитъ моей привязанности. Можетъ, я въ самомъ дѣлѣ, непонятно для тебя выразилась въ письмѣ. Ну, когда-нибудь, поговоримъ поясньѣе. Мудрое правило есть: „надо выражаться такъ, чтобъ не только можно было понимать, но чтобъ нельзя было не понимать“, никогда не забуду, какъ покойный Вронченко чтобъ взбѣсить Губера, притворился, что онъ его не понимаетъ. Тотъ схватилъ шляпу, и убѣжалъ. Володкевичъ можетъ считать себя геніемъ—это смѣшное помѣшательство; по мнѣ еще страннѣе было бы вѣрить твоему выраженію, что я написала „чушь“, что положительно невозможно. Я только вижу, что я не при-

норовилась къ степени твоего пониманія. Это такъ, это скорѣе.

И такъ уподобимся тому благоразумному попу, который не умѣя читать, вынесъ Евангеліе и обратился къ богомольцамъ: Слушатели благочестивые, знаете-ли вы эту книгу? — Знаемъ, батюшка отвѣч. ему — „А, если знаете, то нечего ее и читать...“

Такъ и мы: не понимаемъ — нечего и толковать. Да, нѣтъ, я не кончила о попѣ: Приходитъ другое воскресенье: онъ опять выноситъ Ев.: Слушатели благочест.! Знаете-ли вы эту книгу? — нѣтъ думаютъ богомольцы, нѣтъ, батька, теперь не надуешь, и отвѣчаютъ: нѣтъ, не знаемъ, батюшка...—„А, не знаете, такъ нечего вамъ ее и читать.

Обнимаю васъ, дорогіе, несравненные друзья; дай Богъ, чтобъ нов. годъ принесъ вамъ всѣ блага и счастіе и удачи; да хранитъ онъ васъ и милуетъ. Карлъ Богд. тоже обнимаетъ васъ братски и желаетъ того-же. Всѣхъ я васъ и врозь, и вмѣстѣ цѣлую нѣжно. Что, мой милый Настеночекъ, повеселилась-ли праздники? Умная, милая моя дѣвочка заслуживаетъ, чтобъ ей доставить дѣтскія удовольствія. Я часто наигрываю на ее коробочкѣ, и мысленно обнимаю, мою крошку.

Ваша Julie.

Вотъ, милые, каковъ я ненужный человѣкъ; 2 недѣли письмо лежало написанное и посылка готова, а я свалилась въ постель на семь дней, да сегодня, да завтра—то забуду, то писать адресъ силъ нѣтъ—такъ и оттянула. Теперь и ругаю себя и злюсь. Сегодня встала, слава Богу! Едва встала, ревматизмы плечъ, спины и лопатокъ замучили меня. Здоровы-ли вы? Кончилось-ли ваше хвораніе? И узнать о васъ хочется и писать иногда силъ нѣтъ.

Вчера пріѣхала Настя изъ Панфилова; наконецъ-то выползла изъ этой норы, бѣдняжка. Выстрадала она тамъ порядкомъ. Полтора года не видала ее. Ищетъ теперь квартиру—погостить хочется. Дѣлишки ихъ, ка-

жется, поправятся, впрочемъ, что Богъ дастъ. Старикъ Карницкій остался въ деревнѣ. Она шлетъ вамъ душевный привѣтъ. Много она къ лучшему измѣнилась.

Будьте Богомъ хранимы. *Ваша Julie.*

3 сентября 1869 г.

Хотѣла писать къ вамъ уже давно, дорогія друзья, Поль и Люба; да все какъ-то плохо удавалось. Соберусь писать,—вижу, Настя царапаетъ письмецо, думаетъ напишетъ за меня все, что надо: т. е. что я люблю ихъ и нѣжно цѣлую. Лѣнь и суета обуяла. Вотъ, теперь осталась я одна; тишина вездѣ, да и скучненько. И рада бы побѣсѣдовать, душу отвести, да многое на письмѣ не укладывается. Настя уѣхала въ Кологривъ съ Жоховой, женой посредника, въ грязь, въ слякоть поѣхали Хотѣлось ей очень къ вамъ, да невозможно ужь зимой непремѣнно заѣдетъ. А вы что это сами меня позабыли Ты, Пауль, знаю, что лѣнивъ, Люба-же избаловала своимъ вниманіемъ; на нее всѣ и жалобы падаютъ. Такъ вы и не собрались къ отъѣзду, друзья мои! Онъ все ждалъ васъ. А я-то, какъ ждала. Пауль, мой милый какъ ты поживаешь. Постукиваешь-ли? Сестрицу твою устукали рублей на 20. Охота смертная, да участь горькая.

Хотѣла по почтѣ письмо отправить, да притомъ Панъ Карницкій и проситъ написать къ вамъ письменно съ однимъ польскимъ семействомъ, отправляющимся въ Чухлому, и попросить вашего радушія и добраго вниманія *такъ какъ вы, батюшка исправники*, то не оставьте вашей милости. Это семейство Вендорфъ, богатые и образованные люди. Въ самомъ дѣлѣ, друзья, обласкайте ихъ. Я ихъ лично не знаю, но меня очень просили попросить васъ за нихъ.

Что вамъ сказать о себѣ, мои дружки,—все по прежнему: въ одномъ хорошо, такъ въ другомъ худо. Такъ ужь видно свѣтъ устроенъ. Кострома начинаетъ надоѣдать. Хорошо, какъ-бы могло было всѣмъ вмѣстѣ жить, а то со всѣми близкими врозь. Вотъ, что друзья, говорятъ у губернатора съ полицеймейстеромъ не лады;—

хорошо, какъ бы на его мѣсто... Надо слѣдить. Я все сижу дома. Попросили-бы вы кого-нибудь дать знать, если онъ подастъ въ отставку. Вѣдь, ты Люба, министръ на эти дѣла. Ты ужь поселила во мнѣ такое довѣріе, что я думаю, что ты только того не сдѣлаешь, чего не захочется... Вотъ, какъ, моя милая Люба, плохо и добро дѣлать, на тебя-же нападутъ. Сейчасъ и заворотъ: подай, ищи, хлопочи. Вотъ, за то, что ты извиняешься, и то не поздравила меня съ имянинами, я поздравляю тебя съ наступающимъ днемъ твоего Ангела, а Поля и тетю Екатерину Евграфовну съ дорогой имянинницей. Хоть убей меня, не могу придумать, что тебѣ послать? Чулки заказала, да еще не готовы. Что-нибудь придумаю за *всѣ твои милости*, *ко мнѣ — свиньѣ*. Осенью полотна будутъ не дороги, такъ полотно хорошенькое достану.

Прощайте, мои дорогія! Обнимите дружка Настюшу и тетю. Любите и не забывайте. *Ваша Julie.*

Воображаю, какъ вы поругиваете за долгое молчаніе, дорогіе друзья Поль и Люба; что дѣлать! хворость моя тому причиной. Все это время, я едва двигаюсь; притомъ 27° въ тѣни разслабитъ всякаго и здороваго человѣка. Не сердитесь, милые. Сердце мое часто съ вами бесѣдуетъ, но... духъ бодръ, а плоть немощна. Притомъ-же заботы, хлопоты, разныя гадости, — просто, иногда силъ нѣтъ! Тутъ надо покрасить, здѣсь почистить. Что дѣлать, Полинька? крестьяне отъ рукъ отбились— оброку до сихъ поръ выслали только половину и то по копѣйкамъ. Хоть волкомъ вой. Мы хотимъ отдать на выкупъ, тѣмъ болѣе, что черезъ два года имъ дадутъ право отказаться отъ надѣловъ и помѣщики останутся ни причемъ. И для тебя это, вѣроятно, все равно; еще меньше хлопотъ. Лучше получать по меньше, да вѣрно и покойно. И сама не знаю, какъ мнѣ Богъ помогаетъ концы съ концами сводить. Вѣрю, други, какъ вамъ тяжело обзаводиться. Это неизбѣжные расходы. Благодарю за рыбку. Она, конечно, по огрубѣла и просолѣла, но все еще вкусна и помягче здѣшней. Вотъ, зимой вы-

шлю вамъ деньги и попрошу прислать осетринки. Здѣсь она 40 да 30 коп. фунтъ. Рыбку вашу кушаю съ ботвиньемъ и селянкой. За память объ имянинахъ спасибо. Грустно этотъ день пробыть безъ васъ. А въ твои имянины, Поль, я лежала больная, и написать тебѣ не могла. Карлъ Богдановичъ и къ отцу родному строчки не написалъ-бы Помилуй, братецъ, я, кажется, яснѣе дня, написала что надо закутываться, не исключая рукъ байковымъ одѣяломъ, т. е. руки должны быть обернуты только сухимъ одѣяломъ, а не влажнымъ компрессомъ. Да не оставляй грагамовскаго хлѣба. Господь тебя хранитъ и помилуетъ. Ты у меня не смѣй думать о смерти. Ну, ее, проклятую! *Мы, блатъ, еще вознодимся*... Что вамъ сказать? Все по старому. Папа ничего, недуренъ, занятъ своей болѣзнью,—все какъ и при васъ. Вертоградъ твоей сестры процвѣталъ нынче розами до очарованія—по 200 цвѣтовъ на кустѣ. *Благоуханіе и Кнолота*! А я, старушка Божья, сижу и хвалю премудрость Творца.

Вы, батюшки мои, не сѣтуйте на меня что рѣдко пишу. Иногда просто силъ нѣтъ. И теперь пишу въ постели. Видно, пары подѣйствовали, слетла прежде времени. Ольга Николаевна вѣрно писала уже Вамъ. Она пришла, подхватила просьбу Поля и обѣщала все сдѣлать. Я ее давно не видала, она уѣзжала въ Мологу.

Прощайте, мои дорогіе. Къ тебѣ, Полинька, буду писать особенно. Все хочется съ тобой по душѣ, всласть побесѣдовать. Еще разъ благодарю за рыбу и хлопоты. Сама заслужу. Папа васъ цѣлуетъ и благословляетъ. Карлъ Богд. дружески обнимаетъ. Будьте Богомъ хранимы, милый мой тріумвиратъ лобзаю васъ лобзаніемъ любви. P. S. Пріѣхалъ Ник. Кир. Шипоновъ и привезъ оброку 50 руб.! это третій разъ съ марта мы получаемъ изъ суммы 350-ти рублей. Извольте жить безъ постороннихъ доходовъ. Нѣтъ! чортъ съ ними, лучше на выкупъ. Всю душу вытянули.

Ваша Юлія Жадовская.

28 іюля.

Полно-ка, родной мой Поль, до финансовыхъ-ли оборотовъ сестрицѣ: мы и подъ закладную-то дадимъ, такъ измучимся. Солоны эти процентики да барыши, а вотъ, какъ расходы уменьшатся, такъ это самый лучшій финансовый оборотъ. Пусть міръ кипитъ и волнуется,— мнѣ ужь можно и посторониться, дать мѣсто молодымъ. Шумъ зеленаго бора, почти деревенская жизнь скажутъ больше моей душѣ, чѣмъ шумъ житейской суеты. Только бы Господь привелъ на мѣсто дотащиться. И съ этимъ-то домомъ хлопоты, чини, поправляй, заботься о постояльцахъ. Наказанье! Какъ-то Настюша, моя милая, хорошая дѣвочка выдержитъ экзаменъ. Заботитъ меня немножко... но я надѣюсь на ея умъ и способности. Цѣлую ее нѣжно-нѣжно. А васъ въ душу заключаю, такъ всѣхъ цѣликомъ съ любовью и неизмѣнной дружбой.

Ваша сестрица Julie.

Другъ мой Люба! Я уже на отлетѣ; сижу въ пустомъ домѣ; отправила лодку съ людьми и вещами. Теперь начнется ломка въ домѣ—передѣлка половъ. Уѣду я, если Господь приведетъ, 20 авг. или около этого. Не хандрите, мои дорогіе, вы на представляли себѣ такихъ ужасовъ, какихъ и сотой доли не существуетъ. Вездѣ люди живутъ, а въ Бую живутъ и порядочные люди. Тамъ и вмѣстѣ быть удобнѣе и помѣстительнѣе. Что это, батеньки, точно вы не ѣзжали по зимнимъ или лѣтнимъ проселочнымъ дорогамъ. Такія-ли дороги ломали! Нечего хандрить, колотушку дамъ... Поль судитъ по Питеру; много здѣсь умственныхъ наслажденій; здѣшнія библіотеки въ три мѣсяца исчерпаешь, черезъ 5 мѣсяцевъ послѣднюю книжку журнала получишь... Да и слѣпы мы стали. Не хандрите, голубчики, я тамъ отдохну и успокоюсь; у меня теперь люди отличные, опытные, усердные; послѣдніе изъ могикановъ, тѣхъ слугъ, о которыхъ нынче и мечтать не смѣемъ.

Ну, родные мои, такіе жары, что помѣшаться можно, африканскіе. Сегодня проснулись въ 8 часовъ—23 град. тѣни! До чего дойдетъ, Господь знаетъ. Вчера явился

Розинъ, спрашиваетъ вашъ адресъ, съ какой-то просьбой обращается; деликатности въ этихъ болванахъ нѣтъ. Точно ты факторъ какой для нихъ; и добра-то сдѣлать нельзя, одолятъ. Наплюй, не хлопочи, а то покою не дадуть. Ой, тошнехонько, башка точно свинцомъ налита, даже Карл. Богд. проняло и тотъ сюртукъ снялъ, сидитъ въ сосновой кофтѣ. Но, кто именно великолѣпны, такъ это милая пара Настя съ К—мъ; только и утѣхи, какъ они вмѣстѣ. Настя—хамъ-хамъ, а онъ—ду-ду! Такъ ужь и упаду со смѣху! и все это чинно, на *вы!* Нѣтъ, голубчики, намъ непремѣнно надо соединиться въ Бую. Хоть посмѣемся другъ надъ другомъ съ любовью и весело. Сочинимъ родственную табельку, или лото, любимая игра Насти большой, и вдоволь натѣшимся. Другой игры у меня въ домѣ не будетъ. Съ мая мѣсяца картъ не вижу и изъ дому не выхожу.

Спасибо Вамъ, родные, милые друзья, за любовь и участіе. Но только досадно и горько мнѣ, что вы тревожитесь всякій разъ на счетъ моего молчанія, — ну больна—экая важность! Выздоровѣю—и напишу. Нѣтъ батенька, не предчувствуется о моей хворости. Вотъ и сегодня: утромъ получила ваше письмо (за Ольгой Ник. пошлю завтра; пошла на воздухъ освѣжиться, 10 град.—слава Богу, побыла съ полчаса на балконѣ, пришла въ комнату голову задрàло, ознобь, жаръ... Ну, отпиваться кипяткомъ. Лóмало до вечера, пока не явилась испарина. Теперь, ночью, пишу вамъ; и безъ того безсонница, а тутъ „Плювій-Юпитеръ“ шумитъ по желѣзной крышѣ, пять часовъ льетъ, не переставая! Поневолѣ скажешь съ Обломовскимъ Захаромъ: „тфу! ты, жисть проклятая! Еще Люба мутитъ: „не хочу быть хуже тебя“... Хуже меня невозможно быть; я до сихъ поръ еще никого не нашла... Ты, вонъ, какимъ молодцомъ бѣгаешь по 10-ти верстъ, а мнѣ 10-ть шаговъ тяжело сдѣлать. Ты что это, безстыдница этакая, на чужихъ мужей начинаешь зàриться. Малъ тебѣ Питеръ-то что-ли? Тамъ зеленчуки-то въ модѣ. Ты-же, вонъ, на высоту лѣзешь, тебя княгини да графини тѣшатъ. А мнѣ

все это опротивѣло, и я благодарю Бога, что онѣ мнѣ не нужны. Онѣ годны только для протекціи. Мы, провинціалы стѣсненій не любимъ... А коли придетъ надобность, такъ и тебя за бока, помогай, коли обзавелась знатью... А мнѣ ужь ни до чего! Ну, ахъ! Почему это други, вы такого мнѣнія о ярославскихъ квартирахъ: лѣтомъ, на 10 руб. можно найти, очень хорошенькую, а ватеръ-клозета, кажется, и у Ольги Николаевны нѣтъ. Хорошо, если у ней свободна, я знаю, она набрала ребятишекъ - нахлѣбниковъ. Завтра узнаю. Господи! Точно Ярославль клиномъ сошелся! Можно и близко, и порядочную найти. Вы помните, что вы за 5 руб. имѣли дрянную, — по цѣнѣ и вещь. Если Ольга Николаевна откажетъ,—я сейчасъ-же буду искать. Ватеръ-клозета въ частномъ домѣ едва-ли найдешь во всемъ городѣ. А Питеръ-батюшка, и съ ватеръ-клозетами ничто иное, какъ одинъ огромный sartir. Ну, ну! Ругайся, злючка, отведи душу; такъ и быть не разсержусь. Хотѣла Настюшѣ, моей милой и хорошей дѣвочкѣ поручить щипнуть тебя за меня; да вспомнила! „Чти отца твоего и матерь твою. Да сохранитъ ее Господь и въ шутку отъ неуваженія къ родителямъ. Ужь лучше журавлей попрошу, они перелстаютъ теперь, и сегодня любовалась на нихъ, и крикъ ихъ слушала. Ну, ужь весна! Чортъ, видно съѣлъ ее, да какъ пришло время, принялъ слабительнаго и... Но, дескать, утѣшайся народъ Божій: хороша, красна?.. Розаны наши чуть не померзли, много пострадали. Всѣ зимующія, не требующія завязки на зиму цвѣты вымерзли!

6 мая.

Я такъ и чувствовала, что съ Ольгой Николаевной встрѣтятся затрудненія,—вотъ Вамъ ея записка: раньше 20 іюня квартира у ней не свободна. Завтра поѣду искать. На всякій случай буду имѣть на примѣтѣ. Я все думаю что найду хорошенькую. Неужели изъ-за этого планы наши должны разстроятся. Найду, такъ вблизи. А, впрочемъ, вѣдь лошадь есть. Можно посылать и отвозить. Лошадь свободна, мы вѣдъ сидимъ дома. Кузька твой набралъ этихъ окаянныхъ ребятъ и возится съ

ними, какѣ дурень съ горбой. Такъ досадно! Отвѣчайте поскорѣй, чтобъ не терять времени: я 15-го числа слягу на недѣлю. Послалъ мнѣ Богъ крестъ—эту болѣзнь проклятую! Поленька, голубчикъ, привези мнѣ книгу: „уходъ за комнатными цвѣтами“. Охота смертная—участь горькая; ничего не смыслимъ. За это тебя, моего роднаго, и въ лысинку и въ лобикъ разцѣлую. Однако, мой милый другъ, ты это что... тово... жену-то? а? Въ Турціи тебя засудили-бы.

Ну, други, какъ сошло литературное утро? Кто былъ, кто читалъ? Поль вѣрно произвелъ эфектъ. Онъ хорошо читаетъ. А вѣдь, сказать между нами, эти барыни плохо смыслятъ въ литературѣ. Я-бы выбрала что-нибудь изъ Некрасова. „У подъѣзда“, напримѣръ... Что-нибудь, по солонѣе. Прѣсны онѣ очень. Какой это, мой другъ Люба, къ тебѣ полякъ ходитъ? Я какъ только услышу слово: полякъ, такъ меня и передернетъ. Берегитесь вы ради Бога .. Ни одному нельзя вѣрить... Развѣ только богатому... Теперь мою Настасью Петровну словно обдуваютъ. Понадобилось Панфилово... И его у ней *покупаютъ* на воображаемую сумму, а сумма эта—*Улита ѣдетъ,—когда-то будетъ*. Ну, при свиданіи поговоримъ. Какъ ждешь, такъ и не пишется,—все хочется лично поговорить обо всемъ.

Бѣдная моя Люба—надсажается, хозяйничаетъ, экономитъ... Слава Богу, что пансіонъ дали, а то, какъ трудно жить! Ну, да Богъ поможетъ. Въ Питерѣ жизнь дорога. Пожалуй, я и не прожила-бы на свои доходишки. Вамъ одна квартира и столъ, если даже по 70 коп. въ день на пищу считать, 41 р. стоитъ. А чай, сахаръ, и проч. и проч. Меньше ста рублей, потому и не обойдется, что вы, мои милые, и будете имѣть. Велика милость Божія. Чѣмъ-бы жить на свое? Просто, бѣда. Спасибо и добрымъ людямъ... Другъ-то мой, папа за день до кончины заплакалъ, благодаря тѣхъ, кто вамъ дѣлаетъ добро... Какъ теперь на него гляжу... Ой, какъ мнѣ, порой грустно, грустно безъ него!.. Ничего не подѣлашь. Всѣ тамъ будемъ. Почти пріятно думать это.

Въ смерти его я никогда не утѣшусь, — такъ для меня эта потеря чувствительна. Случись она ранѣе,

можетъ,—было-бы легче, но она именно пришла въ такое время, когда цѣнишь искреннюю, прочную привязанность когда не туманетъ болѣе головы глупыя, страстныя порывы Насти... Мнѣ кажется, еслибъ человѣку дано было прожить 200 лѣтъ,—онъ прожилъ-бы до полной свободы духа; но надо вдвое прожить, чтобъ дожить до полной, разумной свободы сердца... И, Бож мой! Какъ коротка жизнь... Вотъ, я и за „жалостныя слова“ принялась, г. Обломовъ. Охъ, ужь эти „жалостныя слова“ дай только имъ волю... Чортъ знаетъ, куда заводятъ.

Обнимаю, васъ, мои родные, вмѣстѣ съ Карломъ Богдановичемъ нѣжно, тепло исткренно. Будьте Богомъ хранимы! *Ваша Julie.*

2-е сентября.

Продолжаю писать подъ музыку. Пропустила почту, хочется поболтать съ милыми, Настя большая должна быть сегодня въ Москвѣ, а завтра съ тобой, милая моя Люба; при одной мысли, что это тебѣ будетъ пріятно и мнѣ становится радостно. Голубчикъ мой! скоро твои имянины, а я такъ разстроилась съ переѣздомъ и, въ особенности съ идущими въ настоящее время постройками, что и послать не могу что-нибудь хорошенькаго. Авось, поправимся современемъ, постараюсь поэкономить.

Ну теперь тебя обнимаю, милая моя, рада моя, Настюша большая, какъ ты доѣхала? Очень я безпокоилась, моя голубушка, думая о всѣхъ мукахъ, которые ты перенесла съ нашимъ переѣздомъ, да еще ломку дорожную выдержала. Устрой тебя Господь, чтобъ все былъ хорошо и удачно. Письмецо твое получила изъ Панфилова и ворохъ провизіи—жадная сестрица, пересчитала брюкву, комки масла, умилилась надъ поросенкомъ, облизнулась на тетеревей, и тутъ же сцапала колобокъ и въ нѣсколько минутъ сожрала его, но это не удержало меня ночью съѣсть другой. Прочитала твое письмецо; грустно стало, и глаза сдѣлались большіе, темные... Сейчасъ получила твою записочку отъ Пречистой, вотъ,

обрадуюсь, какъ изъ Питера получу. Sevin nous donne beaucoup de soucie, depuis ton départ il ist malade mal au dos, il marche courbé la plus qrande partis du jour il esl couché. Теперь идутъ постройки, флигель, баня, печи сегодня класть начинаютъ. Я удержала Бронислава во-1-хъ, потому, что съ его страданіями—варварства посадить его въ Панфиловѣ, во-2-хъ онъ все-таки поможетъ мнѣ, а въ-третьихъ, разгонитъ подчасъ, хандру музыкой. Это, ты знаешь, отрада для Севена, онъ бѣдняжка, лежитъ подъ шубой цѣлые дни. Если Ф. Ос. будетъ на Бранислава сердиться, я вину возьму на себя. Жаль мнѣ этихъ голубей; кажется, я Ф. О. уговорю развести его, а тамъ, что Богъ дастъ. Корины были у меня три раза, и Таничка была. Сдѣланы поддонки очень мило.

Радонька моя! купи ты имъ изъ моихъ денегъ по вещичкѣ, Машѣ и Сонѣ получше и одинакія или съ маленькой разницей, а Таничкѣ похуже, она только одинъ цвѣточекъ сдѣлала. Хоть браслеты, хоть медальончики, или нессесеры для работъ, чтобъ недорого а мило. Да не забудь персидской ромашки привезти. Ты меня безъ мятнаго масла оставила, видно увезла съ собой, а Бронисл. безъ вератрины, обыскала всѣ ящики, всѣ шкатулки—нѣтъ. Сдѣлала ему селитр. кисл. соды въ спиртѣ, велѣлъ тереть щеку, какъ будто и легче. Вчера съ 12 час. зубы до ночи не болѣли, болѣли ночью часа два, утромъ опухоль сдѣлалась, чего, онъ говоритъ никогда не было. Это страданіе видѣть больно.

Вотъ что, моя дорогая: во флигелѣ дѣлается кухня и печка съ плитой; но плиты здѣсь нельзя найти. То надо будетъ привезти вмѣстѣ съ проч. безъ подводы не обойдется дѣло. По постройкѣ расходовъ пропасть; можно въ отчаяніе прійти. Была-ли, дружокъ у Никольскаго? Напиши. Получишь деньги—не зарвись, сдѣлай напередъ бюджетъ покупокъ, тогда будетъ виднѣе, что лишнее, и что можно откинуть, а то ты знаешь что въ Питерѣ сотни летятъ ни почемъ, и не замѣтишь.

Миленькая! привези мнѣ шляпку, не въ чемъ визиты дѣлать...

8 сентября. Пропустила почту, потому что свалилась въ постельку. Ф. О. возвратился въ среду, а въ четвергъ,

т. е. вчера пріѣхалъ къ намъ; сегодня узнаетъ. Поѣдешь назадъ уладься съ жидомъ. До свиданья! мои дорогія: Обнимаю васъ всѣхъ *огуломъ*. Больна еще и слаба! Господь да хранитъ Васъ. Ваши и съ Вами. Севенъ обнимаетъ Васъ; ему лучше.

Julie.

Ф. Ос. живъ, здоровъ и цѣлуетъ у тебя ручку; у Любы—то же, принося ей чистосердечную и глубокую благодарность. Полю проситъ передать его душевный привѣтъ. Ой, ну Васъ къ псу, ребята, устала до отемнѣнія разума 5 писемъ наваляла по дѣламъ въ Ярославль.

Что Вы, милые мои друзья, замолкли? Знаю, что виновата передъ Вами, мои дорогіе Поль и Люба, да вѣдь съ хворостью ничего не подѣлаешь, я, постоянно, точно въ лихорадкѣ, то зябну, то жарко, слабость такая, голова почти всякій день болитъ и дурна постоянно. Писать къ Вамъ хочется до смерти и поговорить съ Вами, а приняться силъ нѣтъ. Наконецъ, видно и моя всепрощающая Люба разсердилась на меня и прекратила свои пріятныя для меня письма. А я, мой другъ, читаю ихъ съ такой сластью, что даже супругъ твой съ такой сластью не читаетъ. Да, вотъ и безпокоюсь, что давно не получаю вѣсточки, ужь здоровы ли вы, сохрани Боже. Нынче такая зима, — кто пережилъ — благодари Бога. За платки примите мою благодарность Любовь Никандровна, цѣлую вашъ носикъ, лобикъ и щочки. Ужь только слишкомъ хороши для меня; прелестные платки, здѣсь такихъ не найдешь. И Полинькѣ большое, сердечное спасибо за карточки; не хлопочи, голубчикъ о сѣмянахъ, я, съ моей хворостью, пожалуй, только погляжу на нихъ. А розы продаются въ Москвѣ, я перепутала и высылаютъ ихъ осенью. Мы вытащили изъ-подъ снѣга свою центифоль и она одѣлась и даетъ бутоны. Я валяюсь иногда по цѣлымъ днямъ и Карлъ Богд. таскаетъ ко мнѣ то тотъ, то другой горшокъ. Теперь комнатная весна на окнахъ зелень становится пріятна и красива. 5 числа явилась неожиданно Настя изъ Панфилова, пріѣзжала на три дня

съ сосѣдями и привезла мнѣ Высокую Гостью нашу чудотворн. Икону Бож. Матери недремлющее око это случилось, какимъ-то чудомъ, вслѣдствіе беззаконныхъ притязаній Корниловыхъ черезъ исправника. Пока идетъ дѣло икона привезена ко мнѣ на это время. Это—Святыня, которую я привыкла чтить, какъ только стала сознавать себя.

Въ понед. на четвертой недѣлѣ былъ у меня воскресенск. священникъ, а въ субботу, т. е. вчера, уже его похоронили. Чуркнулъ въ трое сутокъ тифомъ. И жаль мнѣ его, я очень его любила, и быстрая его смерть поразила. Пишите, голубчики, что у васъ дѣлается. Вѣдь петербургская вонючая весна больно неутѣшительна. А вотъ это каково: Люба пишетъ о какой-то окаянной шишкѣ на груди, шлендаетъ по холоду, не бережетъ себя, да и оставляетъ меня въ невѣдѣніи. Ради Христа, не тревожься ты объ этой тысячѣ, не пропадетъ. Недавай больше, вотъ и все. Здоровье всего дороже, стоитъ ли волноваться? Вотъ, съ чужими деньгами и надо осторожнѣй,—потеряешь ихъ, то придется или заплатить или поставить себя въ непріятное, нетовкое положеніе. Вотъ, и я сдѣлала глупость, пожадничала, все до послѣдней бумажки отдала, да и пришлось-бы самой занимать, да хорошо, что жилецъ нанялся, маленькая поддержка. Фотографію вышлю, только поправлюсь. К. Богд. не протуришь. Ужь захотѣли вы отъ него писанья: къ отцу родному не писалъ; я за него на письма къ нему отвѣчаю. У всякаго свои странности. Онъ васъ дружески обнимаетъ. Что подѣлываетъ мой милый Настеночекъ? Она не можетъ дурно учиться. Ей не въ кого быть неспособной. Крѣпко мою дорогую дѣвочку обнимаю. Удаляйте ее друзья, отъ дурныхъ вліяній, это страстный впечатлительный ребенокъ. Зеленчукъ твой—Ольга Ник. была у меня, наконецъ, связала тебѣ три пары чулокъ; просила я прислать ко мнѣ, чтобъ поскорѣй отправить на почту, такъ и не прислала, сегодня пошлю,—не довязала-ли четвертую? Хотѣла сама писать, благодарить за воротнички.

Переѣхали-ли вы наконецъ, на заколдованную квартиру. Вотъ, было метанье-то! Питеръ-батюшка, успокоитъ,

нечего сказать. Скучно въ провинціи, да ужь за то ноги можно вытянуть, а тамъ корчитъ человѣка. Жду лѣта съ нетерпѣніемъ, хочется повидаться. Опять Полиньку на грибы усажу... А ты, плотоядная, не бойся, будетъ тебѣ мясо. Мы съ мужемъ, царство небесное, себѣ выгавливаемъ. Охъ, ужь этотъ мнѣ иной, лучшій міръ, куда всѣмъ намъ смертельно не хочется (Дикенса выраженія)... хоть-бы ужь брали туда старыхъ, а молодыхъ пощадили. Ахъ, и старичковъ жалко. Я моего папу все горячо, тоскливо и глубоко жалѣю... И долго, долго еще будетъ онъ мнѣ недоставать... Смерть его порядочно разбила меня. Спасибо другу Полю, онъ много усладилъ мнѣ эти тяжкіе дни. Вотъ, странно, чѣмъ больше старѣю, тѣмъ глубже чувствую, а плохо выражаю... Какъ-то все сосредоточивается внутри. Прощайте, мои милые, дорогіе друзья. Обнимаемъ васъ оба съ мужемъ съ любовью. Молюсь, чтобъ Господь хранилъ Васъ.

Ваша Julie.

---

14 марта 1871 г.

Только-что кончила письмо—подаютъ ваше,—обрадовалась и успокоилась. Спасибо, Люба, дорогая моя. За это вышлю тебѣ чулки, вытребую у Зеленчука. Не мучь Поля письмами, я знаю, какъ иногда тяжело писать, особенно, въ суетѣ. Ты, моя неутомимая работница пишешь, то это все равно, я покойна, знаю, что вы здоровы. Интересы общіе. Слава Богу, что деньжонки добываются. Это много значитъ. Плюнь, матушка, на эпидемію, на насъ съ тобой одна болѣзнь нынѣшній годъ — мнительность. Мысль о смерти и у меня торчитъ, какъ гвоздь въ головѣ, и родитъ хандру проклятую. Прежде этого не было. Это потеря отца на насъ подѣйствовала. Мы ужъ слишкомъ впечатлительны. Цѣлую васъ н ѣжно.

Милыя друзья Поль и Люба!

Ау! живы-ли, здоровы? Вотъ, ужь съ Вами, воистинну, „какъ аукнешься, такъ и откликается“. Хоть

бы пожалѣли мою старость и немощь, да и черкнули бы лишнюю строчечку. Ну, Поль, положимъ занятъ, а вы-то матушка Любовь Никандровна, что мнѣ ничего не нацарапаете? „Возьму кинжалъ да и заколю!“ Нѣтъ, шутки всторону, мои милыя дружки, нѣтъ дня, чтобъ я о васъ не думала; да такъ все хворается,—„рука-нога по пуду“, какъ говорила покойница бабушка. Сегодня, Карлъ Богд. видѣлъ Поля во снѣ передъ большими вѣсами стоящяго и съ кѣмъ-то разсуждающаго. Я и подумала, ужь не очень-ли онъ на меня сердится, да вотъ и царапою къ вамъ, хоть заразъ не кончу, а начало сдѣлано. Батюшки, свѣтики!—не гнѣвайтесь, никогда не буду!.. Какъ-бы знали, какъ мнѣ бываетъ жутко подъ часъ, отъ житейскихъ заботъ... Не даромъ обезпамятѣла... дни и числа забываю. Какъ тебѣ нравится, Полинька, что мы изъ 700 оброку вмѣстѣ съ папенькой за нынѣшній годъ получили только 200! Долгово сгорѣло до тла, и мы тутъ же вылетѣли въ трубу. А папенька, кстати! придумалъ для себя новыя дрожки заказать. Все одно къ одному. Деньги его,—какъ тутъ быть? огорчить его не хочется. Ну, да чертъ съ ними, съ этими дрязгами. Голова пуста, какъ барабанъ. Старость подходитъ, чувствуется это на каждомъ шагу.

Наконецъ, вчера пришла Ольга Ник. „Матушка! не получала-ли отъ нашихъ?“—первый вопросъ отъ меня.—Получила—Здоровы-ли? Здоровы.—Ну, слава Богу! отъ души желаю. Однако, вы моего письмеца, въ августѣ не получили,—это скверно. И Настя не получила. Она въ Панфиловѣ, съ іюля мѣсяца, хозяйничаетъ.

Папа васъ обнимаетъ и благословляетъ. Онъ отучается отъ мяса, и всѣ мы поступаемъ въ орденъ вогетарьянцевъ. Одна я еще бунтую, и изрѣдка тяпну кусочекъ мяснаго. К. Б. и тебѣ совѣтуетъ Полинька, воздержаться, это воздержаніе отъ мяса творитъ чудеса. Все перевортывается вверхъ дномъ къ медицинѣ за границей. Да и вездѣ, кажется. Задушевное и доброе твое письмецо прочитала я съ отрадой и глубокимъ горячимъ чувствомъ милый братъ мой Поль. Вижу, мой другъ, что не на столько мы еще согрѣшили, чтобъ въ наказанье отнялась у насъ любовь... Нѣтъ, она горитъ и

теплится въ глубинѣ души, часто застороняемъ людскимъ хламомъ, но никогда не гаснущая, всегда бодрствующая... „О, прекрасная мати-пустыня!“ Часто раздается у меня въ душѣ этотъ стихъ изъ поэтическаго обращенія къ пустынѣ нашихъ раскольниковъ. Уединеніе поэтическое, широкое умственно-дѣятельное—вотъ о чемъ я всегда мечтала... А здѣсь мелочная забота, мелочная суета, съ изоляціей отъ всего, что можетъ спѣшить и развеселить человѣка.

О Сергѣѣ Готовцовѣ, съ іюля ничего не знаю. Съ Корниловыми не переписываюсь; слышала, что тетка Анна Лв. больна. Не знаю, писала-ли я тебѣ, что дядя П. Ив. нынче въ августѣ скончался. Все, по немногу перебираются въ „иной лучшій міръ,“ куда, по выраженію Дикенса, всѣмъ смертельно не хочется.!.

Что-то вы подѣлываете? Какъ поживаете, мои милые? Такъ-бы и взглянула на васъ! Что, дорогая моя Настюша? Вѣрно, прекрасно учится и утѣшаетъ васъ своими способностями?.. Что тета Катерина Евграфовна? Какъ ея глаза? Напишите, мнѣ, други. К. Б. обнимаетъ васъ искренно. Онъ сосетъ газеты и нѣмецкіе журналы. И я, любопытная муха, сую туда-же свой носъ. Подчасъ, и въ табельку сражаемся. У насъ новая портниха—Коренева, премилая женщина. Господь да хранитъ Васъ, цѣлую васъ крѣпко и нѣжно. *Ваша Julie.*

---

8 февраля.

Получила письмеца ваши, дорогія друзья. Завидую, что вы можете говѣть, я нынѣшній годъ не смѣю и подумать объ этомъ. Прошлаго года Богъ привелъ поговѣть. Настя большая пишетъ, что скоро выѣдетъ, дай-то Богъ ей вырваться изъ этого омута проклятаго. Что вы подѣлываете, мои хорошія, любимыя. Мы сидимъ въ нашемъ аббатствѣ, и не скучаемъ. Такимъ просторомъ вѣетъ уже и теперь на меня, и садъ, и поля, что, кажется, и не дождешься весны. Третьяго дня я хворала,—вдругъ, говорятъ Кожухова ваша кузина пріѣхала... Ахъ, согрѣшила! вспомнила, какъ она къ вамъ въ Чухлому съ кор-

милицей и съ *младенцемъ* пріѣхали;—матушка, скажи, что больна, не могу принять... Слава Богу, отправилась въ Буй. Пріѣдетъ Настюша, передай ей, что пріѣздъ ея управляющаго имѣлъ ужасныя послѣдствія — бѣдный К. Б. обовшивѣлъ, и сегодня было обираніе и умерщвленіе насѣкомыхъ, перемѣна одежды. Если мое письмо не застанетъ ее, то впослѣдствіи я опишу тебѣ этотъ эпизодъ нашей деревенской жизни. Вотъ теперь и бѣда, и написать нечего интереснаго. Въ головѣ—солома и сѣно. Только-бы протянуть до весны, кормъ сводитъ съ ума. Ползаю на скотную и когда прохожу коровьими корридорами, то на меня глядятъ и даже лижутъ, добрыя рогатыя морды, и маленькія телятки тоже. Здѣсь всѣ коровы подъ одинъ цвѣтъ—черныя съ бѣлымъ, и вдругъ, когда я купила усадьбу, родилась красная, единственная въ стадѣ. Эта будетъ извѣстна подъ названіемъ институтки... Воображаю Настюшу съ коровами, птицами, грибами, на всемъ широкомъ раздольѣ.

9 февр. Вчера не успѣла кончить письма, сегодня старуха-кухарка взбѣсилась ѣхать въ Буй: выводки ее (Корины, она ихъ кормилка) уѣзжаютъ въ Тамбовъ, искать приключеній вмѣстѣ съ Брониславомъ, старуха воетъ, а у меня шея и лопатка разболѣлись, едва рука двигается, съ болью. Вотъ, мои дорогіе, и весна на дворѣ, мы, старые люди, чувствуемъ ее на нашихъ поясницахъ и костяхъ. Милая моя Люба, если мое письмо застанетъ Настю большую у тебя, скажи ей, чтобъ она ничего К. Б—чу ни покупала, а купила-бы какую-нибудь вязаную кофту, хоть не сосновую, подешевле, а недорого—такъ и двѣ, я деньги ей, моей милой, заплачу, а коли денегъ нѣтъ, такъ не покупала-бы, я вышлю тебѣ. Сосновая дорога, а пользы отъ нее не видно, и простую можно на 3 р. купить; я, свинья, у венгерца осенью не купила, денегъ было мало, изъ злости и упрямства изъ-за полтинника не купила.

Обнимаю васъ, мои, родныя, несравненныя, горячо и нѣжно заодно съ мужемъ; хоть-бы ты восковыя капульки собирала съ солнца Поля, катала-бы шарики, мы-бы стали давать съ нихъ воду пить для исцѣленія... съ новоявленнаго. Пріѣзжай онъ только, мы будемъ къ

нему прикладываться грѣшными устами. Настючонка моего обнимаю,—только если ужь она такой пострѣлъ, какъ дочка М. Е. Готовцевой, такъ не буду любить... Вѣдь и излишняя рѣзвость не хороша, надо ее умѣрять, а то голову сломитъ. Нѣтъ, она моя умница, хорошая, дѣльная, серьезная дѣвочка, ты ужь утрируешь, навѣрно. Я люблю серьезныхъ, дѣльныхъ дѣвочекъ—она такая и будетъ, рукодѣльница, хозяйка, такъ я воображаю свою собственную дочку. Здѣсь пускай носится по полямъ и тѣшится—это время золотое, единственное, оно навсегда останется памятью и всегда будетъ озарять тихимъ, нѣжнымъ свѣтомъ позднюю пору жизни.

Ну, до свиданья, мои серденьки, Господь да хранитъ Васъ.

Ваша Julie.

Съ Новымъ годомъ, мои милыя, дорогіе друзья, Поль и Люба! Сегодня-же исполняю ваши порученія, тороплюсь, чтобъ не опоздать на почту. Письмецо твое, дорогая моя Люба, получила въ середу, т. е. въ Крещенскій сочельникъ, слѣдовательно, не могла ничего сдѣлать всѣ лавки заперты. Къ счастью, что сегодня почтовый день. Ты, что это, мать моя, насовала мнѣ денегъ чертову пропасть, ужь я, кажется, больше 20 р. на дорогу получила, записывай ты, Христа ради, дружокъ мой; я до того обезпамятѣла, что даже расходы бросила записывать, стала совершенно покойный свѣтъ—Свѣчинъ, надъ которымъ я все, грѣшная, хохотала. Покорно васъ благодарю за всѣ ваши великія милости *ко мнѣ—свиньѣ;* сама постараюсь заслужить. Пріѣду, мои родные, непремѣнно: „хоть плыть да быть!“ съ мужемъ, или безъ мужа, какъ придется, а пріѣду, если буду жива, да валяться не буду. Вотъ завтра жду срока своей болѣзни,—отлежу и если Богу угодно, и выѣду около 17-го. Можетъ и Настя подъѣдетъ, *сей соблюдившійся овецъ* Кар. Богдан. опять въ Ростовѣ. Я щеголяю праздники одна, скука смертельная; выѣхать лѣнь, нездоровиться. Ты, что это сбѣсилась, сударыня! Чего мужъ-то смотритъ! Веселись, моя радость, Христосъ съ тобой; придетъ пора,

не до веселья; вотъ, какъ я, *старя сталя, сляба сталя!* какъ Дюбекъ говаривалъ.

Что сказать новаго? губернаторъ уѣхалъ въ Питеръ въ ночь на Новый Годъ. Земство кипитъ и пошатывается сгоряча. Дай Богъ, чтобъ пошло. Дороговизна всего возрастаетъ. Теперь помѣшались на благородныхъ спектакляхъ, въ пользу погорѣвшаго театра. Вотъ и клеенку купила, сейчасъ отправляю. Вы на меня не сердитесь, мои милые, что я передъ праздниками не писала: такъ скверно себя чувствовала, все валяюсь. Никуда не гожусь,—ни Богу свѣча, ни чорту кочерга?

Нынѣ, недавно узнала я грустную для меня новость: Перевлевскій помѣшался. Отвезенъ въ сумасшедшій домъ: *sic transit gloria mundi!*

Прощайте, мои родные; тету, милую Настюшу обнимаю вмѣстѣ съ вами и еще разъ поздравляю съ Новымъ годомъ. Да принесетъ онъ вамъ все, чего только желать можно.

Милый Поль! о тебѣ идутъ самые лучшіе отзывы; тебя называютъ честнымъ и благороднымъ исправникомъ. Что этотъ скотина Рудза не утверждаетъ тебя. Упрямъ, говорятъ, какъ волъ. Клеенки посылаю $6^1/_4$ аршинъ, по 80 к. на 5 р, с. кажется такъ, считайте сами. Окорокъ постараюсь купить самый лучшій, и привезу, а такожде и коверъ. Не знаю, что будетъ стоить отправка; здѣсь на почтѣ грабятъ. Папа прислалъ книгу изъ Ярославля ему стоила 13 к. с. Эту-же книгу я должна была послать отсюда въ той-же оберткѣ, съ меня взяли 26 к. я квитанцію храню, и вашу привезу вамъ.

До свиданья, мои дорогіе!

Ваша всей душой *Julie.*

---

7 января, 1866 года.

Да! Милый братъ. Послана въ Чухломское полицейское правленіе просьба о какомъ-то взыскѣ съ кого-то,—хоть убей не помню!—Жида Мусина. Такъ нельзя-ли похлопотать о скорѣйшемъ исполненіи. Много меня обя-

жешь, это мой пріятель. Славный человѣкъ. Дѣльная голова, и честный. Онъ и вамъ пригодится. Приголубьте его, если онъ будетъ въ Чухломѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Питеръ, заѣзжалъ къ намъ В. А. Ивашинцевъ, и спрашивалъ: что сказать вамъ, дорогіе друзья; но я думала, что на другой день буду писать вамъ, и поручила ему передать вамъ поцѣлуй. На другой день старушка слегла въ постельку и 5 дней писать не могла. Теперь получше. Настя и К. Богд. ушли къ постоялкѣ на завтракъ; у нихъ рожденье дочки, а я сижу и царапаю вамъ сіи строки. Порадовалась отъ души за успѣхъ вашихъ дѣлъ. Браво, Люба, дорогая моя, что ты эдакія операціи сотворяешь. А я, по моей лѣнивой натурѣ, только удивляюсь. Меня-бы милліоны не соблазнили, если-бъ нужно было такъ метаться. Надо и силы имѣть, и то сказать. Какъ, разъ ты мнѣ описала твое путешествіе въ театръ; стоянье два часа передъ кассой, взбиранье подъ небеса, путешествіе изъ театра домой,— я только глаза вытаращила. Ну, „здорова дѣвка!“ подумала,—глядь, а она тутъ-же жалуется на усталость, и на то, что раскисла. Да, какъ другъ мой, не раскиснуть. Прусскій солдатъ, и тотъ-бы раскисъ. Эдакъ можно легко упѣтать себя. Нѣтъ, ты не шали, моя радость, такъ со здоровьемъ, береги себя. Что подѣлываетъ милая моя Настюша? вспоминаетъ-ли тету? Часто я о васъ думаю.

Ну, дорогой мой Поль! какое-же quipro quo вышло въ нашихъ письмахъ. Отъ души посмѣялась я! Вообрази, что мы съ тобой говорили одинъ о Петрѣ, другой объ Иванѣ. Ты написалъ *канканизмъ* и написалъ неясно, такъ что я прочитала *панканизмъ*, т. е. *особаченье*, и такимъ образомъ повела рѣчь о Дарвинѣ. Посмѣешься, вѣрно и ты. Люба рѣшила вопросъ дѣльно и сказала то, что я хотѣла сказать: т. е. что она хлопочетъ о лучшемъ, желаетъ обезпечить себя и проч., и проч.

Весна что-то заигрываетъ съ нами: время теплое, Волга третьяго дня прошла. И у меня есть свои планы и планчики иасчетъ лѣта и здоровья; но какія? не пишу, тоже не люблю писать и говорить заранѣе, тоже держусь этой примѣты. Умный человѣкъ, завернувшій поясокъ въ посылку — я сама. Поясокъ не годится для меня: и

узокъ, и коротокъ. Можетъ, Настѣ пригодится. Ничего не покупай мнѣ, моя радость, мнѣ ничего теперь не надо. Да и по правдѣ сказать—лишняя трата: здѣсь все можно найти, а если копѣйкой дороже, то пересылка сравняетъ цѣну. Я даже не могу придумать, что мнѣ нужно: только и хлопочу, чтобъ лишнихъ вещей не было; только тѣснятъ. Одни книги, и тѣ изъ дому выжили; столько мѣста занимаютъ. У меня страсть къ простору. А тутъ—вся комната завалена.

Настя завеснуетъ здѣсь; она тебя Поль поручила обнять и поблагодарить за память. Наняла комнату въ три рубля у Московской Ан. Ив. и шлепаетъ по грязи, бѣдняжка. Вотъ, положеніе: судьба сперва душу вытянетъ, а потомъ дастъ. Карницкой долженъ получить въ нынѣшнемъ году очень значительную выкупную ссуду. И будь только рука въ Питерѣ, онъ получилъ-бы скорѣе, и я получила-бы 500 р. по разнымъ разсчетамъ, но это можетъ случиться въ концѣ года, а до тѣхъ поръ я должна содержать Настю. Горяйновъ упросилъ отсрочить. Передѣлокъ съ крышей предстоитъ рублей на 600. Посылаю вамъ для любопытства копію съ бумаги, полученной Карницкимъ на запросѣ о выкупной ссудѣ. Я ее, т. е. настоящую, показывала многимъ дѣльцамъ, и мнѣ сказали, что это вѣрно.

№ я получила. Дѣлать мнѣ тутъ нечего. Ясно, что мужики скажутъ, что у насъ заключено условіе, вѣрно отнесутся ко мнѣ, я дамъ отзывъ—вотъ и все. Кажется, вы не часто безпокоили вашихъ благодѣтелей просьбой о другихъ личностяхъ, по крайней мѣрѣ родныхъ, чтобъ ужь, ахъ батюшки! точно свѣтъ загорѣлся,—не думаю, чтобъ отъ этого вы могли потерять много. Мало-ли судятся, да вдругъ помирятся и дѣло прекращается. Конечно, я сама теперь не попрошу ни о чемъ насчетъ своихъ дѣлъ, потому что мнѣ не желательно такъ затруднять васъ. Я сильно щекотлива на этотъ счетъ. Послушать, такъ чуть въ рожу не плюете ....., а тутъ переполошились, что мировая сдѣлка предупредила приказъ министра. За это не сошлютъ въ Сибирь. Такъ разозлили меня! Къ счастью, что не подвернулись подъ руку, а то отдула-бы!

Цвѣты насъ много утѣшаютъ. Тюльпаны цвѣтутъ прелестно, резеда двухъ-годовая, мной выведенная, цвѣтетъ, розы набиваютъ почку. Скоро будемъ копаться въ цвѣтникахъ. У насъ у обѣихъ настоящая страсть и слабость къ цвѣтоводству, жаль, что мѣста мало. Хотѣлось-бы раскинуть пошире. А вѣдь что вы скажете, мои дорогіе? вѣдь, не шутя, только эгоисты счастливы на свѣтѣ. Я убѣждаюсь въ этомъ съ каждымъ днемъ. „Не тронь чужаго, не теряй своего!“ Ищи, гдѣ лучше, какъ рыба ищетъ гдѣ глубже. Не обижай ближняго, но пуще всего, не обижай себя. Что такое стремленіе къ личной и нравственной свободѣ, какъ не эгоизмъ? Эгоизмъ хорошій, добрый, не задѣвающій никого, дающій другимъ дорогу, чтобъ только не задѣвали его! Мнѣ кажется, весь міръ на этомъ вертится, только пересаливаетъ. А истинно-разумный человѣкъ не пересаливаетъ; онъ находитъ все въ самомъ себѣ. Мы завидуемъ птицамъ, мы желаемъ крыльевъ—развѣ это не эгоизмъ. Мы добиваемся лучшаго міра, гдѣ нѣтъ ни жертвъ, ни стѣсненій, гдѣ каждый счастливъ самъ по себѣ—развѣ это не эгоизмъ и т. д. и т. д. конечная цѣль стремленій человѣка—блаженство; временныя мученія обѣщаютъ вѣчное наслажденіе—а еслибъ предложили намъ вѣчную муку за благо другихъ—ну, не знаю много-ли бы нашлось охотниковъ, развѣ такихъ, которые бы нашли блаженство въ этой мукѣ, тогда и мученіе, какъ слово теряетъ всякой смыслъ. Заболталась, пошла въ гору. Прощайте, мои милыя дорогія. Будьте Богомъ хранимы. Обнимаю васъ всѣхъ горячо и нѣжно за себя и мужа.

Вышлите, други, коробочку порошка отъ Кача да для чистки мѣди и серебра. *Julie.*

6 апрѣля 1869 года.

Такъ! я это знала, я это чувствовала, что у васъ случилось не совсѣмъ ладно. Господи! какъ-же это устроить, что-бы Люба берегла свое здоровье? Вѣдь она намѣренно будто, разрушаетъ себя. Милая, дорогая Люба! Если ты любишъ насъ, береги себя, хотя для того,

чтобъ не огорчать насъ.—Понимаю, милый другъ, какъ тебѣ горько смотрѣть на страданія Любы: она, чѣмъ-бы отдохнуть, переходитъ къ страданью. Одно успокоиваетъ меня,—это-то. что подобные горловые страданья мучительны, но не опасны. Надѣюсь, что скоро получу отъ васъ, милые други, отрадную вѣсточку. Письмо твое застало меня на службѣ, т. е. въ постели. больную своей чередной болѣзнью Писать сейчасъ была не въ силахъ, хотя и волновалась и хотѣлось писать.

Скажи мнѣ, дружокъ, какая ссуда слѣдуетъ Карницкому, на какую сумму? Очень меня разочаровало, что ее вышлютъ въ Витебскъ, — конечно, это такъ должно быть,—я, думаю, оттуда не скоро выцарапаютъ. А ѣхать самому не на что. Большое спасибо вамъ, мои дорогія, за эти хлопоты. Пусть выздоравливаетъ скорѣе, моя милая сестрица, получитъ ссуду К—ій,—будетъ ей магарычъ, мы, сударыня, тоже не нагой носъ сморкаемъ, тоже порядки знаемъ. Книжечка твоя, милый братъ, воистину, помолодила меня и перенесла въ то свѣтлое, радушное прошлое, которое такъ далеко лежитъ за нами, что только одна память да воображеніе вызываютъ его,— и, вотъ, по временамъ, какъ волшебное фата—моргана оно является передъ нами и невольно чаруетъ нашу душу. Спасибо, что напсчатали даромъ, и то пригодится. Авось пораспродадутъ книгопродавцы. Къ Пороховщикову завтра отошлю письмо и книгу; книгу получила черезъ два дня послѣ письма. Ты пишешь въ какомъ-то мрачномъ духѣ— и противорѣчишь успокоительнымъ письмамъ Любы, которая говорила въ послѣднемъ еще письмѣ, что ей все удается и все идетъ отлично. Вѣрно ея болѣзнь накинула на все туманъ въ твоихъ глазахъ. Я это понимаю; понимаю также, что жизнь дорога. Охъ, какъ дорога! Здѣсь говядина—15 к. и проч. въ этомъ родѣ... Сѣно— 25 к. до сихъ поръ, а зимой было 50. Просто — жить нѣтъ возможности, удержать необходимый бюджетъ. Когда черезъ Воронежъ прошла желѣзная дорога, то,—писали въ газетахъ, около 200 семействъ, пріѣхавшихъ жить туда, ради дешевизны, выѣхали оттуда. Не худо и намъ поискать *дешевки*. Вотъ, отъ чего я упираю на глушь, тамъ просто эльдорадо, въ отношеніи дешевизны. Что

нибудь да надо придумать. Капиталъ пристроить трудно; отравлять свое спокойствіе рискомъ не хочется; въ дѣло втянуться—избави Боже! А тамъ, что случиться—подавай ко взысканію, хлопочи... Нѣтъ, это не по мнѣ, я смотрю на это, какъ на божеское наказанье. У меня ни генія, ни терпѣнья нѣтъ моей милой Любы, которая творитъ чудеса, правда, но за то не знаетъ покоя. Я на нее всегда смотрѣла, какъ на мученицу. Напиши мнѣ, мой другъ, поскорѣй, и то я сильно безпокоюсь, ужь мнѣ покажется, что и всѣ-то вы больны, и, вотъ, потянутся безсонныя ночи, да глупые сны на яву, отъ которыхъ отмахиваешься, какъ отъ мухъ, а все безпокоютъ.

Ну, на сегодня будетъ! Завтра окончу и отошлю письмо. Покойной ночи, и глаза и спина устали. Пора старушкѣ въ постельку.

---

19 іюля.

Получили-ли мое письмо, въ послѣднихъ числахъ мая? Тутъ-же было и письмо къ Любѣ отъ Насти, писанное наканунѣ ея отъѣзда. Неужели оно пропало?

Третьяго дня была сильная гроза, вчера дождь и холодъ, сегодня солнце и вѣтеръ. Все это разстрепало наши розы; а розы нынче такія, какихъ я никогда не видала, истинно-царскія по величинѣ, формѣ и цвѣту, кто ни увидятъ во снѣ снятся. Это-тотъ кустъ въ кругломъ цвѣтникѣ за конюшней: на немъ 60 цвѣтовъ, по 20-ти въ полномъ разцвѣтѣ, а то въ бутонахъ больше куринаго яица, и форма яйца, въ длину около полутора вершка, и эти розовые клумбы развертываются передъ тобой, блестя яркими оттѣнками, глубокими чашками, и напоминаютъ мечты о раѣ. И вѣдь розы наши отъ грунта переродились, мы ихъ купили обыкновенныя, а они теперь громадныя, и отъ страшной силы разрисованы въ тѣнь штрихами. Такъ-бы и послала букетъ моей дорогой садовницѣ-Настюшѣ, которую нѣжно цѣлую. Прощайте, мои несравненныя, Господь да хранитъ васъ. Дай Богъ, чтобъ письмо мое застало васъ и здоровыми; и радост-

ными. Пиши, ради Бога. Карлъ Богдановичъ вмѣстѣ со мной, горячо и дружески обнимаетъ всѣхъ васъ.

B. Julie.

---

5 февраля 1872 г.

Наконецъ.то получила отъ тебя грамотку, милая, дорогая моя Люба. Слава Богу, что съ тебя свалилась твоя болѣзнь. Объ оброкахъ не хлопочите: я сдѣлала условіе съ мужиками, получать по сту рублей въ годъ. Дѣлать было нечего; крестьяне такъ обѣднѣли, что другимъ путемъ того не получить. 31 января я выслала вамъ по почтѣ 75 рубл. Вѣрно вы еще не получили. Трудно въ нашъ вѣкъ достать 30 тыс. Дай Богъ, успѣха Богдановичу. А ты, мой вѣчный младеньчикъ, все предаешься великолѣпнымъ мечтамъ, все махаешь широко и высоко. Мечтай съ Богомъ: всякъ останется при своемъ. Остановить меня и перемѣнить мои убѣжденія могли-бы 10—76 Карловъ Богдановичей. Ты можешь дуть въ свой носъ, а я — въ свой. Ты меня плохо знаешь и совершенно не понимаешь, дружокъ. Вотъ, ты называешь меня дѣвочкой—названіе отъ котораго моторитъ,—а я и въ 10 лѣтъ не была дѣвочкой. Въ одномъ ты права—что я празднословлю. И потому перестану. Спасибо тебѣ, голубчикъ, захлопоты, спасибо за нѣжность—я цѣню ихъ, моя дорогая, и не выдумывай, чтобъ я усумнилась въ нихъ.

Ахъ, дружки мои! Я такъ хворала это время, что думала — капутъ! Теперь опять улягусь съ завтрашняго дня, на извѣстный срокъ. Лечиться—подожду весны, теплаго времячка; теперь куда мнѣ тащиться. Я носу всю зиму безъ простуды высунуть не могла. Что твоя, чортова бабушка,—такъ и выслалъ косынку! Я-бы, съ удовольствіемъ, послала ему деньги. Онъ вѣрно думаетъ, что вы возьмете ее даромъ.

Мои дѣлишки съ Гор—. кой-какъ улаживаются. Беру закладную. Только денегъ не получила. Надо подождать. Закладчикъ вѣрнѣе и безопаснѣе проклятыхъ векселей.

Федоръ Москвинъ умеръ. Татушка по обыкновенію ревѣла и выла. Она нервна и чувствительна. Похудѣла и еще зеленѣй стала. Жаль мнѣ ее; я ее очень люблю, хорошая она и не глупая женщина. На дняхъ пришла и утащила твоихъ какашекъ съ наслажденіемъ. Нѣтъ, ужъ мнѣ не до какашекъ! Еще развѣ, цвѣты могутъ меня утѣшить. Выписала сѣмянъ, не знаю, удастся-ли нынѣшней весной дождаться ихъ? кажется придется возиться съ собой; выйти изъ своего гнѣзда и нюхнуть простора и воздуха внѣ присно—блаженнаго гор. Ярославля. Загадывать заранѣй не хочу—что Богъ дастъ. У насъ все обстоитъ благополучно. Жильцами я довольна.

Что подѣлываетъ моя дорогая Настюша? Ты что это ничего объ ней не пишешь? Ахъ, какъ глюпъ! Такъ сказалъ. М-ръ Фалькъ, нашъ партнеръ въ табельку. Славный нѣмецъ! у него страсть къ цвѣтамъ и табелькѣ.

Тѣшило-ли васъ сѣверное сіяніе. Вотъ, такъ, освѣщеніе было! Небесные бенгальскіе огни!

Прощайте, мои несравненныя! Да хранитъ васъ всѣхъ провидѣніе. Обнимаю горячо и нѣжно, моихъ милыхъ родныхъ. Какъ твое-то здоровье братъ? Озаботилъ ты меня, мое сердце. И сестрица — старушка молится за всѣхъ васъ. Еще разъ, обнимаю васъ, дорогіе.

Ю.

Карлъ Богд. обнимаетъ васъ тепло и дружески. Напрасно, ты обращался къ нему съ жалобами. „Мужъ да жена—одна сатана!“ У насъ одинаковыя мысли и мнѣнія о многомъ въ жизни.

Вѣроятно, вы получили первое письмо мое къ вамъ, въ Самару, дорогія друзья Поль и Люба, а я получила ваше отъ 14 апрѣля. На этотъ разъ, не гнусная лѣнь, а мое нездоровье заставило меня замедлить отвѣтомъ. Изъ письма вашего видно, что вы еще не устроились, не оглядѣлись и не привыкли къ новому мѣсту; а, кажется, взявъ въ расчетъ и большой городъ и дешевизну содер-

жанія, можно смотрѣть съ надеждой въ будущее. Всего вдругъ не дается. Охота, тебѣ, дружокъ, Люба, хлопотать ни свѣтъ, ни заря, о кормешкѣ близкихъ „своимъ хлѣбомъ солью!“ Помилуй, матушка и сама-то еще не устроилась. Мы, слава Богу, сыты, можемъ обойтись и безъ бѣлорыбицы. Лучше всякой бѣлорыбицы было-бы то, какъ-бы вы смотрѣли на вещи болѣе прямыми глазами, и не ставили-бы меня опять въ непріятное положеніе между собой и отцемъ. А для удвоенія непріятнаго положенія, вы непремѣнно упираете на идіотическое состояніе отца;—онъ на столько не идіотъ, на сколько вы и я. Я-бы желала, чтобы вы пожили съ нимъ и поняли его идіотизмъ. Когда человѣкъ, по временамъ, раскисаетъ отъ болѣзни, — это еще не значитъ, что онъ идіотъ. Да вѣдь и вы это очень хорошо знаете; а такъ только упираете на это. Поль до копѣйки знаетъ средства отца, — знаетъ, что у него со времени вашей чухломской жизни убавилось 2000 тыс. лежачихъ денегъ, слѣдовательно, 100 р. изъ доходу вонъ, а расходы прибавились; Дарья и друг. люди получаютъ двойное жалованье, а людей вдвое больше. Одна Дарья, получавшая прежде 2 р. въ мѣсяцъ, получаетъ теперь 4 р.; не я-же ей прибавила, а папа, также онъ и другимъ распоряжается. Что касается, до квартиры, то я, и сама не одинъ разъ предлагали брату очистить для васъ верхъ; но онъ упорно отказывался. А въ своемъ домѣ я-бы и дочери родной не помѣстила: у всякаго свои слабости. Чѣмъ-бы терять на такую огромную сумму вещей,—вамъ-бы помѣстить ихъ у насъ, никто не мѣшалъ. Вѣдь чтобъ пропасть на тысячу рубл. сер. вещей; — надо, чтобъ васъ ограбили; гдѣ-же находились эти вещи и кто ихъ укралъ? Какъ-же не дать знать полиціи? Кажется, послѣдніе мѣсяцы квартира вамъ не дорого стоила, кто-жь вамъ не велѣлъ переѣхать на верхъ, къ папа и помѣститьси въ его домѣ, гдѣ угодно. Я-бы съ удовольствіемъ передала Любѣ 5 р. которыя я получаю отъ отца за столъ, и вы-бы жили своей семьей, а меня избавили-бы отъ лишней заботы, потому что вамъ вдвоемъ нужно не много, и мнѣ моихъ доходовъ взятыхъ вмѣстѣ съ доходами моего мужа, т. е. 50 р. въ мѣсяцъ достаточно,

чтобъ жить порядочно, прилично, не нуждаясь въ необходимомъ.

Когда я передала отцу просьбу о ложкахъ, онъ разбѣсился, и сказалъ, что онъ самъ продиктуетъ вамъ отвѣтъ. Мы съ Настей отказались писать подъ его диктовку, и онъ просилъ посторонняго человѣка. Еслибъ ложки лежали у меня, я-бы еще могла прислать вамъ; но я сама нахожусь подъ контролью: ложки хранятся у Дарьи. Я прошу васъ объ одномъ: обращайтесь прямо къ отцу; онъ не любитъ посредничества и мнѣ всегда непріятности и укоры черезъ это. Рубль на чулочки я съ удовольствіемъ передала Ольгѣ Николаэвнѣ.

Тяжеленько бѣдному Полю отдуваться за троихъ: здѣсь, подлецы, скрыли перемѣну помощника; еще дѣло рѣшено было при васъ, и какъ вы уѣхали, такъ и новый помощникъ явился. Я чуть не лопиула съ досады, какъ узнала. Эти вещи только и можно пронюхать въ почтовомъ департаментѣ. Я человѣкъ мнительный: теперь боюсь, что ты дала прозванье почтмейстеру, того и гляди, что хорошія отношенія измѣнятся. Полю что-нибудь подпакоститъ — и пойдетъ исторія. Вѣдь не даромъ сказано: „чти отца и матерь и благо тебѣ будетъ и проч.“. Ну, Богъ съ ней, потерпи: не объѣстъ-же она васъ, припасы въ Самарѣ дешевы. Вѣдь и твоя Настя не Богъ знаетъ чѣмъ будетъ тебѣ обязана, не тысячи ей оставите. Неужели все почтеніе къ родителямъ, должно класть на счетъ того, что мы отъ нихъ получаемъ. Страшно, мой другъ; въ жизни я столько видала примѣровъ— не бываютъ счастливы люди, когда родителей не почитаютъ. Вотъ, я и дала себѣ слово исполнить долгъ до конца. Не ругайтесь и не сердитесь, что рѣдко пишу; знаете меня, прокислую кашу; а отъ К. Богданыча и отецъ родной во всю жизнь не дождался письма. Сами вы мрачныя какашки; мрачнѣе насъ грѣшныхъ. Эхъ, я оттянула письмо! А всякое утро собираюсь писать. Буду теперь ложки выпрашивать. Я свои и К. Богд. лишнія продала въ Костромѣ оставила только 8 ложекъ. Нынче выгоднѣе мельхіоровыя имѣть. Нат. Ник. Жадовская

такъ и сдѣлала, а лишнія деньги за серебро отдала въ проценты.

Прощайте, други. Господь да хранитъ васъ. Папа чувствуетъ себя порядочно. Сдѣлалъ себѣ маркизъ на балконѣ и очень доволенъ, что можетъ сидѣть на воздухѣ. А я копаюсь въ саду, когда силы есть. Умру, такъ вспомните! Христосъ съ вами. Цѣлую васъ нѣжно обѣихъ вмѣстѣ съ К. Богдан.

Ваша сестра *Julie*.

Ужь я и бранила себя, что потревожила и огорчила васъ, дорогія! Вѣдь это человѣческій эгоизмъ, зачѣмъ я васъ разстроила? Терпѣла-бы, и была-бы умненькая дѣвочка. Сегодня ровно двѣ недѣли, какъ мой бѣдный К. Богд. лежитъ въ постели. Ему немного лучше; но болѣзнь очень медленно подвигается. Когда лежитъ—боль молчитъ, но сидѣть и ходить можетъ не болѣе 10 минутъ, ходить еще меньше,—изъ кабинета доплетется въ залъ,—и кончено: назадъ ужь возвратится съ болью и слабостью. Но все-же, благодаря Богу, болѣзнь идетъ назадъ, а не впередъ,—вотъ, ужь истинно,—входитъ пудами, а выходитъ золотниками. Не тревожьтесь, мои безцѣнныя: Богъ милостивъ. Видитъ Богъ, что я перечувствовалала и перестрадала эти дни. Теперь начинаю отдыхать. Пишу въ постели, въ обыкновенной своей болѣзни. Слава Богу, пятый день пошолъ скоро встану. Спасибо вамъ голубчики, за нѣжное участіе! Не умѣю высказать моихъ чувствъ. Храни васъ Господь и пошли свои блага! На дняхъ заѣзжалъ братъ Василій Алексѣичъ, по дорогѣ въ Питеръ. Писать съ нимъ не могла. Теперь ужь вѣрно онъ былъ у васъ. Скука, други, и тоска хворать, а видѣть хворающимъ близкаго человѣка вдвое хуже. Ни кого не вижу, и не принимаю. Всякое присутствіе чужаго человѣка тягостно. Надѣюсь, что моему милому скоро будетъ легче. Онъ бодръ духомъ. Сегодня употребитъ электричество. Сперва было рано.

Этотъ Богдановичъ—просто *душетащитель*! Я сама ненавижу пустыхъ ожиданій. Хоть-бы его чортъ принесъ поскорѣе! Даже и я слѣжу по газетамъ, за извѣстіями

желѣзн. дор. но о концессіи сибирской не встрѣчала. Что-то Богъ дастъ! Вотъ и октябръ за половину.

Помилуй, Люба, милая моя! ты меня съ ума сводишь своей впечатлительностью. Что еще, злодѣй, надѣлала съ собой. Пей водку, ради Бога, въ маточныхъ болѣзняхъ — это единственное средство. Вытри спину спиртомъ. Господи! спаси и храни васъ! Ну, матушка, какъ придется кому нибудь отправляться въ неизбѣжный путь—тутъ, что съ тобой будетъ? Надсаженыя у всѣхъ насъ, больныя души... Ахъ, дорогой братъ мой! Какъ коротка жизнь, и какъ рано начинается роковой скатъ по ея пути!.. счастливы тѣ, кто не чувствуетъ его, а мы привыкли слѣдить и наблюдать—отравлены горькими, разъѣдающими мыслями. Что далъ намъ печальный анализъ? Голую дѣйствительность, подобную грозной нависшей надъ нами скалѣ; мы гонимъ соблазнительную фатоморгану, которая могла-бы обмануть насъ маревомъ, но марева мы не хотимъ... Мы слишкомъ стары, чтобъ бѣжать за призраками; и довольно молоды еще для полной апатіи... И что еще? я погубила въ себѣ врожденную всякому человѣку спасительную забывчивость о ничтожности земнаго, и выработала одно горькое: „не стоитъ!“ Будь, что должно быть. Нашъ прелестный климатъ, наша чудная осень съ первыхъ дней августа должно быть очень способствуетъ къ веселому расположенію духа...

Обнимаемъ васъ сердечно милый мой Насюхончикъ! дядя благодаритъ тебя за участіе и вмѣстѣ со мной нѣжно тебя цѣлуетъ. *Ваша Julie.*

19 октября.

P. S. Глазамъ моимъ лучше. Пиши, дружокъ Люба, обыкновеннымъ почеркомъ. Я хорошо читаю твою руку.

Цѣлую и обнимаю васъ, мои дорогіе друзья Поль и Люба! Съ чего вы, болваны эдакіе, взяли, что я перемѣнилась; я злилась только одно время, потому что меня смущали разныя свиньи, у которыхъ чешется языкъ. И такъ, какъ я мнительна, то и въ молчаніи

Любы послѣ отъѣзда видѣла, какъ-бы подтвержденіе разныхъ гадостей. Нѣтъ, мои милые, я все таже, также люблю васъ, только иногда брякаю, что чувствую и думаю. Рѣзкость моя есть признакъ любви и искренности: я оченъ церемонна съ тѣмъ, кого не люблю. Ты, говорятъ, собираешься въ Ярославль, моя дорогая люба; какъ я этому рада. Хоть увидимся. Мы покушаемся побывать къ вамъ въ Чухлому; не знаю только какъ, чтобы не стѣснить васъ. Пріѣдешь такъ поговоримъ. Можно вмѣстѣ экипажъ попросторнѣй нанять, и дорога будетъ обѣимъ сторонамъ не дорога. Какъ нибудь устроимъ. Теперь мы можемъ дозволить себѣ это удовольствіе. Прощайте, родные мои, Настюньчика милаго нѣжно цѣлую. *Ваша Julie.*

На счетъ скатерти справлялась; здѣсь рѣшительно нѣтъ хорошихъ,—да вѣдь Питеръ царство полотнянаго товара,—у меня слюнки текутъ, какъ я читаю объявленія о полотняныхъ товарахъ, а сдѣсь все съ бумагой; попрошу тетушку—нѣтъ-ли у купцовъ продажныхъ. У меня все забраные съ пятнами да и очень хорошихъ нѣтъ. Однако, похлопочу. Отъ чего-же, моя радость и не хлопотать для себя и другихъ, если другіе нуждаются. Но, какъ-же ты, милая, врагамъ-то мститъ хочешь: какъ ты Христу-то этимъ угождаешь, Ему, который сказалъ: любите враговъ вашихъ... Не великая важность друзей любить... Мы все выбираемъ, что полегче, да получше... Нѣтъ, полюбите-ка враговъ-то, государыня моя. Ваша прелестная, юная, не опытная, глупенькая, слишкомъ сорокалатняя *дѣвочка* не портится; она впрокъ замаринована жизнью;—не портится и не измѣняется. Часто намъ кажется перемѣнной-то, что толъко при извѣстныхъ столкновеніяхъ выдается, какъ необходимое слѣдствіе этихъ столкновеній. Вотъ, хоть-бы теперь: мы вѣдь 20 лѣтъ не прожили вмѣстѣ, — слѣдовательно не знаемъ всѣхъ мелочей характера и привычекъ;—а провели лѣто вмѣстѣ въ первый разъ—я и вижу, что удобнѣе зимой вмѣстѣ; что и мужъ, и я стѣснены; что нѣтъ минуты свободы и уединенія; каждый имѣетъ свои

капризы, свои привычки. На это я никогда не сержусь. не сердись и ты, моя дорогая. Слова мои, на каждомъ шагу оправдываются. Вотъ, только до тебя долетѣлъ слухъ, что я въ Панфилово собираюсь, какъ ты пишешь что убью тебя моей поѣздкой. Что-же это такое? А если-бы мнѣ захотѣлось ѣхать?—вотъ, ужь и свобода отравлена. А напишите, что вы завтра ѣдете въ Парижъ, я скажу: дѣлайте, други, какъ вамъ лучше, и какъ хочется. Это свободная дружба. И вы поѣхали-бы весело и покойно, зная, что меня это не огорчитъ. Но пріятно-ли-бы было, если-бъ я валялась безъ памяти? Вотъ, что я хочу высказать и выяснить на счетъ деспотизма дружбы. Посмотри, какъ твой мужъ, а мой милый братъ, высоко стоитъ въ этомъ отношеніи. А ты, мое сокровище, сей часъ и землю драть. Моришь ты меня, безъ покаянія. Разъ, навсегда, убѣдитесь, что вы мнѣ дороги и милы и будемъ жить ничего-же сумняшеся... Милая моя! Увѣрься, что я люблю тебя искренно и много и мѣста твоего въ моемъ сердцѣ никто не займетъ. Христосъ Воскресе! мои дорогія; что надумаю напишу, а татушкѣ не хорошо смущать васъ. не узнавши навѣрное; я никому больше не говорила, и то хотѣла испытать ее. Господь да хранитъ васъ! Вашъ другъ и сестра.

Julie.

Севенъ нѣжно и крѣпко васъ обнимаетъ.

---

29 сент.

Голубчики мои, дорогія друзья: Поль, Люба, Настя большая, Настя маленькая! Обнимаю васъ милые, многолюбимые! Начну сегодня писать съ минуты возстанія моего отъ водочнаго сна (другаго не имѣется). Проснулась и ворчу: „десятой часъ, это безобразіе, кажется, можно наспаться!“ Карлъ Богд. неистово выскакиваетъ изъ-подъ шубы, въ одну секунду одѣвается и кричитъ въ дверь: чего! въ ожиданіи, намачивается полотенце и обтирается мнѣ спина и брюхо: я говорю осторожнѣй! брюхо мнѣ простудишь. Онъ обозлился: какъ еще тебѣ

обтирать! На это отъ злобной сестрицы посыпался градъ укоровъ, послѣ которыхъ, неистово схвативъ свою чашку, удалилась въ свой *будуаръ*; за ней выползъ супругъ— посмотрѣли другъ на друга — и разразились хохотомъ, вслѣдствіе чего сестрица сѣла на тронъ... тутъ явился почтальонъ — „*именно то что мнѣ нужно*!“ Плюнула, но обрадовалась. Голубчики мои! не тоскуйте, не хандрите, все будетъ хорошо. Не умретъ сестрица! отдышалась. Съ алчностью и любовью читала ваши письма. Ты, генеральша! Что это выдумала хандрить! Грудь болитъ, голова! Колотушки не хочешь-ли? Ахъ, какъ гнѣвна была сестрица прошлый разъ! Хандра напала, потому что такая слабость напала, что даже я сама струсила. Вчера дѣлала визиты. Всѣ сдѣлала, но каково: какъ ни искала плетеной косыночки моей, нигдѣ не нашла, и, вотъ напяливши на голову креповый шарфъ, а la Катер. Андр. отправилась. Всѣ очень любезно приняли. Теперь будутъ пріѣзжать. Мнѣ всѣ здѣшнія очень нравятся. Славныя барыни! Настя! пожалуста, ты моего друга Вас. Ив. Фролова не трогай: онъ хорошій человѣкъ. Не наговори чего нибудь, а постарайся выставить въ хорошемъ свѣтѣ. Письмо это должно пахнуть таинственностью... На-те! ломайте голову,—послѣ скажу. Не легко писать-то мнѣ, милыя: и голова и тѣло устаетъ, а глаза слѣпнутъ совсѣмъ.

Ты-то Люба хороша! Экая утѣха, кончить дѣла и окочуриться. Пожалуста не кончай дальше. Вѣдь ты ужь чего не выдумаешь.

Жить здѣсь удобно и не дорого; воздухъ отличный, пища великолѣпная; но постройки съ ума меня свели. Матерьялы дороги. Деньги отъ Н—го только сегодня получила 250 р. Заняла, и слава Богу, развязалась. Брониславъ и бѣгалъ, и смотрѣлъ, да матерьялъ дорогъ. Кирпичу на 2 печки пошло 3000. Гвоздей чортова пропропасть и проч. Рублей на сто пошло да плата мастерамъ, печнику, стекольщику и маляру, *насоснику* (такъ Паша называетъ мастера, дѣлающаго насосъ къ колодцу) и проч. Ну, ихъ къ псу! скучно даже. Отдохнуть, походить и поворчать а la тета Мар. Ив.

Послѣ обѣда.

Сейчасъ проводила гостей! Готовцова, Корсакова, Куклина, Перепелкина: съѣхались всѣ вмѣстѣ, что гораздо лучше и пріятнѣе. Чай, кофе, закуска. Разговоръ свободный, пріятный, сидѣли часа три. Лубкова была у меня еще прежде, не дожидаясь визита. Странное чувство: на всѣхъ на нихъ смотрю я, какъ на сестеръ, такое у меня теплое чувство къ людямъ. Это, ужь видно годы.

А когда мы сойдемся съ милыми Кориными, то у меня образуется богадѣльня св. Іуліи. Мы всѣ три на перерывъ говоримъ. У меня здѣсь болитъ, у меня тутъ, а у меня спинушка...

Ночью.

Ну, други! Сестрица сотворила такое дѣло, что вы всѣ ротъ разинете. Я не люблю объявлять прежде времени, когда кончится — напишу. Пишу ночью, хворенькая, это видно по почерку. Я все надѣялась, что Настя получитъ деньги въ Питерѣ за Лукашевку. Вотъ, было-бы кстати. Батюшки! устраивайте дѣло. Конечно, кромѣ лѣта, Люба, ты должна пріѣхать зимой, съ мужемъ и дочкой. А лѣтомъ вы пріѣдете уже не въ барскій, а въ княжескій домъ... да-съ! да-съ! да-съ! Ну все, къ псу! одурѣла, не могу писать. И спать не могу.

Утро.

Ну, прощайте, до свиданья, мои милые. Больнехонька, слабость, рука едва движется. Ты-бы Люба хоть съ Настей пріѣхала-бы, пожила-бы, погостила-бы, а тамъ на Рождество и Настюша съ Полемъ и тетой-бы явились. Да боюсь одуришься, тосковать будешь. Христосъ съ вами; обнимаемъ васъ нѣжно, съ горячей любовью.

Julie.

Я даже боюсь; не изъ досады-ли на меня, они повредили вамъ во мнѣніи Серг. Серг. Вѣроятно Елагинъ возненавидѣлъ меня съ тѣхъ поръ, когда въ то время, когда онъ развивалъ свой мошеннический планъ на счетъ земли и синей краски, я по обыкновенію вспылила и назвала его подлецомъ, прибавивъ, что если не ты, такъ я сама предостерегу Водкова отъ ихъ плутней. Съ тѣхъ поръ, они уже болѣе не являлись къ вамъ все время моего пребыванія. Вотъ, милый братъ, всѣ мои догадки, почти увѣренность на счетъ перемѣны Волкова. Жаль и грустно, что тутъ трудно пособить дѣлу—все, что могу посовѣтовать, это обратиться къ нему съ полной искренностью, въ надеждѣ на его собственный благородный инстинктъ. Все это заботитъ меня въ отношеніи васъ, что же касается до меня лично, то я совершенно равнодушна ко всѣмъ выдумкамъ, какъ-бы пошлы и нелѣпы они ни были. Я помню слова Гамлета Офеліи: Будь бѣлѣе снѣга, люди съумѣютъ очернить тебя... и такъ я давно рѣшила, что надо имѣть для себя и для Бога, а не для людей. Кто меня знаетъ, тотъ меня любитъ. Меня знаютъ всѣ друзья мои... А онъ меня не знаетъ. Онъ можетъ только угадывать меня, но для этого нужно многое и многое... А знаешь, что? Мнѣ жаль, что судьба не сдѣлала насъ добрыми друзьями, мнѣ все думается, что изъ этого вышлобы много нравственной пользы для обоихъ; много пріятнаго и свѣтлаго. Ты будешь съ этимъ согласенъ, я знаю, потому что ты знаешь меня. Прощай, мой милый, я такъ много написала, что ужь не буду говорить въ этомъ письмѣ о себѣ и моей здѣшней жизни. Оставляю до будущаго письма. Петербургъ мнѣ всегда былъ благопріятенъ; надѣюсь и за этотъ разъ быть имъ довольна. Еще разъ, прощай. Разцѣлуй за меня китайку-колпашницу. Здоровали она моя милая крошка. Поклонись при случаѣ Волкову и пожелай ему отъ меня всего лучшаго.

Julie.

Прости, что такъ небрежно пишу, жена твоя торопитъ и не даетъ мнѣ ни минуты отдыха. Она бѣдная *желтится*. Обнимаю тебя нѣжно. Пансіонскую книжку

отъ жида получила, а росписки няня не взяла, на томъ основаніи, что онъ самъ писалъ вамъ.

Карлъ Богдановичъ дружески васъ обнимаетъ. На счетъ ногъ Поля: насухо выдавленной обыкновенной простыней обернуть на ночь ноги, начиная снизу, до половины туловища, сверху обернуть кругомъ ноги до половины туловища байковымъ одѣяломъ, также, какъ и простыней во сколько разъ придется; все-же тѣло, начиная съ шеи до пятокъ, вмѣстѣ съ руками герметически закрывать либо шубой, либо другимъ байковымъ одѣяломъ и такъ лежать полтора часа; можно дѣлать это и на ночь и въ какое время дня или вечера ему удобнѣе; лежать и до двухъ часовъ, если не согрѣется. Когда нужно выходить изъ компресса, то, какъ можно скорѣе снять его и одѣялы и быстро одѣться потеплѣе и сидѣть три четверти часа покойно, пока потъ, или избытокъ жара не пройдутъ. Послѣ всего этого, омыть лишнюю часть тѣла, до половины туловища водою 18-ти градусной теплоты, въ продолженіи десяти минутъ не болѣе, выходить на воздухъ одѣтымъ, смотря по погодѣ, гулять если компрессъ будетъ утромъ или рано вечеромъ, если-же ночью, то спать. Не забывайте *Грагамовскаго хлѣба безъ дрождей*. Избѣгать мяснаго, но не совсѣмъ.

Ну, теперь, будь Богомъ хранимъ. Рыбы мы не получали; получимъ, такъ напишу и скажу „спасибо“ за себя и за другихъ. Я и ботвиньи не буду ѣсть, пока ваша рыба не приплыветъ.

Что-же Настюша мнѣ не пишетъ? Я жду ея письма и распоряженій. Она всѣхъ насъ умнѣе. Обнимаю ее крѣпко. К. Б. вмѣстѣ со мной обнимаетъ васъ. Тетѣ К. Евграф. мой поцѣлуй и душевный привѣтъ.

Julie.

---

20 янв. 1873 года.

Милый, дорогой другъ Люба! Вышли, мое сокровище, для меня очки 8-й № сѣро-голубаго блѣднаго цвѣта. У меня глаза болятъ, и потому не могу писать. Если въ трубѣ, то займи, я вышлю въ первыхъ числахъ фев-

раля. 30 января уѣду въ Яросл. на нѣсколько дней, по дѣламъ и векселямъ. Оттуда напишу, или телеграфирую. Глаза не позволяютъ долго писать, обнимаю Васъ, мои родные. Не горюйте, если что и не удастся, — не все удачи въ жизни. Вѣдь вы ужь очень все къ сердцу принимаете. Еще разъ заключаю васъ всѣхъ въ мои душевныя объятія. Что ты читаешь, что подѣлываешь, дорогой братъ? Жду, откликнись, скучно, какъ долго не получаю твоихъ мушиныхъ ножекъ, такъ я твой почеркъ называю. Христосъ съ вами, мои хорошіе, милые други.

Ваша *Julie*.

Великая пятница.

Сейчасъ получила письмецо ваше, дорогія друзья. Хочу передъ праздникомъ, хотя мысленно обнять васъ всѣхъ горячо и нѣжно. Вижу, моя дорогая Люба страдаетъ мрачнымъ сомнѣніемъ и внутреннимъ бушеваніемъ, совершенно напраснымъ. Я слишкомъ стара, чтобъ измѣнять моимъ чувствамъ, мои родныя. Я даже не понимаю, какъ можно безпокоиться, что вотъ-де-скать меня забудутъ или разлюбятъ, потому что тамъ другіе... Такія чувства могутъ быть только у придворныхъ временщиковъ, а люблю я моихъ близкихъ не отъ скуки, и сама увѣрена, что меня не разлюбятъ, какъ-бы ни любили другихъ. Всякому свое чувство. Брату-братское, другу-дружеское; — на сколько жизнь и обстоятельство развили чувство — такимъ оно и остается. Ни чье присутствіе не помѣшаетъ моимъ привязанностямъ; правда, онѣ не восторженны и юношески — пламенны—для этихъ я ужь устарѣла,—но прочны и искренни. Ты пишешь, что мнѣ теперь веселѣй стало: да, милая! съ чего ты взяла, что я скучала, когда нибудь! Я скуки не знаю, можно-ли скучать, живя съ мужемъ, который постоянно со мной; потерявши, друга моего папа, я хандрила, да болѣзнь мнѣ надоѣдаетъ подъ часъ; такъ эти вещи гостями и картами не лечатся, ихъ лечитъ время. Я скуки

не знаю! Я это всегда считаю нравственнымъ торжествомъ, всегда восхищаюсь, что я такъ себя поставила, что не нуждаюсь въ обществѣ—есть оно хорошо; — нѣтъ—не хуже. Посади насъ вдвоемъ съ мужемъ въ пустыню, я и тамъ скучать не буду. Вотъ, скоро Докучаевы и Настя уѣдутъ; а я и въ усъ не дую. Присутствіе Насти не можетъ не быть мнѣ пріятно и чувство къ ней остается тѣмъ-же; а только мы обѣ стали благоразумнѣе. Вѣдь я только что не родила ее. Вѣдь этоты можешь такъ легко переходить отъ страстной любви къ ненависти, какъ тогда послѣ Москвы — ни съ того, ни съ сего возненавидѣла ее. А все съ своей мнительностью дѣло портишь и себя мучишь. О поѣздкѣ въ Панфилово ничего не было и придумано, а какъ-то при Татушкѣ разговорились о Буѣ; она восхищалась воздухомъ и климатомъ буйскимъ; а я вспомнила, какъ я больная уже, всегда оживала въ деревнѣ, и сказала, что хорошобы въ деревню, въ родной климатъ, что это было-бы лучшимъ лекарствомъ; что и совершенно справедливо;—но отъ слова до дѣла — не одинъ шагъ. Да и что вы тревожитесь: какъ будто ужь надо непремѣнно видѣться лѣтомъ: а я думаю, что зима именно создана для семейной жизни, а лѣто для жизни уединенной, созерцательной, особливо больному человѣку. По правдѣ, сказать, какъ ни пріятно намъ было вмѣстѣ лѣтомъ, а зимой было-бы пріятнѣе; невольно многое упустила я для своего здоровья. Каждый красный день такъ дорогъ, что хочется проглотить его, безъ всякой помѣхи. Лѣнь говорить, лѣнь слушать. А зимой—все отдаешеся друзьямъ и семейной жизни и кажется они становятся еще милѣе. Намъ дорого быть вмѣстѣ — стало быть зима представляетъ еще большее къ этому удобствъ. Тогда душа не углубляется такъ въ самою себя, какъ въ наши короткіе лѣтніе дни. По моему—лѣто для себя,—зима для друзей; благо, она долга и непривѣтна, тутъ и нужно ее взаимно услаждать другъ для друга. Не даромъ люди лѣтомъ расползаются въ разныя стороны, даже подальше отъ родины. Вотъ, друзья мои, искреннее мое мнѣніе. Я увѣрена, что и вы сами согласитесь съ этимъ. Чѣмъже тутъ убиваться, если-бы и привелось намъ отложить

свиданіе,—что отложено, не потеряно, я всегда съ вами душой и думой.

Я-бы не писала вамъ о Карницкомъ, если-бъ тутъ и мой интересъ не былъ замѣшанъ. Шуваловъ такой человѣкъ, что вся Россія съ нимъ въ перепискѣ. Онъ сдѣлаетъ, что можетъ, но ни онъ, ни Валуевъ, вѣроятно не будутъ справляться, гдѣ слѣдуетъ, чтобъ узнать, что и какъ. Да нечего объ этомъ и говорить,—это я къ слову сказала только.

Опять таки прошу тебя моя милая, дорогая Люба, не покупай ничего, мнѣ ничего пока не нужно, я напишу что будетъ нужно. Что даромъ деньги бросать. Теперь я озабочена поправками и крышкой дома, къ 1-му мая. Окерблюмъ (архитекторъ) дѣлаетъ смѣту и берется все сдѣлать, а также въ домѣ поднять полы, выкрасить ихъ и крышу; Докучаевъ оставляетъ здѣсь дѣтей до іюня; но это не помѣшаетъ работамъ. Можетъ, на это время и въ Москву махну, чтобъ не видѣть возни. Окерблюмъ все сдѣлаетъ честно и хорошо. Это мы уже испытали. Какова погодка стоитъ! Мы даже съ Карломъ Богдановичемъ врозь въ эти дни; онъ въ саду, я на балконѣ; Настя цѣлый день на разбѣгѣ, она не любитъ сидѣть на мѣстѣ. Гуляетъ, видится съ знакомыми. Вѣрно и у васъ теперь хорошо. Петербургъ еще не распустилъ своихъ вонючихъ испареній. Я рада, что и увасъ цвѣточки. Милая моя Настюша вѣрно вспоминаетъ свою тетю, глядя на цвѣточки. Хорошо, еслибъ вы разбогатѣли да купили усадебку; нынче всѣ за умъ взялись, поняли, что жизнь въ усадьбѣ втрое дешевле; всѣ бѣгутъ въ уѣздныя, города и въ усадьбы: Буй отъ желѣзной дороги въ 30 верстахъ. До любима за 12 верстъ уже ѣздятъ по желѣзной дорогѣ. Люди, сѣдящіе во тьмѣ, увидали свѣтъ... Настя пріѣхала по желѣзной дорогѣ. Прекрасные вагоны, мягкая мебель. Чудеса да только! Настя благодаритъ Поля за память и нѣжно обнимаетъ его и крестницу.

18 января 1874 года.

Если я буду ждать зодоровой минутки, чтобъ писать вамъ, дорогіе, близкіе сердцу друзья, то хоть вѣкъ не-пиши;—и, вотъ, пришла такая, что хоть рука двигается. А какъ хочется всласть побѣсѣдовать съ вами!

Въ настоящую минуту, генеральша, сидя на диванѣ, довязываетъ безобразную рукавичку для Сонички и черезъ каждыя 5 минутъ восклицаетъ; „Господи какое отвращеніе!“ о чемъ бы ни заговорили, черезъ 3 слова, опять восклицаніе: „Господи! какое отвращеніе!“ Соня сидитъ въ уголку, и „con amore“ царапаетъ письмо къ своей тётѣ и надсаждается выразить свои чувства, и описать стройно свою жизнь. Выходитъ смѣшно и дѣтски-любяще. Бѣдное дитя! что-то сулитъ,—или скорѣй,—что-то даетъ ей жизнь? Покуда на нее падаетъ солнечный лучъ, пусть онъ дольше согрѣваетъ ея маленькое, любящее сердечко. Часто, когда я смотрю на нее, шепчущую съ своими куколками, мнѣ вспоминаются романы Дикенса и многіе другіе свѣтлые образы толпятся передъ моимъ воображеніемъ. Мнѣ вспоминается и канарейка, свободно прыгающая по лысинѣ и плечамъ господина съ громовымъ голосомъ и обманчиво-свирѣпымъ видомъ, и Флой, бѣгущая по улицѣ, когда она заблудилась и отстала отъ няни, и крошка Дорритъ, работающая въ тюрьмѣ для своего „милаго папа“ и многое, многое!..

---

20 января.

Другъ мой Люба! Я просто оцѣпѣнела, когда прочитала случай удара кулакомъ въ грудь Настюши? Да это разбойничій вертепъ! Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы потребовала исключительнаго, примѣрнаго наказанія для чертенка, который ударилъ ее. А еслибъ она убила ее, а если образуется ракъ въ груди,—что тогда? и за это только снимаютъ передникъ! Найти свое дитя въ лазаретѣ, и благодушно перенести это! нѣтъ, милыя, онѣ бы наплясались у меня, всѣ эти класные дамы и начальница. Подобной распущенности ни въ одномъ заведеніи

нѣтъ. Это не то, что убавить балъ ребенку несправедливо, здѣсь уже жизнь и здоровье подвергаются опасности. Разсвирѣпѣла сестрица до болѣзни. Всю ночь продумаю объ этомъ пакостномъ казусѣ.

---

23 января.

Ты, дорогая моя Люба спрашиваешь меня въ одномъ изъ твоихъ писемъ о хозяйствѣ. Рожь уродилась хорошо, а яровое плохо, и вездѣ плохо. Продала рублей на 600; и было-бы отлично, еслибъ не проклятыя постройки и поправки. Скотный дворъ, птичники и изба, которыя я поправила и перенесла на другое мѣсто, и другія поправки взяли 350 р. Голованову въ лавку за 250 р. десятникамъ въ задатокъ 130 р. За дрова 75 р. Вотъ и считайте, прибавьте жалованье людямъ, да проч. расходы и выйдетъ, что послѣ вашего отъѣзда вышло денегъ болѣе полуторы тысячи рублей. Но слава Богу, не заняла, и если усадьба дастъ отдохнуть годика 3 безъ затратъ, то воротитъ теперешнія, и прокормитъ. Въ хозяйствѣ нужно огромное терпѣніе. А „претерпѣвый до конца спасенъ будетъ“. Мучитъ меня только, что до сихъ поръ не могу сколотить, чтобъ выслать вамъ мой долгъ.

Кончить этого письма никакъ не имѣла сестрица силъ, а ждать я не позволила, хочется поскорѣй отправить письмо къ вамъ, дорогіе друзья, и то долго идутъ письма. Она и Севенъ цѣлуютъ васъ крѣпко, также и Настю. Послѣдняя страница назначалась для письма Полю. Говоритъ, что хотѣла писатьему, что-то насчетъ атомовъ. Будетъ продолженіе впередъ,—ждите, надѣйтесъ и молитесь.

19-го іюля.

Голубчики мои! виновата, что долго не писала и не отвѣчала вамъ, все вылеживала въ постелькѣ и только третьяго дня поднялась, и вчера, и сегодня мучатъ спазмы. Наконецъ, 15-го числа явилась Настюша и Фр. Ос.

Дѣло о домѣ устроилось; третьяго дня К. Г. отправился, по телеграмѣ Корсакова въ Кострому для совершенія купчей; хотѣлъ вчера быть, и не явился; сестрица въ волненіи великомъ... Какъ мы съ Настей страдаемъ, что ты не съ нами, моя родная, милая, дорогая Люба; какъ мнѣ грустно было когда ты уѣхала... Авось, Богъ милосердый устроитъ все къ лучшему и соединитъ насъ всѣхъ въ любви и мирѣ. Ну, матушка, что ты надѣлала, растрогала старую страсть въ Наст. П—внѣ,—одолѣла она меня теперь; ноетъ и деретъ о Любѣ... Наконецъ написала тебѣ что-то больно много, и все слезы проливала, писавши, я хотѣла было прочитать—не дала, только объ дѣлѣ прочитала. Ангелъ мой Люба, похлопочи, если можно! Ну, дорогіе мои! хороша передряга предстоитъ мнѣ. Все, весь хламъ перетащу туда, такъ, что если придется сюда пріѣхать, такъ что было только необходимое и ничто-бы меня лишнее не давило и не заботило; того и гляди, что здѣсь, при нашей прелестной прислугѣ все распропадетъ. Чудную женщину Господь послалъ мнѣ теперь! Она бывшая крѣпостная, и ни за что не разсталась-бы съ своими господами, еслибъ они не отдали усадьбы своей въ аренду. Что Богъ дастъ дальше. Помолитесь, иои родные, чтобъ мнѣ благополучно переселиться; я еще мечтаю, ежели устроюсь, и до зимы повидаться съ которымъ-нибудь изъ васъ, — хорошо-бы со всѣми. Какъ тебѣ не грѣхъ Люба, моя милая, хлопотать и толковать о какомъ-то глупомъ долгѣ, ты, кажется, помѣшалась! Не тратьтесь сами-то ради Христа, теперь у самихъ мало. Что, моя Настя, милая дѣвочка моя подѣлываетъ? Часто представляется мнѣ она между кустами малины и слышится ея милый голосокъ. Благослови ее Господь!

Благодарю тебя, мой милый братъ за теплыя строки и теплыя чувства, которыя никакія бури житейскія не могутъ у насъ вырвать. Вы у меня постоянно въ головѣ, мои милыя.—Ну, вотъ, и устала, и силъ нѣтъ, и подъ ложечкой заболѣло. Окаянное здоровьишко! Нѣтъ, ужь, никуда не гожусь... Только любовь моя къ вамъ не хвораетъ. Прощайте, други. Обнимаю васъ всѣхъ горячо и нѣжно. Люба, дорогая моя, береги себя не хво-

рай, не простужайся, знай, что ваши болѣзни убиваютъ меня.

Ваша *Julie*.

19-го іюля.

PS. Письмо пропало, а здѣсь на почтѣ справлюсь.

Милые, дорогіе друзья! Давно-бы писала вамъ, не смотря на прокислое здоровье, да все поджидала отвѣта отъ Ник. Жаловск. Каково скажите,— не хочетъ, видно отвѣчать. Вотъ болванъ-то! Письмо твое и № послала тотчасъ-же къ матушкѣ; и тутъ, каково мое удивленіе! день, два и четыре нѣтъ отъ нихъ отвѣта; посылаю узнать: да, дескать отвѣтъ ужъ посланъ въ Питеръ... Приходятъ: пострѣлъ ты, говорю, да вѣдь деньги-то мои, такъ. я, думаю, я тоже заинтересована знать о нихъ.— Нѣтъ какъ съ орѣхами... Деньги не откуда не появляются. Ну, Люба моя рада, что мнѣ хлопотъ и возни съ домомъ! Какъ тебѣ нравится? три раза у маляра работники разбѣгались; хотѣла отказать — но тутъ пошли мольбы и слезы и еслибы нѣсколько дней раньше вошла въ залу стараго дома, то увидала-бы сестрицу въ красной юбкѣ и сѣрой кофтѣ по срединѣ и передъ ней юношу коленопреклоненнаъо въ слезахъ... Умилосердилась, наконецъ, позволила доработать. Послѣ пошло мытье, тасканье мебели—чортова пропасть. Наконецъ отдала Докучаевой: они живутъ чисто и прилично, судя повидимому, за 25 рубл.; деньги иначе не можетъ, какъ помѣсячно. И низъ, и верхъ они взяли.

Какъ вы поживаете голубчики? Что хандра, ушла-ли, проклятая? Гоните ее, батюшки, она вѣдь здоровье убиваетъ. На-ка! бѣдная моя Настюша даже захворала. Вотъ, какъ захворалъ кто изъ васъ. — такъ это мнѣ — ножъ острый. Грустно, тяжело разстаться, но надежда и ожиданіе много смягчаютъ.

Милый, дорогой братъ Поль! подъ какимъ стекломъ видишь ты! мое сердце? Около меня въ настоящее время преобладаетъ жолтый цвѣтъ. Хорошо, что тихій сіяющій свѣтъ, инаго, лучшаго міра озаряетъ твою душу

сладкимъ успокоительнымъ лучомъ. Это минуты святаго вдохновенія и ясновидѣнія. Но, милый! нельзя жить и *здѣсь и тамъ* въ одно время. Это постоянное созерцаніе невѣдомаго и необъяснимаго можетъ повергнуть человѣка въ самое печальное равнодушіе ко всему окружающему и превратитъ въ страданіе нашу коротонькую и глупенькую,—но все-таки дорогую намъ жизнь. Настинька, милая, голубушка, хорошая моя! Буду писать тебѣ отдѣльно, погодя, теперь недосугъ. Цвѣточки твои цвѣтутъ. Бальзаминъ и всѣ выросли и цвѣтутъ, не смотря на холодъ. Сегодня на твоихъ кустикахъ нашла три ягодки малинки и вспомнила мою Настюшу, мысленно ее разцѣловала. Курочки здравствуютъ. Авд. Сем. и Даша цѣлуютъ ручки. Грустно мнѣ безъ милыхъ, грустно безъ Настюши. Богъ дастъ, увидимся, опять будемъ вмѣстѣ. Не грусти, мое сердце.

Голубушка, сердце мое, радость моя, дорогая сестра моя Люба! Если ты будешь такъ хандрить и разрушать себя, такъ ты просто сведешь меня съ ума. Я дрожу за твое здоровье, а ты, какъ на зло, даешь себѣ такія нравственныя колотушки, что сердце болитъ. Ну, подумай, умно-ли это? Этакъ-бы мнѣ поревѣть — я-бы на тотъ свѣтъ и отправилась,—какое-бы утѣшеніе для близкихъ. Не смѣй тосковать! опять будемъ вмѣстѣ. Вотъ, сегодня, или завтра слягу на шесть дней, оттого и спѣшу написать. Начала здоровая, а теперь вся развалилась: и голова и спина. Ой, батюшки, тошнехонько! Тетю милую поцѣлуйте за меня.

Julia.

Дорогія, несравненныя друзья! Письма и деньги получила. Спасибо, мои милые! Вообразите меня вашимъ тире-лиромъ до времени. Судьба утѣшила меня дорогой: на самую дорогу явилась моя болѣзнь и допекла меня. Привезли еле живую. Повалилась на постельку и пять дней не шевелилась. Дѣлишки устроились. Деньги съ Горяйнова получила сегодня Карлъ Богд. повезъ ихъ въ банкъ, ваши пришли какъ нельзя кстати. Осенью поправлюсь, по вашей милости успокоилась на счетъ скот-

наго двора. Ой, какъ безъ васъ тошно? Поѣдемъ въ Толстиково! Милаго нашего Настюхончика обнимаю. Всѣ твои порученія, родная моя Люба исполню. Писать много не могу, слаба, Карлъ Богд. велѣлъ мнѣ написать, что онъ цѣлуетъ свою милую дочку и васъ обнимаетъ горячо за одно со мной. Господь да хранитъ васъ, ненаглядные. *Ваша Julie.*

7 января 1873 г.

Просить и одолжаться—это противъ моей натуры;—вотъ, почему я и дорожу своей небольшой, но вѣрной собственностью, ограждающей мое самолюбіе и чувство внутренняго достоинства. Можетъ я ужь такой родилась: давая за 1—100, я въ то-же время умѣю увѣрить получающаго, что его единица дороже ста единицъ... А вы, мои дорогіе, приписали черствости—только одно дѣльное и благоразумное воззрѣніе на предметъ.

Что это вы разхворались, мои родные? Вѣрно, Настюша холоднаго напилась. Я сама третій день сижу съ вороньимъ голосомъ—охрипла и кашляю.

Можемъ мы видѣться въ Москвѣ, обнять другъ-друга съ искреннимъ, нѣжнымъ и глубокимъ чувствомъ, насладиться пріятнымъ „вмѣстѣ“,—но къ чему-же поѣсть насъ, какъ людоѣды?.. Это выраженіе показалось мнѣ такъ образно—свирѣпо, что завтра, думаю, послать за священникомъ и отслужить молебенъ во избавленіе отъ людоѣдной любви, въ укрощеніи свирѣпости рабы Божіей Любви и проч. Обнимаю васъ, мои дорогіе и близкіе сердцу всѣхъ единымъ объятіемъ любви, за себя и за К. Б—ча и да хранитъ васъ Господь!

Ваша Julie.

Чистый понедѣльникъ.

Впродолженіе всей масляницы я съѣла одинъ только блинъ, который испекла нянька; вчера играли въ карты.

Сегодня проспала, и некогда послать посылку —грибы и чулки. Грибы здѣсь въ одной цѣнѣ съ ананасами.

Вамъ рѣшительно нечего волноваться на счетъ вашихъ денегъ. Вы вѣрно не считаете, друзья, что ужь вы ихъ давно получили. Вѣдь ты, дорогая Люба, доставши 30 тысячъ вѣрно за одну коммиссію получила тысячи полторы, это ужь самое малое. Такъ о чемъ-же хлопотать! Займите ему еще тысячъ двадцать, а всѣ ваши деньги и съ процентами будутъ у васъ въ карманѣ. А ты— плутовка и прималчиваешь! Теперь понимаю секретъ и радуюсь отъ души, что вы въ барышахъ, и ничего не теряете. То-то она, моя милая, все о сюрпризѣ толкуетъ. Еще разъ васъ обнимаю, мои родныя. Вдругъ я успокоилась на этой мысли.

Я пишу Вамъ, мои дорогіе друзья Поль и Люба, за 8 часовъ до торжественнаго звона, потрясающаго невольно душу сладкимъ чувствомъ сознанія оживающаго творенія, обновляющагося духомъ человѣка. Мысленно переношусь къ вамъ, мои милые, въ ваше новоселье; обнимаю васъ нѣжно и съ глубокимъ чувствомъ говорю: „Христосъ воскресе“! „Да хранитъ Онъ Васъ отъ всякаго зла, да воскресаетъ ежечасно и ежеминутно въ душахъ нашихъ любовью и всѣмъ добрымъ, святымъ и чистымъ. Мнѣ что-то сдается, милый братъ, что, вслѣдствіе нашихъ метафизическихъ разговоровъ, вслѣдствіе того, вѣроятно, что я не всегда ясно умѣла выразить мою мысль, тебѣ запало въ душу тонкое подозрѣніе, на счетъ того, будто-бы я отрицаю или недопускаю возможности быть чему-либо *тамъ*, за чертой нашего земнаго существованія. Я только не обрѣтаю въ себѣ настолько вѣры, чтобъ убѣдиться, что именно *такъ* и *то* будетъ, какъ многое представляется и представлялось нашимъ высокимъ экстатикамъ духовнаго міра... и если Сведенборгъ размежовываетъ небо на разныя отдѣленія, или изнурившій насъ до высшаго нервнаго возбужденія, постомъ и молитвой монахъ разсказываетъ о мытарствахъ св. Ѳеодоры,—я имъ не вѣрю, не умѣю, не могу вѣрить... Всѣ мои собственныя представленія, угадыванія — все-таки не болѣе, какъ фантазіи,

производимыя разстроеннымъ или настроеннымъ воображеніемъ. Предвѣчная Воля простерла непроницаемую завѣсу между настоящей земной жизнью и загробнымъ міромъ, и человѣкъ долго метался и бился лбомъ, стараясь поднять ее, потомъ наперерывъ сталъ угадывать и фантазировать, но ничто не могло удовлетворить и успокоить его. Онъ самъ въ ужасѣ отступилъ отъ безобразной міріады чертей, огненной рѣки вызванныхъ его воображеніемъ, и проч., и проч. напугалъ себя, отравилъ свое существованіе и сдѣлался несчастнѣе во сто разъ... Онъ сталъ дѣйствовать съ своими страстями *на спугъ*, вмѣсто того, чтобъ изгонять ихъ нравственнымъ сознаніемъ, любовью къ добру и стремленіемъ къ знанію и совершенствованію. Онъ схватился жарко съ дурными стремленіями своей природы, сталъ рвать и терзать самого себя, и, не одержавъ побѣды, палъ измученный сомнѣніями передъ своимъ собственнымъ безсиліемъ. Но такъ какъ онъ честно страдалъ, честно заблуждался, и хотя по ложной тропинкѣ, но все-таки шолъ и искалъ истины, то вотъ, къ нему, павшему духомъ, озаренная кроткимъ свѣтомъ подошла она, эта святая истина, подошла и говоритъ: „для чего ты измучилъ себя, къ чему взвалилъ такое бремя на плеча свои? Зачѣмъ вызвалъ и создалъ всѣ эти ужасы, зачѣмъ трепещешь непрестанно передъ выдуманной небесной тиранiей. Богъ — есть любовь. Люби его и ближняго,—и аду нѣтъ для тебя; не заботься ни о чемъ, будь чистъ сердцемъ, въ отношеніи твоихъ братьевъ-людей—и царство небесное само придетъ къ тебѣ. „Бремя мое легко и иго мое благо.“—„Изучай меня, заговорила природа съ человѣкомъ,—и ты увидишь и познаешь Бога въ его твореніи,—а если убѣдишься, что Онъ есть, что все изъ рукъ его выходитъ премудро и прекрасно... то зачѣмъ тебѣ муки и черти и вся тобой сотворенная загробная инквизиція? Живи свой срокъ покойно и разумно и подъ конецъ предай духъ твой Ему, твоему отцу и создателю *у нея лингвистика чрезвычайно развита*!

Христосъ воскресъ! Обнимаю васъ и будьте здоровы. Теперь на счетъ рая: какъ-бы ни силилась я угадать его—я приду все къ тому же фантазированію и не создамъ, не узнаю ничего вѣрнаго, — рай выйдетъ у меня

матеріальнымъ, пока я сама нахожусь подъ вліяніемъ моей настоящей матеріальной формы. „Иной міръ!“ легко сказать... Для того, чтобъ видѣть, слышать, обонять *здѣсь*, дайте мнѣ органы, приспособленные къ окружающей меня средѣ. Но,—„иная“ жизнь, да еще духовная, требующая духовныхъ органовъ .. мое почтеніе! извольте понять, какъ и чѣмъ вы будете наслаждаться? Когда и здѣсь, на землѣ, слѣпорожденный не имѣетъ понятія о цвѣтѣ, глухо-нѣмой о звукахъ, да еще тутъ другіе четыре чувства развиваясь сильнѣе, въ этомъ случаѣ, пополняютъ важный недостатокъ... А тамъ у меня ничего не будетъ. Я не отрицаю, что перерожденіе мое совершится, какимъ-нибудь таинственнымъ творческимъ процессомъ, что я воскресну для новой жизни, но понять ее, безъ примѣненія къ моимъ теперешнимъ земнымъ чувствамъ не могу, а коль скоро она ускользаетъ отъ моего пониманія,—она теряетъ для меня всякую привлекательность, и скажу откровенно магометовъ рай гораздо заманчивѣе и понятнѣе, чѣмъ тотъ, гдѣ люди, привыкшіе къ земнымъ печалямъ и радостямъ съ полнымъ сознаніемъ своего бывалаго, земнаго бытія должны нескончаемые вѣки трепетать предъ недоступнымъ величіемъ, падать ницъ отъ нестерпимаго свѣта и только и дѣла дѣлать что кричать: свять! свять! и проч... Вотъ, какой рай рисуютъ намъ верховные проповѣдники тайнъ религіи. Христосъ, эта великая, святая правда, прямо говоритъ: „царство небесное внутри васъ“... И пусть всякій развиваетъ и создаетъ въ себѣ царство небесное во имя Его высокаго ученія любви и всепрощенія...

30 марта. Не ужасайтесь, родные мои, моего безобразнаго молчанья. Только-что я окончила послѣднія строки на предъидущей страницѣ, какъ почувствовала невыносимую боль въ лопаткѣ правой и ключицѣ, да вотъ, почти трое сутокъ, ни пошевелить рукой, ни сама двигаться не могла, крикомъ кричала. Теперь вотъ уже часа два поотпустило, я сейчасъ и царапать по бумагѣ, а то опять остановитъ. Какъ тебѣ не грѣхъ, моя милая Люба, мучить себя несправедливыми укорами, ну гдѣ тебѣ вспомоществовать разстройству моего здоровья. Все это пустяки, моя рада, все переработалось любовью. И не по-

минай объ этомъ. Доказательство, что Господь помогаетъ вамъ; это съ моей любящей руки. Я увѣрена, что вы, мои друзья, не пожелаете мнѣ зла, и цѣню вашу любовь. Вы только и есть мои близкіе и дорогіе по крови и дружбѣ. Темныя тучи пронеслись, и слава Богу. Мою хорошую, золотую дѣвочку нѣжно цѣлую, не пишу ей теперь; лопатка еще болитъ. Ахъ, хотѣлось-бы о многомъ поболтать съ вами, да проклятое плечо отдается отъ писанья. Боюсь, какъ-бы послѣдняя моя лапка не отнялась,—что-то часто стало повторяться это страданье. Я представляю изъ себя какой-то волшебный инструментъ, на которомъ наигрываетъ болѣзнь—великій Маэстро, не обращая вниманія на многія рвущіяся струны, играетъ и будетъ играть до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ послѣдняго аккорда, послѣ котораго инструментъ не издастъ болѣе звука, лопнетъ послѣдняя квинта и баста. Господь да хранитъ васъ, мои безцѣнные, дорогіе. Обнимаю нѣжно съ сердечнымъ Христосъ воскресе! Тету Кат. Евг. обнимите за меня и передайте мое душевное Христосъ Воскресе.

Михайлу кланяюсь и говорю: Христосъ воскресе!

Ваша Julie.

Милая, дорогая моя Люба! Мнѣ давно надо дать колотушку за то, что я до сихъ поръ не писала тебѣ. Разныя дѣла и суеты, о которыхъ тебѣ Поль разскажетъ, утомятъ меня съ утра и сдѣлаютъ неспособной на цѣлый день. Я, сударыня, пустилась нынче маклерить на свой великій капиталъ, и по этому случаю разныя выгодные обороты творю. Что Богъ дастъ. Письмо твое для меня—наслажденіе: такъ и вижу твое метанье. Метаться можешь, потому что у тебя кой-гдѣ гвоздикъ сидитъ; но хандрить не смѣй. Будетъ ужь, нахандрились, и даже я до-сыта наревѣлась, и теперь уже съ любовью и тихой грустью, но безъ жгучаго сожалѣнія, на каждомъ шагу, вспоминаю моего дорогаго, незабвеннаго отца. Цѣлую недѣлю, до самой болѣзни, онъ все тосковалъ и вспоминалъ о васъ обо всѣхъ, мои друзья. И послѣднимъ письмомъ хотѣлъ задрать Поля, чтобъ выйти

изъ тяжкой для него неизвѣстности. Ласково написать—родительское самолюбіе не позволяло, вотъ онъ и придумалъ хоть попугать.

Спасибо тебѣ, моя дорогая, что ты позволила Полю пробыть у насъ; знаю и сужу по себѣ, чего это стоитъ твоему любящему сердцу. Богъ дастъ, лѣтомъ увидимся и всѣ, и я обниму тебя и дорогую Настюшу. Я чувствую, что она будетъ любить свою тетку. Сдѣлай ее доброй и честной натурой, моя радость; это лучше всего. Да, кажется, она такая и будетъ. Будь покойна: Поль изрѣдка выѣзжаетъ въ клубъ, играетъ по самой маленькой, а въ другое время мы бьемся и проигрываемъ тысячи... Смѣху много, а убытку нѣтъ. Еслибъ ты знала, какъ мнѣ будетъ грустно безъ него. Будь же и ты покойна и весела; не хандри, не тоскуй, а главное — не мечись о капиталѣ: располагайте имъ для себя, надо же и вамъ отдохнуть; вы настрадались и измучились. Не заботьтесь о Настѣ, на счетъ ея благосостоянія,—у ней будетъ свой капиталецъ,—она вамъ не кланяется въ будущемъ. Другъ мой! Жизнь коротка, да и ту промечешься.

Вонъ, ты съ квартирами какъ уметалась; ну, можно-ли такъ утомлять себя! *Чадо-Тимофее!* Саморазрушительница! Любишь мужа, такъ береги себя; онъ очень озабоченъ твоимъ здоровьемъ. Цѣлую васъ вкупѣ. Господь да хранитъ васъ; хотѣла еще писать, да вдругъ ослабѣла, силъ нѣтъ.

Ваша Julie.

---

15 апрѣля 1869 года.

Давно хотѣлось мнѣ побесѣдовать съ вами, дорогіе друзья Поль и Люба; да вѣдь вы знаете меня, хилую: „духъ бодръ, а плоть немощна“. Впрочемъ, нынче и духъ мой часто ослабѣваетъ и впадаетъ въ печальное бездѣйствіе. Съ великою радостью получили мы ваше письмецо изъ Самары, а до той поры, признаться, не были покойны, всего надумались. Каковы были твои мытарства, бѣдная Люба, и каково положеніе Поля. Ужь

видно на нашемъ роду лежитъ такая печать, чтобъ ничто не давалось легко. Что сказать вамъ о себѣ—все тоже: я хвораю, папа все въ томъ-же положеніи; очень огорчился, что Поль не написалъ, въ которое число онъ вступилъ въ должность, и приказалъ непремѣнно написать объ этомъ. Хотѣлъ самъ писать со временемъ. Настя то съ флюсомъ, то съ горемъ; положеніе Сергѣя ее убиваетъ, онъ въ отчаяніи, Ольга съ ребенкомъ голодаютъ; она-же—яко нагъ, яко благъ... и проч. Мы едва лѣпимся: опять исторія съ оброками и проч., все такая ерунда, а тутъ еще, подъ старость—жизнь такая гадость... Безъ тебя, милый Поль, и табелька потеряла прелесть. Съ пріятностью и грустью вспоминаю я наше „вмѣстѣ“. Долго, послѣ вашего отъѣзда, я забывалась и прислушивалась, не стучитъ-ли знакомая палка, не слышатся-ли твои шаги, не пробѣжитъ-ли Люба съ милой Настюшей, которую нѣжно обнимаю и благословляю? Такъ ужь судьба ведетъ: дастъ понюхать чего-нибудь пріятнаго, да и прочь!

Какова-то самарская весна? Наша никуда не годится. Еще краснаго дня не видала. Я сижу, какъ клока, никуда! Выѣхала-было разъ въ лавки, и тутъ *нутро* отбило. С*квенно бнатцы*. Жизнь точно *гоноховый бнинъ*... Но вотъ что смѣшно: не смотря на то, что прожито почти полвѣка, въ душѣ лежитъ какое-то хотя глупое, но пріятное убѣжденіе, что придетъ еще время, когда подавленныя силы воскреснутъ и настанетъ... какъ-бы сказать? да почти вторая юность... Не глупо-ли это? А не отходитъ эта мысль. Ужь видно и вправду человѣкъ безсмертенъ... Какъ ты думаешь, Полинька? Меня ужасно смущаетъ мысль, что мы будемъ дѣлать послѣ смерти? Вѣдь безъ тѣла скучно будетъ. Ужь придется отвернуться отъ всего земнаго. Ну, духъ, положимъ, да кому до него будетъ дѣло... Пойдутъ другіе порядки—летай по звѣздамъ. Хорошо, какъ найдутся умные товарищи. Ну, да нечего тутъ много разсуждать,—не могимъ знать, да и только.

Всѣ мы огуломъ обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ наступающимъ свѣтлымъ праздникомъ. Дай Господь вамъ

его встрѣтить въ радости и здоровьи. Папа всѣхъ благославляетъ. Вашъ другъ и сестра *Julie*.

Болѣзнь моя мѣшала мнѣ поздравить тебя, милый братъ, письменно, но не помѣшало сердечно и отъ души пожелать тебѣ всего лучшаго, всѣхъ благъ, какихъ ты самъ желаешь. Неужели ты могъ когда нибудь сомнѣваться, что душа моя могла быть способна до такого темнаго чувства, чтобъ ты могъ сдѣлаться для меня чужимъ? Да при томъ-же ты и не оскорбилъ меня на столько, чтобъ убить на повалъ ту привязанность, которая зрѣла и росла вмѣстѣ съ нами. Во всемъ этомъ видна, какая то злая судьба въ видѣ разныхъ невѣрныхъ положеній и проч.

Что твое мѣсто? Я очень тревожусь. Увѣдомь, ради Бога. На счетъ твоего запроса о папенькиномъ подаркѣ, опять таки скажу тебѣ всю правду: расходныхъ денегъ было мало, — я настаивала заложить билетъ, — папа ни за что не согласился и на меня даже разсердился. „Вотъ, и причина, небесныя звѣзды....“ Мы въ настоящее время, тоже въ плохихъ обстоятельствахъ; всѣ проценты должны отдать архитектору въ февралѣ мѣсяцѣ, тогда только и успокоюсь. Вотъ и лотерея вн. займа— хоть бы кому нибудь изъ насъ выиграть...

Прости, что пишу мало и безалаберно, только что поднялась съ постели. Будь Богомъ хранимъ; поцѣлуй за меня твою дочурку и поклонись тетушкѣ. Севенъ, папа и Настя тебя обнимаютъ, а я нѣжно цѣлую...

Другъ твой *Julie*.

Сейчасъ получила твое письмо, милый другъ, и при всѣхъ уговаривала папа: вотъ его отвѣтъ: (онъ лежитъ въ компрессѣ и диктуетъ мнѣ:) величайшее безуміе дѣлать мундиръ, не получивъ мѣста, основываясь на слухахъ; у меня денегъ нѣтъ, а если бы и были, то я и тутъ не былъ бы такъ глупъ, не послалъ на мундиръ, а посылаю тебѣ десять рублей на нужду.

И эти мнѣ не легко послать; но это дѣлаю для Настеньки. Будь благоразуменъ, — мундиръ успѣешь сдѣлать въ сутки, когда будешь назначенъ на мѣсто. Слухи, мало-ли что сулятъ и обманываютъ. Цѣлую тебя и благославляю, а также и Настю. Отецъ твой и проч.

Я очень рада, что при этомъ случилась и Ольга Ник. Москвина и слышала положительный отказъ и—мою убѣдительную просьбу. Едва при ней же, и 10 рублей выпросила. Еще разъ обнимаю тебя, дружокъ и видитъ Богъ, какъ страдаетъ мое сердце за невозможность помочь вамъ.

8 января 1868 г.

Милая, дорогая моя Люба, обнимаемъ тебя, моя радость, а также и ангела Настюшу. Буду писать тебѣ скоро отвѣтное письмо; что ты печешься о будущности Насти и моей: предоставь ее мнѣ, что у меня дѣти чтоли? чужимъ чтоли отдамъ я? Я о твоей Настѣ у смертной постели моего друга папа, дала ему слово обезпеченіе. За то, что ты пожалѣла его, и въ душѣ твоей проснулось доброе врожденное чувство, задавленное горемъ и заботами въ другое время, Юленька снова тебѣ душевный другъ, и послѣдняя тѣнь тумана отлетѣла отъ насъ. Береги себя ради Христа. Поцѣлуй и поздравь съ праздникомъ тету Е. Ев. Голова такъ болитъ, что черепъ трещитъ, не могу больше писать, Ваша Julie.

Спѣшу отвѣчать тебѣ съ первой же почтой, дорогая, милая моя Настя. Письмо отъ тебя было для меня самой пріятной неожиданностію. Во 1-хъ потому что я непереставала любить тебя, во-вторыхъ потому, что оно дало мнѣ вѣсти о единственномъ моемъ братѣ и его семействѣ. Брата я тоже не переставала любить, а о женѣ его жалѣла, какъ о человѣкѣ ни съ того ни съ чего оттолкнутомъ отъ

честныхъ и добрыхъ друзей. Вскорѣ послѣ смерти моего любимаго мужа подавленная горемъ, я написала имъ примирительное письмо, какъ христіанка, прося ихъ простить меня, если они считаютъ меня виновной.

Но къ лучшему или нѣтъ, письмо возвращено было назадъ съ надписью изъ адреснаго стола и изъ конторы Апраксина двора, что жительство г. Жадовскаго неизвѣстно. Я попыталась еще разъ узнать объ васъ чрезъ Сергѣя Петровича Готовцева, и онъ въ отвѣтъ прислалъ двѣ строчки, вырѣзанныя, какъ видно, изъ письма къ нему твоей мамы. Вотъ онѣ: „Смерть Карла Богдановича до насъ некасается, у насъ нѣтъ и не было родныхъ“. Послѣ этого я уже болѣе объ васъ несправлялась. Какъ ты хорошо сдѣлала, моя дорогая, что написала мнѣ, и какъ могла ты подумать, что найдешь сухой и холодный пріемъ. Пріѣзжай, моя милая, вы съ мужемъ твоимъ будете родными и милыми гостями. При свиданіи мы постараемся разгадать причину перемѣны въ нашихъ родственныхъ отношеніяхъ. Эта причина мнѣ самой непонятна. Грустно и больно мнѣ думать, что можетъ быть мнѣ непридется увидѣть и обнять моего дорогаго брата. Пошли Богъ ему здоровья и да хранитъ васъ всѣхъ Благое провидѣніе. Передай мой родственный привѣтъ твоему мужу; поцѣлуй за меня твоихъ дѣтокъ. Любящая тебя тетка Юл.

Милый братъ Павелъ Валеріановичъ и дорогая невѣстка Любовь Никандр., великая скорбь посѣтила меня, глубокое горе проникло душу, я потеряла своего несравненнаго мужа. К. Богдановичъ за нѣсколько часовъ до кончины вспоминалъ о васъ, спрашивалъ — непріѣхалъ ли Павелъ Валеріановичъ? Онъ въ жизни дѣлалъ одно добро и никому зла, Святая душа его улетѣла, освѣтило мою душу свѣтомъ добра, святою любовію Христа. Я желаю, подъ старость, сбросить всякую тѣнь и бремя гнѣва или досады и умереть христіанкой и по этому прошу васъ непитать на меня зла и въ чемъ вы находите меня

виновной простить меня, тѣмъ болѣе я и до сихъ поръ не понимаю настоящей причины нашего разъединенія. Жизнь коротка, день идетъ къ вечеру: пусть закатъ нашей жизни озарится свѣтомъ любви Христовой и взаимнаго всепрощенія: „Да незайдетъ солнце въ гнѣвѣ вашемъ, и тѣмъ болѣе солнце послѣдняго для жизни. Дорогіе друзья призываю на васъ милость Божію и дружески обнимаю васъ вмѣстѣ съ вашей дочерью. Юлія Ж.

.....

18 сентября 1882 г.

Грустно и больно мнѣ было читать письмо твое, милый дорогой всегда любимый братъ мой! Господь да исцѣлитъ тебя и да продлитъ жизнь твою, настрой души твоей свѣтелъ, Всеблагое Существо да озаритъ тебя еще болѣе радостнымъ и сіяющимъ свѣтомъ и да встрѣтимся,— да я вѣрю всѣ любящіе встрѣтимся тамъ и будемъ пить вино новое—вино веселья и блаженства въ Царствѣ Отца, гдѣ встрѣтитъ насъ Сынъ Богочеловѣкъ и скажетъ: „Отецъ они любили и страдали, да будутъ они съ нами едино“. Живи и выздоравливай, мой дорогой, и вѣрь, что никогда, никогда, неимѣла я ни тѣни обиднаго или укорнаго чувства. Посылаю письмо писанное вскорѣ послѣ незамѣнимой потери друга, который за нѣсколько часовъ до агоніи, вспомнилъ о тебѣ, и спрашивалъ: что Павелъ Валеріанычъ здѣсь?

Твои милые дѣтки нашли меня съ больнымъ глазомъ, и только сегодня въ день ихъ отъѣзда могу писать а то сидѣла полуслѣпая. Племянника я полюбила. Лучшаго мужа я и не желала бы моей дочери. Прощай, мой родной дорогой братъ! Мнѣ сдается, что мы увидимся еще и здѣсь. Обнимаю тебя съ любовью и молю безконечную благость исцѣлить тебя. Твоя сестра Julie.

Дорогая Люба, я чуть не ослѣпла и такъ была рада, что имѣла въ это время родныхъ, милаго гостя доктора и милую, дорогую Настющу. Я была имъ такъ рада, что провожала ихъ съ грустью. Вѣрь, моя милая Люба, что

я ничего не имѣю противъ тебя на душѣ и нечувствую себя виноватою, я только жалѣю, что на столько лѣтъ раздвинуло насъ самое пустое недоразумѣніе. Да хранитъ тебя Господь и пошлетъ тебѣ счастье и утѣшеніе въ дочери и милыхъ внукахъ. Тысячу разъ нѣжно тебя цѣлую. Чего бы недала я, чтобы увидать васъ, старые любимые друзья, посмѣяться, поплакать и поболтать по прежнему. У тебя рѣдкій хорошій добрый зять, я рада и счастлива за Настю. Люби и цѣни его, другъ Люба. Еще разъ цѣлую тебя, моя дорогая.

Твоя Julie.

Подъ диктовку Юліи Валеріановны.

19-го марта. Граціозная капулька, въ видѣ чайной ложечки, съ гнѣвомъ приписалась мнѣ, генеральшей мои, дорогіе милые друзья Поль и Люба, а я только тѣмъ виновата, что попросила отъ ея окурка, въ критическую минуту, закурить папиросу. Здоровы-ли вы, мои голубчики, и какъ поживаете? Надѣюсь на милосердіе Божіе, что милаго нашего Настюхона не коснулся никакой вредъ и никакая болѣзнь. Слезящія зеницы мои и прелестное здоровье заставляютъ меня прибѣгнуть къ диктовкѣ, которую, зѣвая и кобѣнясь, переводитъ на бумагу Настасья Петровна, и я съ благодарностью слѣжу за превосходительной ручкой („какова язва“), распухшей и покрытой обжогами отъ разныхъ сковородниковъ и сотейниковъ; даже щечка, обмазанная синими чернилами, кажется мнѣ только покрытой новѣйшимъ румянцемъ и все это потому, что она даетъ мнѣ, съ ангельскимъ терпѣніемъ, возможность побесѣдовать съ вами, съ быстротою молніи рисуетъ свои птицеобразныя буквы. Я сижу съ величественной шишкой на головѣ, и еще болѣе величественной въ животѣ (увы! судьба не позволяетъ мнѣ даже говорить о себѣ, благоразумная судьба, вѣроятно, находитъ это незаслуживающимъ вниманія, ибо, едва рѣчь моя коснулась меня самой, какъ случилось письменное трагическое происшествіе. Генеральша съ ужасомъ вы-

таращила глаза на перо, на которомъ болталась какая-то бабулька въ видѣ жука съ растопыренными ногами и превосходительная ручка тоже заболталась въ страхѣ и чернильныя лепешки попали на письмо и на окрестности его. Это привело ее въ ярость, а меня въ изумленіе. Я рѣшила, что это было чернильное привидѣніе). Что сказать вамъ новенькаго, въ нашей однообразной жизни трудно отыскать что-нибудь подобное, но за-то есть рѣдкости, какихъ, вѣроятно, у васъ нѣтъ, въ кадкѣ у насъ есть „бубловая водка“ и за столомъ подается „жареная сковородница“ „мѣсится тѣсто и ставится на холодномъ мѣстѣ“. (Господи! проговориться нельзя, всѣ бока промыли; что сказала вмѣсто рѣчная—бубловая, вмѣсто запеканка—сковородница и т. д., такъ два дня все надо мной хохочутъ, покою бѣдной сестрицѣ нѣтъ, точно аспиды какіе“).

Одинъ почтенный аспидъ находится въ настоящее время въ Панфиловѣ, а почтенная аспидица ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ, потому что выбилась ужь изъ силъ и взмолилась къ аспиду, чтобъ онъ помогъ мнѣ, грѣшной, по хозяйству и въ постройкахъ, которыя воздвигаются, какъ древніе храмы“, въ нашей резиденціи. Опытность его и хозяйственный смыслъ принесли мнѣ много выгоды и пользы, за что я его *благодарю покорно*—фраза, сейчасъ сказанная генеральшей Ульянѣ, принесшей ей яйца отъ куриць, а такъ-какъ матушка-генеральша не можетъ сказать что-нибудь неправильное и обладаетъ вдохновеніемъ обогащать русскій языкъ новыми выраженіями, то я и собираю ихъ съ алчностью и храню въ сердцѣ моемъ. (Дался bete noire, о чемъ-бы не заговоритъ—на меня своротитъ). Жду нетерпѣливо вашихъ писемъ, получаю ихъ и около насъ разливается таинственная тѣнь, покрывающая все касающееся вашихъ дѣлъ и интересовъ; изъ этого тумана чаще всего выглядываютъ неизвѣстныя мнѣ рожи, какъ-то Натальи Ивановны и Блохоносъ, приходящихъ, и вамъ и мнѣ надоѣдающихъ и уходящихъ, да еще свѣдѣнія о томъ, что ты ходила туда-то, была тамъ-то по одному дѣльцу, успокоилась, увидавши того-то; но куда ходила, какое это дѣльце, что изъ этого вышло, чѣмъ успокоилась — это

все Богу свѣдущу... Правда, одно только ясно вижу и въ чемъ начинаю убѣждаться — это твоя твердая и непреложная надежда выиграть 200,000. Убѣжденіе твое такъ магнетически дѣйствуетъ на меня, что и я въ этомъ начинаю быть такъ же увѣрена, какъ и ты, такъ-что мысль о другомъ пріобрѣтеніи, кажется и болѣе положительномъ. Эти 200,000 такъ ясно рисуются передо мною, что вслѣдствіе твоей и моей твердой надежды на нихъ, я начала всѣ передѣлки и перестройки въ Толстиковѣ и даже подумываю о мраморномъ фонтанѣ. И если я раззорюсь, то грѣхъ будетъ на твоей душѣ, дорогая моя Люба.

Другъ мой милый! Потрудись справиться, что сдѣлалось съ „Вечерней Газетой“, съ 28-го февраля не получаемъ ни нумера, это ужъ вѣрно не даромъ. Адресъ редакціи на Литейной, домъ № 42. Ну, будетъ съ меня, наболтала съ три короба, языкъ усталъ. Диктовать не привыкла. Обнимаю васъ крѣпко и нѣжно. Буду поздоровѣе, напишу моему дорогому Полю отдѣльную рацею, покрытую атомами и органическими клѣточками, а теперь поздравляю васъ съ наступающимъ великимъ праздникомъ Воскресенія Христова. Да осѣнитъ васъ благодать и радость, и да пошлетъ вамъ Господь все лучшее въ мірѣ. Карлъ Богд. васъ дружески и нѣжно обнимаетъ; Настюхончика цѣлуемъ въ глазки и щечки. Тетѣ Кат. Евг. тоже дружеское поздравленіе и душевный привѣтъ. Ваша всею душою

Julie.

Слава Богу все!!!

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

И, вырвашись, какъ будто изъ темницы,
Лечу я надъ землею высоко...
Лечу быстрѣй, свободнѣй вольной птицы,
И мнѣ такъ сладостно и такъ легко...
За мною въ слѣдъ несутся вереницы
Холодныхъ облаковъ; но далеко
Оставивъ за собой ихъ, безъ вниманья, —
Я дальше все, съ святыней упованья!..

Молитва.

Святая Дѣва! предъ тобой
Стою съ горячею мольбой...
Тебѣ дана благая власть
Отъ смертныхъ удалять напасть,
Цѣлить недуги,—за себя,
Должна-бы я просить Тебя:—
Я такъ темна, я такъ грѣшна,
Страстей и думъ земныхъ полна;
Но въ этотъ тихій, сладкій мигъ,—
Когда порывъ грѣховъ утихъ,—
Не о себѣ я слезы лью,
Не за себя Тебя молю:
Есть у меня одинъ больной,
Съ тревожной, гордою душой,
Онъ ужь давно, давно томимъ
Недугомъ тягостнымъ и злымъ...
Святая Дѣва! Изцѣли
Страдальца бѣднаго земли!
Пошли отраду и покой
Душѣ измученной, больной...
Ее отъ гибели храни,
И благодатью осѣни!

Весеннее чувство.

Опять весна волшебная
На землю къ намъ сошла;
И сила вновь цѣлебная
Мнѣ душу обняла.
И вѣетъ усыпительно
Прохладой вѣтерокъ,
Вечернею, плѣнительно,
Зарей горитъ востокъ.
И снова пѣной мутною
Вздымается волна;
И снова думой смутною
Душа моя полна.
Проснулись упованія,
Мечтаній пылкихъ рядъ,
Сомнѣнія, страданія
Глубоко въ сердцѣ спятъ.

13 апрѣля
1849 г.

Духъ сада.

Былъ вечеръ тихъ; и небо было ясно,
Въ саду сидѣла я, безъ мысли и тоски,
Березы надо мной шептали что-то страстно,
И плыли облака прозрачны и легки.
Я прилегла къ травѣ волнистой и шелковой,
Вокругъ меня струился ароматъ;
Я сорвала цвѣтокъ душистый и пунцовый.
Прекрасенъ былъ, въ минуту эту садъ,
И волны зелени березъ его кудрявыхъ,
И перспектива темная алей,
И серебро нарцизовъ и лилей...
Вдругъ, межъ корней двухъ дубовъ величавыхъ,
Духъ сада мнѣ предсталъ, съ кудрявой головой,
Увѣнчанной кленовыми листами,
Въ зеленой мантіи, усѣянной цвѣтами,
Въ рукахъ держалъ онъ посохъ голубой.
Испуганная, я хотѣла удалиться,
Но онъ приблизился и ласково сказалъ:
Тебѣ меня здѣсь нечего страшиться,
Давно я, близъ тебя, невидимо витalъ,
Давно подслушивалъ мечты твои смѣшныя;
Не мой ли голосъ, въ шопотѣ деревъ,
Твои тревожилъ чувства молодыя,
Не я ли говорилъ въ цвѣтахъ съ тобой, безъ словъ,
И въ звукахъ соловья не мнѣ-ль ты сладко внемлешь?
Надъ головой твоей, цвѣтущую сирень
Не я ли наклонялъ когда ты здѣсь задремлешь,
Чтобы прохладную тебѣ доставить сонъ и тѣнь?
Люблю я головы горячей увлеченье,
И сердца страстнаго безумный, жаркій бредъ,

И рядъ печальныхъ думъ, и вѣчное стремленье
Къ тому, чему у васъ названья въ мірѣ нѣтъ.
Моихъ цвѣтовъ краса и упоенье
Пускай тебя восторгомъ подаритъ,
Пусть шумъ деревъ заглушитъ на мгновенье
Предчувствіе того, что будущность сулитъ.
И онъ изчезъ... По прежнему вокругъ
Березы надо мной невнятное шептали..
Усѣянъ былъ цвѣтами мягкій лугъ,
И бабочки надъ нимъ кружились и порхали,
Но я была полна раздумьемъ и тоской...
Знать подшутилъ духъ сада надо мной...

Сентябрь
1849 г.

Отвѣтъ С. А. Ник-му.

Не „прости“ говорю: до свиданья,
И за память спасибомъ плачу.
Среди жизненныхъ смутъ и страданья
Я и все позабыть нехочу:
Вспомню также и въ радостной домъ
Вашу добрую дружбу ко мнѣ;
Пожалѣю о васъ, по неволѣ
И въ вечерней, глухой тишинѣ.
Какъ бывало, часы пролетали,
Незамѣтно, въ бесѣдѣ живой,
Какъ довѣрчиво мнѣ повѣряли
Вы мечтанья души молодой.
Иногда я васъ крѣпко сердила;
Но прощали вы шутку сейчасъ;
Знали вы, что какъ брата любила
Я душой непритворною васъ.
И теперь я добра вамъ желаю,
И отъ горя скорѣй отдохнуть;
Но пройщайте! довольно, кончаю...
До свиданья! и добрый вамъ путь.—

Октябрь
1858 г. Ярославль.

Раздумье.

Прошедшій годъ, на самомъ этомъ мѣстѣ
Звучала мнѣ все та-жь простая пѣсня,
Которую теперь работникъ по зарѣ
Поетъ одинъ, протяжно и уныло.
Все тѣ-жь слова, все тотъ-же голосъ грустный;
Такіе же, какъ годъ назадъ, цвѣты
Покрыли кустъ развѣсистой сирени.
И будто той-же зеленью сверкаютъ
Кудрявыя и гибкія березы;
Какъ будто съ нихъ листы не опадали:
И вѣтеръ ихъ, поблекшихъ, не крутилъ,
И будто тѣ цвѣты не увядали...
Сильна борьба у жизни съ разрушеньемъ.
Немало силъ и ты, душа, имѣешь,
Ужели ты, подъ бременемъ утраты,
Безсмертная, падешь въ изнеможеньи,
Безвременно сгубя святыя силы?
Не можетъ быть. И сколько въ этотъ годъ
Живыхъ надеждъ увяло у тебя:
А, вотъ, опять, съ улыбкой благодарной
Я нахожу въ природѣ счастья чары;
Высокій смыслъ въ печальной этой жизни,
Покой въ душѣ и Бога въ небесахъ...

Вечерняя мысль.

Небо голубое,
Неподвижность водъ
Золотыя звѣзды
И деревьевъ сводъ,
Тихо и безмолвно
Я на васъ гляжу,
Прежняго и тѣни
Я не нахожу.
А бывало сколько
Вы вздымали думъ
Иль будили сердце,
Усыпляя умъ...
Было-ли то счастье,
Иль обманъ души,
Только тѣ мгновенья
Чудны хороши.
Небо голубое,
Неподвижность водъ,
Золотыя звѣзды,
Темныхъ елей сводъ,—
Правда, день случайность
Вѣчно хороши,
Но смѣшно взывать мнѣ
Къ вамъ въ ночной тиши;
Но смѣшно забыть мнѣ,
Что вамъ дѣла нѣтъ,
До людскихъ страданій,
Да людскихъ суетъ.

Міръ обновленія.

Свѣжесть утра, розъ дыханье,
Говоръ свѣтлыхъ водъ,
Гибкихъ вѣтокъ колыханье
Ясный неба сводъ, —
Все мнѣ въ душу обаянье
И надежду льетъ.
Все печальное забыто,
Новый міръ встаетъ,
И о томъ, что ужь прожито
Вспомнить не даетъ.
Тайной силой обновленья
Дышеть грудь моя,
Впредь печали и сомнѣнью
Не отдамъ себя.
И среди житейской битвы
Твердо сохраню—
Вѣру сердца, пылъ молитвы
И любовь мою.

7 Января
1852 г.

Что ты хмуришь такъ брови сурово,
Что сердито глядишь на меня?
И упрека недоброе слово
Ужь готово слетѣть у тебя.
Еслибъ зналъ ты, какъ это мнѣ больно,
Какъ вчера я несчастна была!
Обманула тебя я невольно
И къ сосѣдкѣ придти не могла.
Жениха мнѣ вчера представляли.
(Я не знаю хорошъ онъ иль нѣтъ).
Цѣлый деня безпощадно терзали,
Принуждая дать страшный отвѣтъ.
Эту пытку я вынесла твердо.
Вотъ, теперь я свободна опять.
Вновь могу я и смѣло, и гордо
Жизни путь, какъ хочу, продолжать.
Улыбнись же... не мучь по напрасну.
За любовь, за улыбку, ты,—
Знаешь ты какъ безумно и страстно,
Тебѣ душу и жизнь отдаю...

20 Января
1852 г.

Часовня

(изъ Уланда).

На горѣ часовня, стройно,
Одинокая, стоитъ,
На долину такъ, спокойно,
Неподвижная глядитъ,

На долинѣ мальчикъ съ стадомъ
Распѣваетъ у ручья;
Озираетъ яснымъ взглядомъ,
Беззаботный, вкругъ себя.

Вдругъ, раздался звонъ печальный,
И, пастухъ мой вверхъ глядитъ,
Передъ хоромъ погребальнымъ,
Пѣснь веселая молчитъ.

Не для того ищу я идеала
Чтобы питать безумную любовь;
Нѣтъ, для любви душа моя устала,
И чувство въ ней ужь не воскреснетъ вновь.
Надъ пустотой несбывшихся желаній
Горитъ теперь холодный лучъ разсудка
Все,—сердца бредъ, нелѣпость упованій
Все юности обманчивая шутка.
Но я въ себѣ хотѣла бъ воскресить
Угасшую въ добро людское вѣру,
И съ жизнью умъ и сердце помирить,
Чтобъ уменьшить страданій тяжкихъ мѣру.
Вотъ, для чего ищу я идеала,
Вотъ, отчего, смущенная не разъ,
Подъ гнетомъ думъ я голову склоняла,
Роняя слезы горькія подъ часъ.

7 апрѣля 1853.

Неутоленная жажда.

Въ одно ароматное утро,
Подъ каплями свѣтлой росы,
Прелестный цвѣтокъ распустился
На мягкомъ, зеленомъ лугу,
Душистую поднялъ головку,
Съ любовью на небо взглянулъ:
И небо безоблачно было,
Ласкалъ его солнечный лучъ;
Шептала зеленая травка,
Восторженно пѣлъ соловей.
И счастливъ цвѣточекъ малютка,
И воздухъ живительный пьетъ;
Но солнце все выше восходитъ
Все жарче ласкаетъ его.
Ужъ высохли свѣтлыя капли
На пестрыхъ и нѣжныхъ листкахъ....
Онъ полонъ мучительной жаждой
Онъ соки теряетъ свои,
Сбираетъ послѣднія силы,
Чтобъ снова на небо взглянуть,
И видитъ по небу несется,
Сердито нахмуряся, туча
И молитъ онъ тучу усердно:
Приближься суровая туча
И съ края свинцовой одежды
Пролей хоть единую каплю,
Прохладную каплю дождя!—
Но туча проносится мимо,
Ни капли дождя не роняя,
Несетъ ее вѣтеръ могучій,
По волѣ капризной своей,—
И мрачно ему покоряясь,
Гуляетъ по небу она.
Но ропщетъ раскатами грома,
Но сыплетъ перуны порой,

Потомъ надъ песчаною степью
Заплакала крупнымъ дождемъ...
И тихо листки опустивши,
Бѣдняжка-цвѣточекъ завялъ....

Современному человѣку.

Не истины святой то голосъ благородный,
Но страждущей души одинъ порывъ безплодный,
Ума холоднаго безумная мечта;
Религія твоя темна и нечиста,
Ее душа съ испугомъ отвергаетъ
И странныхъ доводовъ твоихъ не понимаетъ
Разочарованъ ты и желчь въ тебѣ кипитъ—
Она то призраки нелѣпые творитъ.
Прилипчива въ тебѣ горячка заблужденій
И ложный блескъ твоихъ фальшивыхъ убѣжденій;
Но все-жь на голосъ твой душа моя молчитъ,
Завѣты прежніе съ любовію хранитъ,
И содрагается за участь человѣка,
И страждетъ за тебя, дитя больнаго вѣка.

В. И. Ж—ту.

Не начать ли ужъ стихами
Мнѣ посланіе къ тебѣ?
Стариной тряхнуть завѣтной
И былое вспомянуть?

Вѣрь, отрадны тѣ мгновенья
Мнѣ въ тиши переживать,
Какъ съ слезою умиленья
Я могла тебя обнять.

Жизни холода столичной
Не нашла въ тебѣ слѣдовъ—
Задушевный, симпатичный
Будешь ты всегда таковъ.

Я ждала тебя не мало
И насилу дождалась...
Подарилъ душѣ усталой
Не одинъ ты сладкій часъ...

Помню я въ прогулкѣ нашей
Разговоръ съ тобой живой, —
И природа полной чашей
Вдругъ раскрылась предо мной.

Пробудилися созвучья
Въ отуманенномъ умѣ;
И ловила звѣздный лучъ я
Въ ароматной ночи тмѣ.

Вмѣстѣ съ лѣтомъ и цвѣтами
Ты покинулъ насъ, другъ мой,
Но горитъ въ душѣ кручина
Слѣдъ, оставленный тобой.

И когда въ груди унылой
Разгуляется тоска,
Я припомню все, что было,
Даже *ноги паука*... ?

Станетъ легче, будто снова
Я опять, опять съ тобой,
И твое живое слово
Льется звучною струей.

Минута блаженства.

Воздухъ жжетъ горячее дыханье
Солнечныхъ, полуденныхъ лучей;
Разлилось цвѣтовъ благоуханье,
Въ сумракѣ развѣсистыхъ алей...
Смолкло птицъ веселыхъ щебетанье,
Лишь журчитъ подъ ивами ручей,
Да, порою, вѣтеръ торопливо
Пролетитъ, какъ вздохъ, между вѣтвей,—
Зашумятъ они тогда лѣниво
Ризою зеленою своей.

Въ воздухѣ ль разлито упоенье?
Сердце ль полно неизвѣстныхъ чаръ?
Что даетъ намъ свѣтлое мгновенье
И откуда благодатный даръ?...
Жизнь полна печали и мученья
За ударомъ шлетъ судьба ударъ...
Отчего-жь теперь не трудно и не больно
Чувствуешь тотъ сладостный угаръ,
Что въ душѣ взволнованной невольно
Вдохновенья разливаетъ жаръ?

Смолкли всѣ вопросы роковые..
Предо мною будто свѣтлый рай...
И меня уносятъ волны голубыя
Въ заколдованный, завѣтный край.
Ожили надежды золотыя...
Чудный мигъ! продлись, не улетай!..
О, душа моя! скорѣй его, всей силой,
Улови и вѣчно сохраняй!
Если память есть за темною могилой,
То и тамъ о немъ воспоминай...

Другъ мой! видишь ли, по небу,
Тучки вешніе, плывутъ
И въ поляхъ зазелѣнѣвшихъ
Птички весело поютъ!
Ужь на тополѣ высокомъ
Распустилися листы;
Дышутъ сладкимъ благовоньемъ
Мая первые цвѣты.
Подъ вліяньемъ чудной силы,
Вознесемся, хоть на мигъ,
Выше горя, выше счастья,
Выше радостей людскихъ.

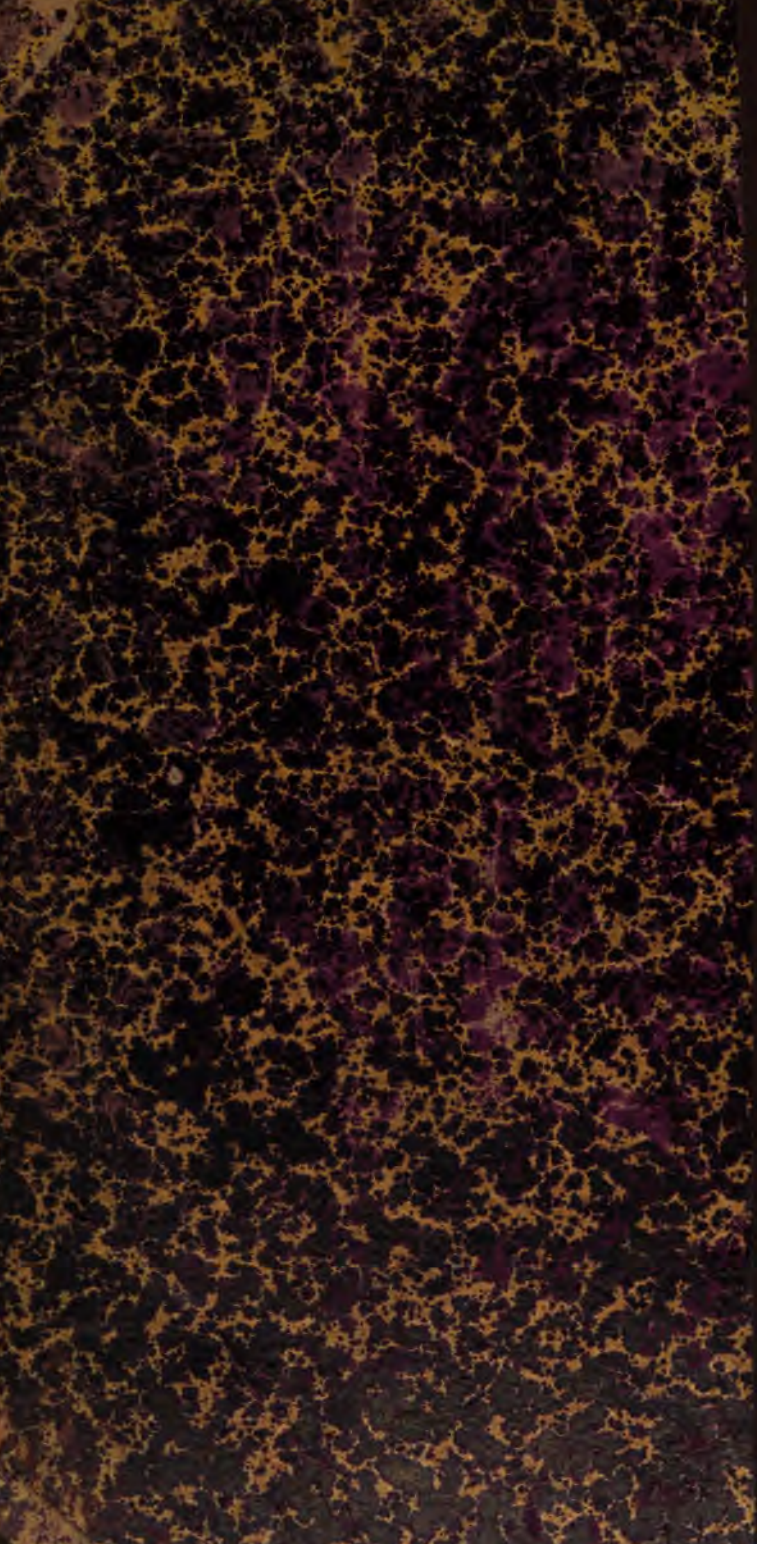
Не даромъ, вставила всю жизненную драму
Судьба въ блестящую, плѣнительную раму—
Небесъ бездонныхъ, звѣздъ блестящихъ,
Морей потоковъ, рѣкъ шумящихъ.
Не даромъ, кинула на утѣшенье взора
Земля могучее величіе простора,—
Высокихъ горъ несмѣтную громаду,
Чтобъ бѣдный смертный находилъ отраду
Хоть въ декораціи печальной сцены,—
Гдѣ все тяжелыя такія перемѣны...
И гдѣ актеры, зрители—другъ другу не подъ силу,
Окончивъ роль, идутъ себѣ въ могилу.

7 мая 1857 г.

Всѣ говорятъ, что бѣдный нашъ народъ
Пойметъ свое высокое призванье,
Со временемъ, окрѣпнетъ, возрастетъ...
Прекрасное, благое упованье!
Но мнится мнѣ, съ тоской непобѣдимой!—
Что тотъ, чье дѣтство протекло
Въ невѣжественной тмѣ непроходимой,
Укоренявшей пагубное зло;—
Въ кого съ невинныхъ первыхъ лѣтъ,
Любви къ благому не вселили,
Въ комъ рядомъ тяжкихъ смутъ и бѣдъ
Самосознаніе убили,
И истины прямой отрадный свѣтъ
Предубѣжденьемъ заслонили—
О, тотъ растетъ неправильно и тупо
И не дойдетъ развитія вполнѣ...
Живетъ и умираетъ глупо,
Въ своей печальной старинѣ!

H. H. Fa.

PG 3447 .Z3 .A6 1886 C.1
Sochinenīia:
Stanford University Libraries
3 6105 036 107 048

PG
3447
.Z3.A6
1886

DATE DUE